

ГЕНДЕРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

МОНОГРАФИЯ

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ГОРОДА МОСКВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ГЕНДЕРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

Монография

Санкт-Петербург
2020

УДК 159.9
ББК 88
Г 34

Авторский коллектив:

М. А. Ерофеева (п.2.2), Е. В. Иоффе (п.2.4), О. И. Ключко (введение, гл.1),
Д. В. Наумова (п.3.3), Е. В. Самосадова (2.3), Н. Ф. Сухарева (п.3.1),
А. А. Чекалина (гл.1, п.2.1), Л. В. Штылева (п.3.2)

Под научной редакцией Ольги Ивановны Ключко

Рецензенты:

Л. Б. Шнейдер, доктор психологических наук, профессор кафедры психологической антропологии, Институт детства, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;

Л. А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии образования Московского института психоанализа

Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-01207)

**Гендерная ментальность российской молодежи:
Г 34 психологический портрет:** монография / под науч. ред.
О. И. Ключко. – Текстовое электрон. издан. – СПб. : НИЦ АРТ,
2020. – 230 с., 1 CD-R.

DOI: 10.51623/9785907260696_20_230

ISBN 978-5-907260-69-6

В монографии раскрыты психологическое содержание и основные методологические подходы к изучению феномена гендерной ментальности. Представлены результаты эмпирического исследования компонентов гендерной ментальности российской учащейся молодежи мегаполисов и провинциальных городов, зафиксированы значительные сдвиги в содержании ментальности юношей и девушек, студентов и школьников в сторону эгалитарных гендерных норм.

Адресовано исследователям гендерной проблематики, педагогам и психологам, работающим с молодежью, преподавателям, студентам и аспирантам педагогических и психолого-педагогических направлений подготовки.

ISBN 978-5-907260-69-6

© НИЦ-АРТ, 2020

© Авторский коллектив, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Введение</u>	4
<u>ГЛАВА 1. ГЕНДЕРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА</u>	
<u>1.1 Ментальность как своеобразие группового сознания</u>	7
<u>1.2 Гендерная ментальность: феноменология и методология исследования</u>	14
<u>1.3 Гендерная ментальность современной молодежи: постановка проблемы</u>	24
<u>ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ</u>	
<u>2.1 Репрезентация гендерной идентичности студентов мегаполиса и провинции</u>	42
<u>2.2 Нормы женского поведения в представлениях российских студентов и школьников</u>	58
<u>2.3 Нормы мужского поведения в представлениях российских студентов и школьников</u>	77
<u>2.4 Гендерные нормы и диспозиции в сфере сексуальных отношений</u>	101
<u>ГЛАВА 3. СОЦИУМ, СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАНИЕ – ВЕДУЩИЕ ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ</u>	
<u>3.1 Супружеские и родительские установки российской учащейся молодежи</u>	125
<u>3.2 Образование как инструмент формирования гендерной ментальности</u>	147
<u>3.3 Аттitudes патриотизма и социальные установки юношей и девушек</u>	186
<u>Заключение</u>	218
<u>Список изданий проекта</u>	219
<u>Авторские данные</u>	227

Введение

В третьем тысячелетии мы наблюдаем ускорение многих социальных изменений, которые начались в 19–20-х веках. Каждое общество, страна, большая социальная группа в собственном темпе и с качественным своеобразием продвигаются к ценностям эгалитаризма, эмансипации, партнерства, что, безусловно, зависит от множества социальных факторов, важнейшими из которых являются уровень развития образования и культуры, демократизации и экономического благосостояния государства, распространенность и значимость религиозных взглядов, особенности социальной политики, идеологии, информационной среды (R.F. Inglehart, 2020; Г.Г. Силласте, 2019; Ж. Чернова, 2019; Л.В. Штылева, 2017; P. Thijs, 2019) и др. Одним из наиболее значимых изменений являются гендерные трансформации или так называемые гендерные революции, по выражению И.С. Кона¹.

Практически за столетие с небольшим произошли глобальные по своему масштабу изменения в гендерных отношениях: женщины получили материальную и юридическую независимость, доступ ко всем уровням образования, освоили большинство сфер и видов профессиональной деятельности; сексуальность отделилась от репродуктивной функции человека и превратилась в отдельную самостоятельную сферу жизни и способ самореализации; семья из многодетной и многопоколенной превратилась в нуклеарную, двухкарьерную и преимущественно одно-двухдетную, а число ее типов превышает десяток; андрогиния стала доминирующим типом идентичности. Традиционные мужские и женские нормы поведения активно подвергаются сомнению и пересматриваются, однако в национальном российском менталитете проявляется их устойчивость и консервативность.

Гендерную ментальность мы понимаем как разновидность ментальностей социальных групп, специфику группового сознания, обусловленную содержанием концептов «маскулинность» и «фемининность» в конкретном социокультурном и пространственно-временном контексте, и включающую когнитивные, эмоционально-смысловые и поведенческие паттерны.

Молодежь является социальной группой, которая, во-многом, является индикатором любых изменений, она склонна к экспериментам, чаще меняет имиджи, ее представления более гибкие, в том числе и представления о гендерных нормах и отношениях. Однако сама молодежная среда в настоящий момент крайне неоднородна, гендерные нормы и соответствующие им роли могут существенно отличаться в

¹ Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования : коллективная монография / отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 8-32.

различных социальных группах¹. Значительно возросла роль субъектности личности, проявляющейся в активности, самостоятельности, инициативности человека в профессиональной, общественной и личной жизни, одновременно демонстрируя огромный диапазон содержания идентичностей, их вариативность и изменчивость – именно того, что Дж. Батлер назвала конструированием идентичности в актах самопредставления и самопрезентации², а позже Дж. Крогер — иллюзией или неуловимостью идентичности³.

Через несколько лет гендерные установки и идеалы молодежи станут доминантой, определяющей гендерный уклад и порядок российского общества. Огромная протяженность нашей страны, контрасты в развитии столиц и регионов, специфика социокультурных, экономических и образовательных условий заставляют предполагать существенные различия в ментальности российских старшеклассников и студентов, проживающих в мегаполисах и провинциальных городах.

Данная монография представляет итог трехлетней работы коллектива единомышленников по изучению трансформаций в гендерной ментальности наиболее активной и динамично развивающейся группы российского общества – российских учащихся. В 2018 году коллективом исследователей (Е.В. Иоффе, М.А. Ерофеевой, О.И. Ключко, Е.В. Самосадовой, Н.Ф. Сухаревой, А.А. Чекалиной, Л.В. Штылевой) было проведено пилотажное исследование, которое позволило предположить своеобразие гендерной ментальности молодежи провинций и мегаполисов, были разработаны новые методы эмпирического исследования. За 2018–19 годы закончено формирование и апробация комплекса психодиагностических методик для изучения компонентов гендерной ментальности – гендерных норм, установок, идентичностей, собрана база эмпирических данных о содержании гендерной ментальности более 1200 юношей и девушек (школьников, студентов вузов) мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург) и различных городов российских провинций (Балашов, Коломна, Саранск).

Содержание подструктур гендерной ментальности выявлялось через преломление смысловых детерминант «женственности» и «мужественности» в основных сферах жизни, что стало основанием логики нашего исследования – от понимания российскими студентами и школьниками своей гендерной идентичности, норм мужского и женского

¹ Ключко О.И. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи / Е.В. Иоффе, М.А. Ерофеева, О.И. Ключко, А.А. Чекалина, Н.Ф. Сухарева, Е.В. Самосадова // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 55-69. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

² Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 317–318.

³ Kroger J. Why Is Identity Achievement So Elusive? // Identity. 2007. 7: 4, 331–348. DOI: 10.1080/15283480701600793

поведения к установкам в сексуальной, супружеской сферах, образовании и более широкому социальному контексту.

В первой главе представлено содержание родового понятия ментальности и специфика его понимания в психологическом знании, представлено описание содержания, российского контекста и основные методологические подходы к исследованию гендерной ментальности, состояние проблемы и современные данные о гендерной ментальности молодежи и данные пилотажного исследования, позволившего сформулировать предварительные гипотезы.

Во второй и третьей главах представлен анализ эмпирических данных о базовом содержании гендерной ментальности – идентичности и гендерных нормах – нормах мужского и женского поведения, и результаты исследования в более широком социальном контексте – супружеские нормы и модели гендерных отношений, лежащие в их основе; реализуемые в российском образовании гендерные идеалы воспитания российских педагогов и гендерные представления школьников; а также результаты эмпирического исследования аттитюдов патриотизма у российских студентов, показывающие тенденции конвергенции.

Исследование зафиксировало тенденцию к развитию эгалитарного типа мировоззрения у российской молодежи, а также статистически достоверные различия в содержании гендерной ментальности у молодежи мегаполиса и провинции, поскольку именно школьники и студенты провинциальных городов чаще демонстрирует ориентацию на традиционные нормы. Однако у большей части российской молодежи зафиксированы эгалитарные и смешанные гендерные нормы, что противоречит звучащим в средствах массовой информации тезисам о традиционных идеалах российских граждан.

Наш авторский коллектив благодарит ***Российский научный фонд фундаментальных исследований*** за поддержку и возможность осуществить данное исследование, а также представить его результаты на мероприятиях всероссийского и международного уровня. Благодарим наших уважаемых коллег и любознательных студентов, которые своим искренним интересом помогали продвигаться нашей работе.

Отдельная признательность ***Лидии Бернгардовне Шнейдер***, доктору психологических наук, профессору, и ***Любови Алексеевне Григорович***, доктору психологических наук, профессору, которые выступили рецензентами нашей монографии, высказали свои критические замечания, что позволило нам более четко обозначить свои позиции!

Будем рады сотрудничеству и дискуссиям на обозначенные в исследовании темы!

ГЛАВА 1. ГЕНДЕРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1 Ментальность как своеобразие группового сознания

Термин «ментальность» происходит от латинского «мышление, ум, рассудительность, душевный строй». В понимании термина «ментальность» имеются две традиции, описанные В.А. Шкуратовым: англо-саксонская и французская. Англо-саксонская традиция близка к первоначальному определению позднелатинского *mentalis* («умственный»), акцентируя интеллектуальные, когнитивные способности и ресурсы. Французская традиция подразумевает под ментальностью некий культурный код, который связывает между собой людей, определяя специфическое восприятие окружающего мира и людей, характерное для больших групп людей, что обуславливает особенности способов их поведения и реагирования на явления окружающей действительности¹.

Изучение ментальности в отечественной и зарубежной науке традиционно проходит в русле философских, культурологических, антропологических, иногда социологических исследований, психологические же теории и концепции данным понятием пренебрегают, скорее всего, в силу недостаточной четкости дефиниции. В то же время в социогуманитарной науке достаточно широко используются производные понятия – «этническая ментальность», «ментальность поколения», «городская ментальность» и прочее, обозначающие ту или иную специфику сознания конкретной значительной по размеру группы или отдельный аспект менталитета.

В самом общем смысле сознание определяется как единство субъективного и объективного (С.Л. Рубинштейн)², высший уровень организации психической жизни субъекта, выделяющего себя из окружающей действительности, отражающего эту действительность в форме психических образов, как рефлексивная способность, ориентированная на освоение внешнего и внутреннего мира, которая служит регулятором целенаправленной деятельности.

В классических работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна обоснована социально-культурная обусловленность сознания, его зависимость от социальной ситуации развития, что дает возможность человеку оперировать не только собственным непосредственным наглядно-чувственным опытом, но и

¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д., 1994. С. 78-81.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / сост., авт. коммент. и послесл. А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская. СПб. : Питер, 2000.

опытом, накопленным за всю историю человечества и передаваемым из поколения в поколение¹.

Большинством исследователей признается, что сознание есть продукт социальных отношений. Основание для формирования сознания закладывается в едином пространстве социума, индивидуальные черты приобретаются под влиянием врожденных особенностей и индивидуальных условий существования. Таким образом, сознание каждого индивида содержит как общие с другими индивидами – членами социальной группы, так и индивидуальные черты. Разделение сознания на индивидуальное и групповое традиционно как в отечественной, так и в зарубежной психологии, отражая вечную проблему личности и общества, их взаимодействия и взаимообуславливания

Трехуровневая модель группового сознания, предложенная Г.В. Акоповым, представляет специфическое промежуточное образование между общественным и индивидуальным сознанием:

– уровень группы: общее во взглядах, суждениях, мнениях, оценках по основным вопросам жизнедеятельности группы;

– уровень личности: идентификация с группой, осознание общности с ней, появление чувства «Мы», «Наше», гордость за группу, отстаивание ее интересов;

– уровень межличностных взаимодействий и взаимоотношений: групповые ценности, традиции, нормы, установки².

Понимание понятия «ментальность» отличается эклектичностью и детерминировано профессиональной принадлежностью, научными предпочтениями автора, исследовательскими подходами, методологией исследования. В частности, ряд ученых рассматривают это понятие как дефиниции бессознательного, культуры, традиций (Ф. Арьес), глубокий пласт представлений, образов (Р. Шартье, Ф. Бродель, Ж. Дюби), код поведения (Ф. Граус), сферу аффективного (В. Рауф), иерархию мотивов, систему ценностных ориентаций (А. Дюпрон), способы мышления, восприятия (П. Динцель-Бохер), социальные представления (С. Московичи), ограничивая, таким образом, ментальность как предмет исторического, антропологического и культурологического исследования³.

В работах других авторов можно отследить синонимичность понятия ментальности культурно-национальному характеру (Н.О. Лосский), системе норм поведения (И.Г. Дубов), общественному сознанию (Б.С. Гершунский), социальному мышлению (К.А. Абульханова-Славская), обобщенному способу восприятия мира (А.Я. Гуревич), ценностным

¹ Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб. : Питер, 2020.

² Акопов Г.В., Давыдкина Л.В., Семенова Т.В. Ментальность как групповое сознание : учеб. пособие. Самара : ПГСГА, 2015. С. 20-23.

³ История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 1996. 254 с.

ориентациям и социальным установкам (Д.В. Оборина), мотивам и предпочтениям (В.А. Сонин); отсылки к мировосприятию (А.Ю. Горбенко), способу видения мира (О.А. Анисимова), феномену культуры, групповому сознанию (Т.В. Иванова), мировоззренческой системе, компонентам мифосознания, архетипам и архетипическим формам коллективного сознания и другим дефинициям.

Активное изучение психологических аспектов ментальности пришлось на окончание 20-го и начало 21 веков¹. При систематизации психологических исследований ментальности становится видна специфика ее изучения в ведущих отечественных психологических школах. Так, работы московской психологической школы представляют собой попытки рассмотреть интегральные механизмы ментальности и ее связь с обобщающими социально-психологическими характеристиками личности в рамках двух направлений: сторонники идеографического подхода рассматривают ментальность как уникальное явление, детерминированное коллективным бессознательным (В.П. Зинченко); сторонники номотетического подхода склонны определять ментальность через обобщающие социально-психологические категории, такие как образ жизни и систему социальных представлений в определенной эпохе общества (К.А. Абульханова-Славская).

В ленинградской / петербургской психологической школе под ментальностью преимущественно понимаются исторически устойчивые общественные установки, ценности и нормы, имеющие как осознанный, так и неосознанный характер (В.Е. Семенов).

Специфика самарской психологической школы заключается в рассмотрении проблематики ментальности через категорию сознания и территориальной принадлежности группы (Г.В. Акопов и Т.В. Семенова)².

Культурно-исторический подход к изучению ментальности представлен в работах В.А. Шкуратова и его учеников, при этом общее понятие «ментальность» в исследовательских целях конкретизируется в понятиях ментальных порядков³. Данные подходы не являются ортогональными, однако акцентируют разные аспекты и уровни обобщения в исследовании психологического содержания ментальности.

Мы будем ориентироваться на позицию, выраженную в работах К.А. Абульхановой, Б.С. Гершунского, И.В. Грошева, И.Г. Дубова, В.А. Сониной, Т.Г. Стефаненко, Т.В. Семеновой и других исследователей, и

¹ Ментальность российской провинции : сб. материалов 4-й Всерос. конф. по исторической психологии российского сознания. Самара, 1-2 июля 2004 г. Самара, 2005.

² Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара, 2008. С. 32.

³ Белкин А.И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-izucheniyu-mentalnosti-v-psiologicheskoy-nauke> (дата обращения: 22.10.2020).

придерживаться понимания ментальности как некоего общего в сознании людей конкретной группы, связывающего их и отличающего от представителей других групп. В связи с этим *ментальность определяется нами как специфика группового сознания людей, детерминированная социокультурными и пространственно-временными особенностями жизнедеятельности группы.*

В исследованиях понятие «ментальность» обычно употребляется вместе с понятием «менталитет». Ряд авторов отождествляют данные понятия (Б.С. Гершунский, А.Я. Гуревич, Р.А. Додонов и др.), другие дифференцируют (К. А. Абульханова-Славская, И.В. Емелькина, Д.Н. Полежаев и др.). Нам близка вторая точка зрения, относящая понятие менталитет к устойчивому во времени значительной протяженности способу отражения действительности, функционирующий на стыке сознательного и бессознательного и во многом детерминирующий общественное и индивидуальное сознание и поведение.

Структурный анализ менталитета представляют в виде многоуровневой сферы, в которой:

– первый уровень – это устойчивое ядро, например, менталитет нации (включая народы, проживающие на одной территории). Так, менталитет проявляется в национальном характере, который, в свою очередь, представляет собой «исторически сложившуюся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре»;

– второй уровень – менее устойчивый в историческом времени – социально-общественный. Если на первом уровне исследователи выделяют русский / российский менталитет, то на данном уровне выделяют ментальности больших социальных групп, в том числе возрастные и гендерные ментальности российского общества;

– третий уровень – самый подвижный – представлен индивидуальными ментальностями¹.

Таким образом, ментальность представляет способ отражения действительности на уровне личности и группы, то есть «менталитет» и «ментальность» соотносятся как «целое» и «часть», что позволяет говорить о менталитете общества (например, национальном менталитете) и ментальности отдельной группы и конкретной личности.

Вслед за В.А. Кольцовой целесообразно выделить набор базовых компонентов менталитета и ментальностей, составляющих ядерный слой. Представляется, что к числу таковых относимы в первую очередь:

1. коллективная память;
2. социальные представления, установки и отношения;
3. закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения;

¹ Дорохова Т.С. Профессиональная ментальность российского педагога // Педагогическое образование в России. 2016. № 3. С. 126-130.

4. нормы, ценности и идеалы;
5. характер (например, национальный) и темперамент;
6. язык и речь как способ его выражения;
7. ментальные репрезентации культуры;
8. стиль мышления и социального восприятия;
9. поведенческие образцы;
10. идентичности¹.

В структуре ментального четко проявляются три универсальных и широко используемых в описании и анализе психики компонента – когнитивный, эмоциональный и поведенческий:

– *когнитивный* компонент – социальные представления, включая коллективное трансцендентное – религиозно-мистические представления о мире, жизни и смерти и т. п., а также соответствующие образы, формирующие важную часть «архетипов» коллективного сознания, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, склад ума и проч.;

– *аффективные и нормативно-ценностные* компоненты, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску, их осмысление и закрепление;

– *поведенческий* компонент: модели поведения, стереотипные реакции, традиции, жизненный уклад и т. д.

Синкретичны сознаваемое и неосознаваемое в ментальности личности. Понимание их представленности вариабельно. Часть определений указывает на осознаваемый характер ментальности личности и ее компонентов, в других подчеркивается неосознаваемый характер ментальности, например, ментальность есть «определенная совокупность устоявшихся неосознанных форм мировосприятия, присущих какой-либо группе, которые определяют общие черты отношения и поведения этих людей применительно к феноменам их бытия – жизни и смерти, здоровью и болезни, труду и потреблению, природе, детству и старости, семье и государству, прошлому и будущему».

Если менталитет отличается устойчивостью и относительной ригидностью, то ментальность, будучи обусловлена спецификой той или иной социальной группы, более подвержена изменениям (например, меняются социальные условия, вносятся коррективы в возможности исполнения ролей личностью, это ведет к изменениям в индивидуальных ментальностях). Это позволяет говорить о возможности целенаправленного воздействия на ментальность с целью ее развития, что для нас особенно важно в контексте изучения гендерной ментальности.

Исследователи практически единодушны в признании динамичности ментальности. Постоянные изменения в обществе и культуре приводят к

¹ Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Исторический генезис и современное состояние российского менталитета / отв. ред.: Кольцова В.А., Харитонов Е.В. М. : Институт психологии РАН, 2015. С. 5-15.

непрерывной трансформации, «смене», «деформациям» ментальности и сказываются на особенностях социального мышления и формирования менталитета современного человека, определяют его ментальное пространство, являющееся средой и условием его самореализации (В.А. Сонин).

Классификация ментальностей затруднена вследствие разнообразия подходов и трактовок. Анализ публикаций показал огромный разброс мнений (см. табл. 1): от проекции ментальности в языке, рекламной продукции, в системе права (И.П. Василук), в процессах социальной идентификации, социальной депривации, в коммуникации воспитателя и ребенка, до совместимости ментальности с методами развивающего обучения (П.В. Аносов и др.) и управления (О.Л. Медведкова).

Тем не менее в ментальности выделяются некоторые существенные концепты, позволяющие выделить и сопоставить ее содержание и развитие у разных носителей. К ним относятся – представления и отношения к добру и злу, правде и лжи, личности и обществу, собственности, любви, представления о мужском и женском, справедливости, здоровье, счастье и многие другие.

Таблица 1

Виды изучаемых ментальностей

Основание для изучения ментальности	Направления исследования ментальности
Виды больших социальных групп	возрастная (детская, молодежная, поколений) (В.И. Пищик); профессиональная ¹ (педагогов, психологов, менеджеров, инженеров, медиков); этническая, религиозная ² (Н.В. Синявина); гендерная (О.И. Ключко, А.А. Чекалина, Н.А. Чуркина); мигрантов, элиты, элиты бюрократической, интеллигенции, средневекового общества (И.С. Коноваленко)
Виды малых социальных групп	семейная (Е.А. Морозова); авторов граффити (А.И. Белкин)
Ментальность, обусловленная территориальной принадлежностью	материковая, евразийская (Л.А. Петрова); городская (Л.В. Карпушина и др.); провинциальная, дальневосточная, сельская
Ментальность, обусловленная языковой общностью	славянская, письменная (О.В. Бермант); молодежная языковая (Н.В. Гамидова)

¹ Shtrikova D. (2013). Concept of Female Professional Mentality. Procedia - Social and Behavioral Sciences. 86. 10.1016/j.sbspro.2013.08.566.

² Franks B., Bangerter A. and Bauer M. (2013) Conspiracy theories as quasi-religious mentality: an integrated account from cognitive science, social representations theory, and frame theory. Front. Psychol. 4:424. doi: 10.3389/fpsyg.2013.00424

Основание для изучения ментальности	Направления исследования ментальности
Ментальность, обусловленная общностью интересов и совместной деятельностью	крестьянская (М.И. Мельникова); корпоративная, экономическая (Ю.В. Латов и др.); политическая, социально-коммуникативная (Л. Д. Глазырина); правовая, историческая медиаментальность (Н.В. Коновалова); новая российская (А.П. Лиферов и др.); женская профессиональная, языческая (Н.А. Киндря)
Ментальность, обусловленная отдельными характеристиками личности и деятельности	ноуменальная, традиционная, инновационная (Ф.И. Семашкин); девиантогенная (Ю.А. Клейберг); антипсихотерапевтическая (Н.Д. Узлов); примитивная (Б.А. Дорошин); конспиративистская (В.И. Пищик); отрицательная (А.В. Посохова)
Ментальность субъективированная	индивидуальная (Э.М. Думнова); тренера (Г.А. Шоцкая); человека православного (В.А. Шатохина); учителя (А.А. Чекалина и др.); пожилого человека (В.А. Шатохина и др.)
Ментальность объективированная	сельской школы (М.П. Пивченко)

Обобщим существенные признаки в определениях понятия «ментальность», необходимые для понимания ее психологической феноменологии:

1. Ментальность – составная часть менталитета, выступающая на индивидуальном и групповом уровне как специфика группового сознания.

2. Ментальность социокультурно и пространственно-временно обусловлена, внутренне неоднородная, структурно представлена в когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих проявлениях.

3. Ментальность отражается в индивидуальном поведении, общении и деятельности. Среди ядерных компонентов содержания ментальности выделяют ценностные ориентации, социальные установки, социальные представления, особенности взаимодействия и отношений личностей.

4. Ментальность включает в себя как осознаваемые, так и не- или малоосознаваемые установки, ценности, нормы, способы поведения и реагирования на явления окружающей действительности.

1.2 Гендерная ментальность: феноменология и методология исследования

Гендерная ментальность – категория, которая не нашла еще активного применения в научном поле психологических наук. Родовое понятие «ментальность» носит междисциплинарный характер и изучается в различных направлениях гуманитарного знания (историческом, философском, культурологическом, психологическом, социологическом, педагогическом, политологическом, лингвистическом, антропологическом). В контексте заявленной проблемы гендерных трансформаций психологические исследования ментальности позволяют определить содержание представлений о мужском и женском в культуре и обществе и основные тенденции в их изменении у разных групп.

Появление гендерных исследований позволило переосмыслить традиционные понятия пола и перевести его из биологических категорий в социокультурную. В традиционном понимании пол человека отражал присущие мужчинам и женщинам анатомо-физиологические различия и индуцированные из них психологические особенности и социальные роли. Гендер, в самом широком смысле, рассматривается как социокультурный конструкт с присущими различиями в мужских и женских ролях, поведении, образе мышления.

Психологическое осмысление гендерной ментальности в отечественной научной литературе на настоящий момент только начинается, а потому определения далеки от четкости. Так, под гендерной ментальностью понимают символическую систему, определяющую особенности маскулинности и феминности и обуславливающую проявление единообразных когнитивно-эмоциональных реакций индивида и общности в соответствии с биологическими, социокультурными и духовными особенностями человека как представителя пола¹. Таким образом, в коллекцию дефиниций ментальности можно добавить «символическую систему». Например, в основе гендерной идентичности, ключевого компонента ментальности, лежит «восприятие себя и своего места в мире, представленное на уровне ценностно-смысловой сферы личности»². Гендерная ментальность позволяет человеку осознать свое протобытие и таким образом идентифицировать себя как представителя определенного пола, а также осмыслить свойственные своему полу образ мышления и практики преобразования себя и мира.

Одной из первых в отечественном научном психологическом контексте Н.А. Чуркиной высказано мнение о том, что основой гендерной ментальности выступают протономические структуры – архетипы

¹ Чуркина Н.А., Чуркин И.Ю. Необходимость учета гендерной ментальности в образовании // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 178-181.

² Гендерная психология и педагогика : учебник и практикум / под ред. О.И. Ключко. М. : Юрайт, 2020. С.47

коллективного бессознательного, которые возникли в древности и, сохраняясь в сознании современного человека, обуславливают универсальность его мышления с позиции маскулинности или феминности¹. Однако такое понимание не позволяет операционализировать изучаемое понятие.

Гендерную ментальность мы предлагаем трактовать как разновидность ментальности социальных групп в фиксированном пространственно-временном диапазоне с характерными параметрами социокультурной общности, соответствующей идентификацией и поведенческими паттернами. Используя термин «гендерная ментальность» как обобщающее понятие для целого спектра феноменов, включенных во все аспекты психологии человека и общества, мы полагаем, что все они касаются понимания людей как представителей конкретного пола и следующих из этого когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих паттернов, которые и создают ментальное поле мужчин и женщин.

Для понимания гендерной ментальности необходимо обратиться к ее реализации в рамках конкретного общества, исторического времени и географического пространства. Носителя ментальности делает таковым его деятельность, в процессе которой выстраивается логика освоения ментального пространства, вырабатываются «общие правила» совместного бытия и логика взаимодействия культуры и психологии (С.И. Соболев, 2008). Изучая гендерную ментальность, важно соотносить ее развитие как с историей, географией, локальной территорией проживания, регионом, культурой, национальными и религиозными ценностями, так и с возрастными и ролевыми (семейными, учебными, профессиональными и др.) практиками носителя. Среди условий развития ментальности называют культуру, образование, самосовершенствование личности, а также освоение языка, ролей, развитие системы отношений, которые являются контекстом исследования.

Структурно-содержательное наполнение гендерной ментальности детерминировано развитием менталитета российской нации, ментальности гендерной российского социума, ментальности индивидуальной носителя гендера. Схематически развитие гендерной ментальности возможно представить в виде многоуровневой сферы влияния макро-, мезо- и микрофакторов (табл. 2)².

К макроуровню анализа гендерной ментальности относим влияние природной среды обитания человека, его исторического времени,

¹ Чуркина Н.А. Гендерная ментальность: концептуальные основания исследования: монография / Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Новосибирск, 2016. 233 с.

² Чекалина А.А. Гендерные аспекты ментальности как проблема психологического анализа // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник материалов тематической секции / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. 2018. С. 14-24.

культурных условий, экономического и политико-правового состояния государства, роль расово-этнической, религиозной принадлежности индивида. Источники формирования гендерной ментальности возможно проследить в исторических, политических, социально-экономических условиях, отраженных в официальных нормативно-правовых документах. Историческая иллюстрация гендерных контрактов, социологические данные гендерной структуры и гендерного уклада / порядка (термин Г.Г. Силласте)¹, демографическая и прочая статистика становятся источником и основанием психологической исследовательской программы.

Таблица 2

Уровни анализа гендерной ментальности

Макроуровень анализа	Менталитет российской нации
Мезоуровень анализа	Гендерная ментальность представителей больших социальных групп:
	– гендерная ментальность жителя мегаполиса / провинции / конкретного региона
	– гендерная ментальность ребенка / взрослого
	– гендерная ментальность студента / учащегося
	– гендерная ментальность профессионала
	– гендерная ментальность семьянина
Микроуровень анализа	Гендерная ментальность субъекта

На территории РФ в настоящее время действуют международные и федеральные нормативно-правовые документы, декларирующие правовые позиции возможностей мужчины и женщины. Среди них можно назвать ратифицированные в России Конвенции «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» (1951), «О дискриминации в области труда и занятий» (1958), «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин, трудящихся с семейными обязанностями» (1981). В качестве нормативно-правового контекста развития гендерной ментальности в настоящий момент выступают положения Конституции РФ (статью 19 главы 2 «Права и свободы человека и гражданина»), указы Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993), «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ» (1996), постановление Правительства «Об утверждении Национального

¹ Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщины в российском обществе. 2019. №2. С. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1

плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года», проект закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей для мужчин и женщин в РФ» (в 2003 рассмотрен в первом чтении, на момент 2020 года он не принят); действующая Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы¹, проект закона о профилактике домашнего насилия², а также широкие общественные дискуссии о его содержании.

Гендерный анализ экономики, в частности, соотношение мужской и женской занятости, уровня заработной платы, безработицы и ее причин, профессиональной реализации, возможностей построения карьеры и активности мужчин и женщин раскрывает социальные условия, в которых формируется ментальность носителя гендера. В частности, опубликованные данные Федеральной службы государственной статистики России³, позволяют проанализировать параметры гендерного равенства в социально-экономической системе РФ. Изучение гендерного состояния общества показывает преобладание женского населения РФ, удельного веса женщин в общей численности работников, количества женщин, имеющих высшее образование. При этом женщины демонстрируют более низкий, чем у мужчин, уровень экономической активности, безработицы; численность женщин, занятых научно-исследовательской деятельностью, существенно ниже, чем мужчин⁴. Различается средняя начисленная заработная плата – женщины получают существенно меньше: отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин (если последнюю принять за 100%, составляет около 70%) (данные 2019 года).

Социологические и культурологические исследования гендерной ментальности предполагают изучение проблемы ментальных репрезентаций гендерных образов в СМИ, рекламе, социальных сетях, аспектов гендерной идеологии, изучение соотношения между приоритетными ценностями предыдущих поколений и их трансформациями в условиях социальной динамики.

К мезоуровню изучения развития гендерной ментальности относим территориальные, профессиональные, образовательные факторы. Особую роль в контексте исследования гендерной ментальности играет соотношение пространственной основы среды обитания человека и видов его деятельности в ней, изучение территориального фактора. Существуют значительные различия в ментальностях, порожденные условиями и требованиями среды мегаполиса и провинции, центральной или окраинной России. В частности, среди выделенных параметров городской

¹ <http://government.ru/docs/26698/>

² <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEFKLUIq7JAARUS.pdf>

³ <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>

⁴ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб.. М. : Росстат, 2018. 241 с. URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wo-man18.pdf>

ментальности, формирующими определенные потребности и предоставляющими те или иные возможности горожанам, – темпоритмические характеристики, психологический климат, социальные нормы, символика пространства и другое¹. Ценностная система индивида, его жизненные стратегии, тот архетипический набор, выступающий в качестве каркаса ментальности, будут выстраиваться из принципов, обусловленных территориальным фактором².

Анализ гендерной ментальности необходимо дополнить положениями о возможностях реализации профессиональной деятельности в гендерной структуре российского общества. Гендерный анализ фокусируется на проблемах распределения мужчин и женщин между профессиями, отраслями, их специфической концентрации на рынке труда и динамике перераспределения, то есть на проблеме горизонтальной профессиональной сегрегации. Сошлемся в качестве примера на Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих тарифных разрядов (1996), который отражает наименования профессии (более 8000) с точки зрения половой принадлежности обладателя. Анализ, проведенный Д.Б. Штриковой, показал, что из всего перечня только в 36 (0,45 %) профессиях отражена принадлежность к женскому полу, в том числе 15 (0,27 %) рабочих и 21 (0,8 %) служащих. Причем из должностей специалистов в категории «руководители» есть только «Заведующая машинописным бюро». Остальные профессии сформулированы, исходя из принадлежности к мужскому полу. Исследователь делает вывод о том, что классификатор официально закрепляет разделение профессий на мужские и женские, и уже этот факт оказывает значительное влияние на развитие женской ментальности³.

Для понимания гендерной ментальности необходим анализ вертикальной профессиональной сегрегации, отражающий различия в должностном положении мужчин и женщин на уровне отдельной профессиональной группы или категории работников. На ментальность субъекта учебной деятельности, несомненно, будет оказано влияние условий и факторов, агентов и механизмов гендерной социализации обучающегося в образовании, параметров гендерного пространства образовательного заведения, феминизации учительства, гендерной асимметрии образования⁴.

¹ Семенова Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности : автореф. ... дис. д-ра психол. наук. Казань, 2007. 40 с.

² Думнова Э.М. Территориальный фактор в формировании аксиосферы молодежи // Вестник КемГУ. Философия. 2014. № 1 (57) Т. 1 . С. 174-179.

³ Штрикова Д.Б. Политико-правовые факторы формирования женской профессиональной ментальности // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-4. С.890-895.

⁴ Чекалина А.А. Гендерные маркеры ролевого репертуара учителя начальных классов // Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса : сборник материалов II

Гендерная ментальность репрезентирована спецификой структуры семьи (расширенная, нуклеарная, монородительская, однополая), содержанием внутрисемейных отношений и основаниями для ее создания (брак / кровнородственные узы). Представления о гендерной ментальности дополняются психологическими исследованиями систем отношений в современной семье и изучением феномена родительства. Семья является основным агентом в трансляции социальных и культурных ценностей на начальных этапах социализации; ценности, поведенческие и моральные нормы, одобряемые семьей, задают те модели публичных и частных отношений, которые затем индивид воспроизводит как самостоятельный социальный субъект¹.

На микроуровне подразумевается изучение индивидуального уровня ментальности носителя гендера. Изучение неосознаваемых элементов – глубинных ценностных установок, навыков, привычек, стереотипов, рассматриваемых в определенных пространственно-временных границах, являющихся основой поведения, образа жизни и восприятия тех или иных явлений действительности, достаточно затруднено. Примером изучения неосознаваемого компонента ментальности может быть анализ вербальных репрезентаций женской языковой личности XXI века. Анализируя брачные тексты, исследователи пришли к выводу, что в рамках одной индивидуальности происходит синтез маскулинного и феминного. Традиционные для российской ментальности гендерные ценности сосуществуют с изменяющимися стереотипами восприятия себя и партнера, новыми формами гендерного поведения в актуальных исторических условиях. Женщины по-прежнему репродуцируют образцы гендерного поведения, заложенные в патриархальной русской и советской культурах. «Направленному воздействию западного культурного обмена, который инициировал трансформацию гендерных стереотипов в современной России, противостоят гендерные архетипы россиян»².

Необходимым элементом структуры гендерной ментальности выступают осмысленные гендерные аспекты Я-концепции, гендерные стереотипы, ценности, образцы поведения, роли и нормы взаимодействия и отношений и др., которые являются культурными и социальными детерминантами мышления и поведения человека как создателя, носителя и выразителя гендера. В качестве иллюстрации, например, выступает изучение оценочных суждений педагогов-женщин относительно своих профессиональных ролей, позволившее констатировать неравнозначное

межрег. науч.-практ. конференции, 14–15 апреля 2015 г., Москва, МГПУ. В 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 177-181.

¹ Чернова Ж.В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222-242. URL : <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>

² Вепрева И.Т., Сүй Шаньшань. Женская языковая личность XXI века в поисках новых гендерных норм (на материале брачных объявлений) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности 2016. № 14. С. 47-57.

отношение к исполняемым феминным и маскулинным ролям. Педагог-женщина репрезентирует групповое сознание представителей женской социальной, профессиональной, педагогической групп и их объединений, чья ментальность конструируется в конгруэнтной гендерной системе, определяющей индивидуальные возможности образования, профессиональной ориентации, публичного и частного поведения и т. д.

Исследование А.А. Чекалиной показало, что активность и направленность педагога-женщины формируются в противоречии между влиянием традиционных патриархатных ценностей и трансформацией понимания женственности / мужественности, деконструкцией гендерных границ, манифестацией равноправия гендеров. Специфика женского профессионального педагогического труда выявляет конфликты между феминными стереотипами и маскулинными требованиями делового профессионального поведения, между социальными и индивидуальными феминными и маскулинными стереотипами¹.

Используя описанную выше трехкомпонентную структуру ментальности, выделим основное содержание гендерной ментальности:

– *когнитивный компонент* – социальные представления о «мужском» и «женском» в культуре и обществе, в том числе о реальных и долженствующих ролях, качествах и свойствах мужчин и женщин, юношей и девушек, мальчиков и девочек, сознательные и бессознательные умонастроения, картины мира, склад ума и прочее. Так, представления о том, чему и как учить мальчиков и девочек, какое дополнительное образование для них предпочтительно, какую профессию выбрать юношам или девушкам, каким образом им достойно выглядеть и вести себя, напрямую проистекают из данного компонента;

– *аффективные и ценностно-смысловые компоненты*, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление, включают прежде всего соответствующие образы идеальных («настоящих») мужчин и женщин, формирующие важную часть «архетипов» коллективного сознания, которые всегда выступают образцом, квинтэссенцией смысла мужественности и женственности. Их подтверждение или нарушение всегда эмоционально окрашено положительными или отрицательными эмоциями. Наиболее ярко эмоциональный компонент гендерной ментальности проявляется в разнообразных табу («запретах») как проявлениях доминирующих социальных норм. Так, в российском обществе ярко проявляется табу на обсуждение сексуального просвещения в школах, колледжах, вузах, выражаясь в виде негативной реакции на попытки провести исследование сексуальных установок и представлений молодежи при одновременном широком распространении секс-услуг и продвигающих их сайтов, компьютерных игр и фильмов с эротическим и порнографическим

¹ Чекалина А.А. Психология гендерного самосознания : монография. М. : МГПУ, 2014. 240 с.

содержанием, ЗПП (заболеваний, передающихся половым путем), абортов как способа контрацепции. Подобная ситуация негативной оценки возникает при обсуждении гендерной проблематики на уровне кандидатских и докторских диссертаций, учебных пособий и монографий в научных и образовательных учреждениях, причем, как свидетельствуют участники профильных конференций и семинаров, это происходит достаточно часто, поскольку возникает сомнение в «научности» гендерной теории, претензии к политической нагруженности и феминистской ангажированности ее положений (*последнее не является недостатком – комментарий авторов*), что иллюстрирует содержание гендерной ментальности в академической среде, в частности ее традиционализм. Именно диапазон позитивных или негативных реакций и, конечно, степень их выраженности на нарушение табу иллюстрируют аффективный и ценностно-смысловой компонент гендерной ментальности;

– *поведенческий компонент* включает правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп, так называемые гендерные нормы. Гендерные нормы фиксируют некоторые оптимальные стандарты для конкретной культуры и исторической эпохи поведения и наряду с ценностями, традициями, смыслами составляют социокультурное пространство, в котором находятся мужчины и женщины современного общества. В гендерных нормах находят отражение как позитивные характеристики действия (предписания), так и негативные характеристики (запреты). Нормы дают мужчинам и женщинам представление о том, что считается «должным», «обязательным», «желаемым», «одобряемым», «ожидаемым», «отклоняемым». Мы в данном исследовании будем использовать типологию и описание эгалитарных и традиционалистских гендерных норм, описанные И.С. Клециной и Е.В. Иоффе.

В течение более полувека развития гендерной психологии сформировались основные методологические подходы к изучению компонентов и проявлений гендерной ментальности:

– *сравнительный подход* на основе изучения своеобразия личности мужчин и женщин при их сопоставлении по разным основаниям и критериям, наиболее полно и плодотворно реализованный в области дифференциальной психологии. Благодаря сравнительному подходу было найдено огромное количество различий в психике мужчин и женщин разного возраста, что подробно раскрывает дифференциальная психология; обнаружена специфика реализации ими разнообразных ролей, зафиксированы многие образовательные и социальные дефициты и проблемы социализации девочек и мальчиков, девушек и юношей, мужчин и женщин. Первой работой в этом русле следует считать знаменитый обзор Э. Маккоби и К. Джаклин о половых различиях¹, который фундировал

¹ Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. (1974). The psychology of sex differences. Palo Alto, CA: Stanford University Press

переход от полоролевого подхода к гендерному¹. Ярким примером детальной разработки данного подхода являются учебники «Гендерная психология» Т.В. Бендас и «Пол или Гендер» Е.П. Ильина. Но этот же подход благодаря метаанализу позволил усомниться в фундаментальности и системности гендерных различий и считать их вероятностными и вариативными;

– *структурный подход* на основе изучения содержания ключевых феноменов гендерной ментальности и, прежде всего, «маскулинности» и «фемининности», которые постепенно из аналитического конструкта превратились в массу исследований в квазисущностную характеристику мужчин и женщин, посредством которых оценивалось их соответствие своему полу. Безусловно, самым ярким примером является теория андрогинии С.Л. Бем², несмотря на то, что позднее сама автор ее раскритиковала и перешла к теории гендерной схемы или «линз гендера».

Благодаря структурному подходу произошло выделение многочисленных гендерных феноменов – гендерной идентичности (Л.Н. Ожегова), гендерного самосознания (А.А. Чекалина) и установок, компетентности и сензитивности и других по аналогии с существующей системой структуры личности и ее свойств. Данный подход позволил продемонстрировать наличие гендерных аспектов практически во всех структурных элементах психики и поведения.

Вычленение в структуре гендерной ментальности гендерных стереотипов как одного из видов социальных представлений, разработка их типологии, функций, исследование их влияния на поведение и отношения стало серьезным шагом к разработке нормативного подхода к изучению гендерной ментальности;

– *нормативный подход*, основанный на классификациях полотиличной личности, полоролевой социализации и моделях гендерных отношений: гендерно-схематизированной и нейтральной (С. Бем, 2004); партнерской и доминантно-зависимой модели отношений (И.С. Клецина, 2004); традиционной и эгалитарной (Л.В. Штылева, 2008, О.И. Ключко, 2016), и позволивший осознать, что диагностика и интерпретация свойств, ролей, поведения мужчин и женщин малопродуктивны вне зависимости от доминирующих в обществе и сознании личности гендерных норм, либо традиционных (патриархатных, иерархичных, строго соответствующих полу), либо эгалитарных (партнерских, вариативных, взаимозаменяемых).

¹ Ключко О.И., Чекалина А.А. От изучения половых различий к гендерным исследованиям: к 100-летию юбилею Элеонор Маккоби // Проблемы психолого-педагогической антропологии: Ежегодник научно-методологического семинара / отв. ред. И.В. Егоров, Г.Ю. Мартыанова. СПб., 2017. С. 56-66.

² Bem S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 42(2), 155–162.

Вариантом реализации нормативного подхода в исследовании образования является выделение традиционной и эгалитарной моделей гендерной социализации.

Традиционная (патриархатная) модель – характеризуется жесткой нормативностью «мужского» и «женского» и соответствующими стереотипами, стремлением развивать в детях мужественность и женственность соответственно полу, дифференциацией целей, содержания, форм, методов образования по половому признаку. Примером такой модели может служить дифференциация школьного обучения по половому признаку в российских школах 19 – начала 20 веков или разделение учебных предметов, методов и средств обучения по половому признаку.

Эгалитарная модель – характеризуется учетом личностных особенностей детей, отсутствием противопоставления «мужского» и «женского», стремлением развивать сочетание разных характеристик, сотрудничество, партнерство мужчин и женщин, мальчиков и девочек, обогащением содержания образования различными гендерными образами, стремлением раскрыть потенциал учащихся, независимо от половой принадлежности¹.

Таким образом, определение когнитивных, эмоционально-ценностных конструктов и паттернов гендерной ментальности, а также выявление динамики гендерных компонентов ментальности в переживаниях субъекта гендерной, территориальной, учебной, профессиональной, семейной принадлежности возможно осуществить через выделение смысловых детерминант обобщенного восприятия «женственности» и «мужественности», понимание проявления гендерной ментальности в повседневной жизни, через вербализацию актуальных гендерных представлений, преобразование и группировку их в кластеры смыслов.

¹ Ключко О.И. Модели полоролевой социализации в российском образовании // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 80-91.

1.3 Гендерная ментальность современной молодежи: постановка проблемы

Современное общество характеризуется кардинальными социальными трансформациями: глобализацией, которая ведет к расширению пространства межличностных контактов; усилением социальной неопределенности, связанной с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире; увеличением продолжительности периода детства и профессионального образования, «текучей» социализации и активной ресоциализации; расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи (З. Бауман, 2008¹, Э. Гидденс, 2004²).

Ментальность как область психической жизни людей детерминирована социальными, экономическими и политическими условиями жизни и задает иерархию ценностей и характерные убеждения, идеалы, социальные установки. Культурные нормы «мужского» и «женского», гендерные представления, установки, идентичности, роли – неотъемлемые компоненты в структуре ментальности. В патриархальном обществе представления о маскулинных и фемининных эталонах и об отношениях полов, формирующиеся в процессе гендерной социализации, усваиваются индивидом на основе принудительной гендерной нормативности, во многом определяемой политикой, экономикой, религией и традициями.

В XX веке произошли существенные изменения одного из фундаментальных факторов социализации индивида – отношений между полами в семье и обществе: были признаны идея равноправия полов и вариативность нормативных моделей маскулинности и фемининности, что дало основание констатировать наступление так называемой гендерной революции в терминологии И.С. Кона. Начиная с 1960-х годов, вместе с ослаблением внешнего контроля за сексуальным поведением и появлением эффективной контрацепции, произошло снижение возраста сексуального дебюта, рост числа до- и внебрачных связей, то есть отделение сексуальности от репродукции. Совместное обучение мальчиков и девочек, ставшее массовым в 20 веке, подорвало гендерную сегрегацию, что совместно с ростом потребности в людях массовых профессий привело к ослаблению асимметрии мужских и женских социальных, в том числе профессиональных ролей. На данный момент очень немногие сферы жизни можно назвать только мужскими или только женскими. Несмотря на более значительную выраженность изменений у женщин, уже сейчас

¹ Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с

² Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.

большинство психологических черт и свойств человека считаются гендерно-нейтральными, а не полотипичными¹.

Постиндустриализм акцентирует внимание на роли технического и научного прогресса в общественном развитии; теоретики постмодернизма выдвигают на первый план новые качества человека, определяющие фундаментальные свойства будущего общества. Об этом свидетельствует лонгитюдное исследование эволюции культурных ценностей в конце XX – начале XXI вв. (Р. Инглхарт, К. Вельцель, 2011), основанное на данных по 43 культурам, охватывающим более 70% населения Земли, включая Россию. В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения².

В современных обществах (Германия, Дания, Канада, Швеция, Франция и др.) акцент на дифференцированной по половому признаку социализации теряет свою значимость³. Во многих странах мира взят курс на поддержание равенства полов, ослабление патриархальных предрассудков, создаются условия для всестороннего развития и самореализации представителей и мужского и женского пола (О.А. Воронина, 2004, М. Киммел, 2006). Гендерное равенство представляет собой индикатор того, насколько продвинулась та или иная страна в данном направлении, и который рассчитывается ООН для каждой страны и мира в целом на основе совокупности показателей (экономическая активность и возможности, уровень образования, здоровье и продолжительность жизни, участие в политике мужчин и женщин). В 2020 Россия снизила свои показатели и заняла лишь 81 место (ранее 75 место) в рейтинге гендерного равенства⁴.

Следует акцентировать, что стремление к гендерному равенству совершенно не означает отказа от гендерных различий, о чем часто беспокоятся его противники. Действительно, исследования гендерных различий в мужских и женских чертах в Соединенных Штатах демонстрируют тенденцию к конвергенции, тем не менее степень выраженности изменений у мужчин и женщин неодинакова. Так, показатели мужественности и женственности мужчин по шкале Bem Sex Role Inventory оставались относительно стабильными, тогда как показатели андрогинности женщин значительно выросли с 1974 по 1993

¹ Кон И. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 51-65.

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

³ Женщины, бизнес и закон 2019. Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк. URL : <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31327/WBL2019RU.pdf?sequence=10> (Дата доступа : 31.10.2020)

⁴ Global Gender Gap Report 2020. URL : http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf

годы (К. Donnelly, J.M. Twenge, 2017)¹. В то же время в анализе динамики изменения ценностей граждан разных стран обнаружено отсутствие существенных взаимосвязей между изменениями в гендерном равенстве и гендерными различиями. Более того, значительное число исследований, изучавших различия в психике мужчин и женщин, показало, что гендерные различия более выражены в богатых и эгалитарных странах. Эти результаты кажутся парадоксальными на первый взгляд, потому что можно было бы ожидать, что гендерные различия уменьшаются, а не увеличиваются, поскольку ресурсы становятся более равномерно распределенными, что приводит к похожим условиям жизни для мужчин и женщин. Однако наличие широких возможностей, вероятно, позволяет раскрываться индивидуальности личности, поддерживая разнообразие и гендерные различия в том числе. Авторы называют положительную связь между гендерным равенством и гендерными различиями «парадоксом гендерного равенства и личности» (F. Connolly, 2020)².

В противоположность общемировым тенденциям российские исследователи фиксируют дальнейшее разграничение мужских и женских сфер, ролей и образов на фоне повышения уровня образования, статуса и роста внедомашней занятости женщин (Г.Г. Силласте, 2012, А.В. Мудрик, 2010), сильные традиции воспитания в духе патернализма и консервации половых ролей (Л.В. Штылева, 2017). В то же время отмечается, что новое поколение – это поколение с очень сильно выраженными индивидуалистическими ориентациями. Юноши и девушки, молодые женщины и мужчины пытаются мыслить стратегически, управлять своей жизнью, добиваться поставленных целей, получая образование, определяя для себя выгодные условия работы, планируя семью (А. Temkina, E. Zdravomyslova, 2015).

Эти тенденции на уровне массового сознания проявляются в сосуществовании традиционалистских (патриархатных, консервативных) и эгалитарных гендерных норм, что свидетельствует о незавершенности гендерной революции. Так, очевидно, что в России семейная революция фактически не состоялась, поскольку массовый выход женщин на рынок труда не получил такого же «симметричного ответа» со стороны мужчин в сфере их участия в осуществлении заботы о детях и пожилых, выполнении неоплачиваемой домашней работы.

Устойчивый запрос на эгалитарные ценности в отношениях формулируется авангардом нашего модернизирующегося общества – представителями городского образованного среднего класса (Ж. Чернова,

¹ Donnelly K., Twenge J.M. Masculine and Feminine Traits on the Bem Sex-Role Inventory, 1993–2012: a Cross-Temporal Meta-Analysis. *Sex Roles* 76, 556–565 (2017). URL : <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0625-y>

² Connolly F., Goossen M. & Hjerm M. Does Gender Equality Cause Gender Differences in Values? Reassessing the Gender-Equality-Personality Paradox. *Sex Roles* 83, 101–113 (2020). URL : <https://doi.org/10.1007/s11199-019-01097-x>

2017). В противовес этому запросу на постсоветском пространстве видна риторика возврата к традиционной семье и дифференцированного по полу обучения на основе фундирования половых различий¹. В то же время массовые исследования доказывают, что раздельное обучение мальчиков и девочек в школах не приводит к повышению уровня образования учащихся, однако способствует закреплению стереотипов и распространению сексизма (D. Halpern и др. 2011)².

Демографические проблемы в развитых странах, в которых зачастую обвиняют феминизм и политику гендерного равенства, гораздо более обоснованно объясняются сокращением детской смертности, обусловленного развитием медицины; значительным увеличением продолжительности периода детства и значительным ростом расходов на уход, образование и содержание ребенка; изменением стандартов качества жизни; ориентацией современных обществ на самореализацию и успех и др. Так называемый кризис семьи, который интерпретируется как «деградация семейных ценностей», на самом деле символизирует переход к современному типу семейного и общественного устройства. Однако этот переход связан с разрушением не самой семьи, а традиционных представлений о семье, которые, в свою очередь, противопоставляют семейные ценности патриархата правам человека.

Тем не менее, как показывают социологические и психологические исследования, семья остается доминирующей ценностью в оценках россиян в целом и молодежи в частности³. Однако представления о ценностях семьи и семейного образа жизни, ожидания современных мужчин и женщин как супругов и родителей по сравнению с традиционными представлениями о семье в прошлом, изменяются⁴. В целом эволюция семейных и личностных ценностей отражает ключевые направления модернизации всего мира – рационализация и секуляризация, переход от единообразия – к многообразию, от жестких правил и ограничений – к свободе индивидуального выбора жизненных стилей и самовыражения, от ценностей выживания к ценностям благополучия⁵.

Молодежь – одна из крупных социально-демографических групп российского общества – более восприимчива и легче адаптируется к

¹ Девярых С.Ю. Развитие семейно-ценностных ориентаций учащейся молодежи в образовании: рефлексивно-диалогический подход. Минск, 2014. 99 с.

² Halpern D. F., Eliot L., Bigler R. S. et al. The pseudoscience of single-sex schooling // Science. 2011. Vol. 333, Iss. 6050. URL : https://www.researchgate.net/publication/51664377_The_Pseudoscience_of_Single-Sex_Schooling Дата доступа 21.10.2020.

³ Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М., 2016. 155 с.

⁴ Жизненные перспективы учащейся молодежи: ценности и смыслы бытия : коллект. монография / под ред О.И. Ключко. М. : МГПУ, 2015.

⁵ Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.

изменяющимся условиям российского общества, быстрее осваивает новые практики и технологии, включается в информационные сети, более мобильна и индивидуалистична. Множественность «молодежности» в современном мире связана с расширением реального и символического пространства молодости молодых людей за счет увеличения сроков образования, переноса на будущее начала самостоятельной жизни, раннего включения в молодежные культуры. В мегаполисах, где процент молодежи выше по сравнению с провинцией, у молодежи больший выбор форм социального поведения. Широкий спектр возможностей, разнообразие культурных влияний, модернизационные процессы и многие другие факторы приводят к тому, что в мегаполисе формируется установка на разнообразие форм социального поведения – мультикультурности при одновременной более высокой степени автономности людей¹.

Перечислим наиболее часто называемые характеристики современной молодежи, причем в одних источниках они представлены как уже существующие в настоящем, в других – как ближайшая тенденция:

- ✓ открытость экспериментам и изменениям, принятие вариативности, плюрализма мнений и его одобрение;
- ✓ индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам, меньшая значимость мнения учителей и родителей, большая – сверстников и референтных людей;
- ✓ большая ориентация на настоящее, а не на прошлое, будущее видится неопределенным, жизненные цели и перспективы многовариантны;
- ✓ готовность к мобильности – географической, профессиональной, но при этом у значительной части молодежи – социальная пассивность и потребительство, индифферентность к политике, внепрофессиональная направленность;
- ✓ высокая ценность не только формального, но и неформального образования, самообразования;
- ✓ уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью;
- ✓ ориентация молодежи на материальные ценности, практичность, циничность, расточительство;
- ✓ стремление к сохранению своего здоровья, целеустремленность в достижении поставленных целей, открытость к коммуникации².

¹ Омельченко Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 145-166.

² Радаев В. Меллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.; Гражданское мировосприятие молодежи: теоретико-эмпирическое исследование / Л.Б. Шнейдер, И.В. Егоров, А.И. Симанина. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 116 с.; Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // Даешь, молодежь! 2017. № 3405. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116284> (Дата доступа 12.10.2019)

Известные варианты трансмиссии социального опыта, описанные М. Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику социализации. В мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. В больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях. Существует значительный разрыв между знаниями, которые имеет подрастающее поколение относительно нормативных моделей мужского и женского поведения, и реализацией идентичности. В мегаполисах наблюдаются различные формы гендерных сценариев и менее жесткие гендерные стереотипы, что можно рассматривать как потенциал для разрушения патриархатной картины мира. В малых городах более традиционная гендерная социализация обуславливает патриархатные представления о гендерном порядке и более нормативное формирование гендерной идентичности. В то же время межпоколенческий разрыв в трансмиссии социального опыта в провинции не столь велик, как в мегаполисе¹.

Многочисленные факты обнаруживают вариативность и неоднозначность гендерных компонентов ментальности современных юношей и девушек. Обнаружено преобладание тенденции к субъективному снижению возраста, что указывает, наряду с другими данными на «бегство» от взрослости и ответственных решений. Идеальный возраст для молодых людей и девушек существенно отличался, отражая у мужчин стремление к достижениям, независимости и состоятельности (возраст завышен), и желание женщин оставаться юными и привлекательными (возраст занижен)². В провинциальном городе зафиксирована тенденция к андрогинности, а в мегаполисе возрастает склонность к инфантилизации³.

Актуальной проблемой социализации исследователи считают чрезмерную привязанность подростков к сверстникам, которая является результатом дефицита общения с родителями. Подобное смещение привязанности способствует развитию той степени интимности в отношениях подростков, к которой они не подготовлены. Закономерная в таких условиях социализации компенсаторная сексуализация отношений между подростками часто сопровождается различными нежелательными

¹ Шилов В.В., Семенова М.Н. и др. Ценностные ориентации двух поколений (по результатам социологического опроса) // Власть. 2016. № 2. С. 141–148.

² Сергиенко Е.А., Эйдельман Г.Н. Возрастная идентификация современной молодежи как фактор самодетерминации // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 62-72.

³ Никитина А.А., Радина Н.К. Мужская идентичность юношей-студентов: социально-психологические аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (121). С.121-125.

последствиями (эмоциональные травмы, страх перед близостью, комплекс неполноценности, подростковые беременности, ЗППП)¹.

Сексуальная социализация современных молодых людей происходит в условиях открытого доступа к услугам и товарам сексиндустрии (порнография, проституция, сайты знакомств), что способствует формированию искаженных представлений об интимности и готовности молодых людей вступать в сексуальные отношения на договорной основе. Влияние сексиндустрии на установки и опыт молодежи, вероятно, обусловлены в мегаполисе агрессивной рекламой и доступностью услуг, а в провинции – отсутствием развитой индустрии развлечений и дефицитом трудовой занятости².

Одной из центральных проблем гендерной социализации как девочек / девушек, так юношей / мужчин является нахождение баланса между ориентацией на семью и карьеру, огромная физическая и психоэмоциональная нагрузка, связанная расширением ролевого диапазона и экспансией идеологии успешности и конкуренции, которая заставляет отказываться от прежних идентификационных и поведенческих моделей и активно искать новые³.

Трансформации самосознания женщин, связанные с расширением репертуара и изменением ролей, более ярко проявились в конце 20 века, а в 21 наиболее явному изменению подвергается ментальность мужчин, что и фиксируют бурно развивающиеся мужские исследования как компонента gender study⁴. Как в России, так и за рубежом отмечаются признаки десоциализации мужчин, выраженные в следующих симптомах: разочарованность в учебе, агрессивность, снижение социально-психологической компетентности, одержимость играми, ожирение, увлечение порно, зависимость от лекарств и наркотиков и пр.⁵, при одновременной мифологизации представлений об «идеальном мужчине»⁶.

Таким образом, с одной стороны, заметна тенденция к увеличению числа вариантов гендерных ментальностей современной молодежи в зависимости от места проживания и социального опыта, с другой – сохраняются паттерны воспроизводства мужественности и женственности, основанные на патриархатных асимметричных моделях и нормах, и, как

¹ Ньюфелд Г., Матэ Г. Не упускайте своих детей. М. : Ресурс, 2012. 284 с.

² Иоффе Е. В. Роль факторов сексуальной социализации в формировании сексуальных сценариев подростков // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика : электрон. науч. журн. 2016. № 1 (11). URL : http://medpsy.ru/climp/2016_1_11/article14.php

³ Сэндберг Ш. Женщина, работа и воля к лидерству. М. : Альпина Паблишер, 2017. 284 с.

⁴ Кон И.С Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2010. 704 с.

⁵ Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. М. : Альпина Паблишер, 2017. 420 с.

⁶ Поллак У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве. М. : Ресурс, 2016. 560 с.

следствие, массовые проявления кризиса традиционной гендерной идентичности, неадекватной современным условиям.

Указанные и многие другие проблемы фиксируют необходимость поиска ответов на следующие вопросы: насколько в настоящий момент содержание гендерных трансформаций в структуре ментальности и практики гендерной социализации учащейся молодежи в российском обществе демонстрируют соответствие или несоответствие мировым тенденциям, ориентирам постиндустриального общества в развитых странах? Каковы направления и специфика данных трансформаций в условиях мегаполиса и провинции как важнейших факторов гендерной социализации? Как изменились ментальные репрезентации «мужского» и «женского» российской молодежи за последние 15–20 лет?

В России в настоящий момент отсутствует целенаправленная политика по достижению гендерного равенства, отрицается потребность в гендерных квотах и программах сексуального просвещения якобы вследствие национальных традиций. Однако ответы на указанные вопросы необходимы как для разработки содержания демографической, молодежной и образовательной политики, так и реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. (Распоряжение Правительства РФ №410-р от 8 марта 2017 года) и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

В 2017 году коллективом исследователей (Е.В. Иоффе, М.А. Ерофеевой, О.И. Ключко, Е.В. Самосадовой, Н.Ф. Сухаревой, А.А. Чекалиной, Л.В. Штылевой) были инициированы исследования гендерных трансформаций в ментальности российской молодежи и проведено пилотажное исследование, которое позволило предположить своеобразие гендерной ментальности молодежи российских провинций и мегаполисов и констатировать тенденции изменений в ее содержании.

Теоретико-методологической базой исследования послужили концепции трансформаций в ценностно-смысловой и эмоциональной сферах человеческих отношений (Э. Гидденс, Р. Коннел, Р. Инглхарт, И.С. Кон, Г.Г. Силласте); концепция традиционной и модернизированной моделей семьи (Э. Гидденс, С.И. Голод, Ж. Чернова); концепция гендерных норм (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе), концепция гендерной ментальности и гендерного самосознания (О.И. Ключко, А.А. Чекалина).

Для изучения восприятия молодежи современных гендерных трансформаций было проведено интервьюирование студентов городов Коломна (Московская область), Саранск (Республика Мордовия), Балашов (Саратовская область), Москва и Санкт-Петербург. В опросе приняли участие 237 студентов, в том числе учащиеся ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»; ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт

им. М.Е. Евсевьева», Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, из них 175 девушек и 62 юношей, средний возраст 19,5 лет.

В основной части интервью стояли два вопроса:

1. Кто такие современные мужчины? Какие качества вы у них наблюдаете?

2. Кто такие современные женщины? Какие качества вы у них наблюдаете?

Предполагалось услышать разнообразные суждения, которые бы позволили воссоздать представления учащейся молодежи, наблюдающей происходящие на их глазах гендерные трансформации, о современных мужчинах и женщинах и выявить отношение к происходящим переменам как индикатор, с одной стороны, их гендерного самосознания, с другой, их готовности к партнерским отношениям.

Обработка результатов проходила с использованием контент-анализа. В качестве категорий анализа были выделены дефиниции современных мужчин и женщин, их личностные качества, ценности и роли. В качестве единиц анализа были определены законченные высказывания, учитывался также знак единицы анализа (положительная, нейтральная или отрицательная оценка / отношение). Содержательные высказывания с утвердительной / созидательной коннотацией, а также безоценочные, сопровождающиеся позитивными эмоциями были определены как конструктивные; эмоционально-отрицательно окрашенные высказывания, с негативными оценочными суждениями, не способствующие диалогу и развитию партнерских отношений, были обозначены как деструктивные.

Исследовательская программа предполагала анализ полученных результатов с целью сопоставления содержательных конструктивных / деструктивных суждений девушек и юношей о современных мужчинах / современных женщинах; по выборочный анализ конструктивных / деструктивных высказываний у девушек и юношей провинции, девушек и юношей мегаполисов. Сопоставление результатов проводилось с использованием ϕ -критерия Фишера, что позволило оценить достоверность различий между процентными долями двух выборок по числу конструктивных / деструктивных высказываний. Таким образом, была получена следующая информация:

- об актуальных представлениях юношей и девушек о концептах «современный мужчина» и «современная женщина»;
- об отношении юношей и девушек к современным гендерным трансформациям, иллюстрирующим ту или иную степень их осознания и принятия;
- о специфике представлений о гендерных трансформациях студенческой молодежи мегаполиса и провинции.

Интервьюирование вызывало активную дискуссию, яркие эмоциональные отклики, довольно продолжительное обсуждение. Юноши и девушки в развернутой форме продемонстрировали свое представление о современных мужчине и женщине, высказались по поводу их статусов в социальном устройстве, качеств личности, системы отношений, ценностей и ролей.

Стараясь дать определение современного мужчины, молодые люди называли его «представителем сильного пола с ярко выраженной физической и моральной зрелостью». Его обобщенная характеристика включает качества целеустремленности, ориентации на самореализацию и достижения, заботу о семье.

Современная женщина, по мнению молодых людей, «это не домохозяйка, а человек, умеющий зарабатывать», демонстрирующая независимость, отзывчивость, терпеливость, заботливость, ориентирующаяся на семейные и несемейные ценности, материнство и развитие карьеры, стремящаяся к мастерству и красоте.

Респондентов всех выборок объединяет убежденность в заметных трансформациях гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширении спектра стереотипного поведения. Так, мужчины активно осваивают женские роли и демонстрируют фемининные качества личности: студенты отмечают их пассивность, доброту, мягкость, заботливость, эмоциональность, ранимость, осознанное отцовство и ответственное супружество. «Построить дом, посадить дерево» для современного мужчины может не быть актуальным, он ориентируется не на стереотипы, а на собственные потребности.

В поведении и взаимодействии женщин молодые люди наблюдают «уверенность в собственных силах и правах, независимость от партнеров-мужчин и самодостаточность, не-слабость, но возрастающую мужественность». Современные женщины «научились совмещать семью и профессию», умеют делегировать семейную нагрузку, она явно выходит за границы стереотипа «берегини домашнего очага».

И юноши, и девушки отметили современные им равные возможности мужчин и женщин – в профессиональной деятельности, в карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье («мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества»; «сегодня девушка имеет такие же права, как и мужчина» и др.).

Трансформация гендерных особенностей отмечалась респондентами в наблюдаемой культуре ухода за собой, культе внешности, внимании к модным тенденциям, в широком использовании технологий пластической хирургии, косметологии, практик ухода за телом для мужчин и женщин.

Трансформация ролей и размытость стереотипов не разрушают базовые человеческие ценности во взаимоотношениях. Отметив, что современные женщины и мужчины очень разные, молодые люди признали,

что «все хотят любви, семью», уважительных и ответственных взаимоотношений.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. В частности, девушки, по сравнению с юношами, высказали значимо больше деструктивных суждений о современных мужчинах и значимо меньше конструктивных (см. табл. 1).

В высказываниях студенток провинциальных вузов отчетливо прозвучали:

✓ критика и скепсис в отношении качеств личности современного мужчины (избалованность, безответственность, несамостоятельность, зависимость и другие);

✓ отмечены непаритетные отношения с женщинами («не готовы принимать важные решения», «перекладывают все на женщину», «а раньше было наоборот»);

✓ негативная оценка отношения мужчины к своей внешности («подолгу любуются перед зеркалом», «рассматривают лицо и фигуру», «делают прическу», «мажут лицо кремом», «наносят макияж», «тратят массу времени на уход за собой», «больше, чем девушки, увлечены покупками одежды, обуви, аксессуаров»).

Студентки мегаполисов одновременно называли крайне противоречивые качества личности мужчин («очень мягкие – какие-то «тряпки», либо очень жесткие»; «решительные, упорные, которые к чему-то стремятся, которые достигают своих целей» и, наоборот, «очень зажатые, необразованные, неинтересные»; «заботятся о внешности, приятно посмотреть» и «красуются, как девочки»).

Суждения юношей оппонируют высказываниям девушек: мужчины, по их мнению, демонстрируют смелость, ум, умение принимать решения, упорство, открытость новому, иногда эти качества сочетаются с безынициативностью, трусоватостью, бесхребетностью, мягкотелостью, ленью, определенной меркантильностью.

В сравнении с юношами, девушки высказали значимо большее количество положительных суждений о современных женщинах. Они считают их людьми с большим диапазоном возможностей (см. табл. 2). Среди качеств личности, в дополнение к вышесказанным, названы уверенность в своих правах, решительность, ум, целеустремленность, конкурентоспособность, а также романтичность и мечтательность.

Студенты мегаполиса, в отличие от студенток, высказали значимо больше отрицательных суждений, приписав современной женщине неискренность, искусственность, цинизм, меркантильность, слабость, наивность, иждивенчество, демонстративное поведение и др.

Эмпирические показатели ф-критерия Фишера при сопоставлении гендерных представлений о современных мужчинах студентов мегаполиса и провинции

Высказывания о современных мужчинах	Студенты провинции		Студенты мегаполиса	
	девушки	юноши	девушки	юноши
Общее количество высказываний	119	45	127	58
<i>Конструктивные суждения</i>	22,7%	42,2%	48,8%	72,4%
Сравнение результатов высказываний девушек / юношей внутри провинциальной выборки и выборки мегаполиса	2,409**		3,082**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	4,344**			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	3,126**			
<i>Деструктивные суждения</i>	52,9%	15,6%	51,2%	22,4%
Сравнение результатов высказываний девушек / юношей внутри выборок провинции и мегаполиса	4,679**		3,837**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	0,276			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	0,884			
Сравнение количества конструктивных / деструктивных высказываний	4,911**	2,864**	0,377 H ₀	5,650**

Примечание: $\varphi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\varphi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Формально значимых отличий в количестве позитивных высказываний юношей провинции о современной женщине в отличие от высказываний девушек не наблюдается. В качестве позитивных были отмечены их способности любить, заботиться, мастерить, модно одеваться, а также роль хранительницы домашнего очага. Однако в отличие от идеалистичных суждений девушек, юноши провинциальных вузов высказали гораздо более скептические суждения о современной женщине. Возрастающая мужественность женщин ассоциируется у юношей с меркантильностью, напористостью, распущенностью, бездуховностью, невежеством, стяжательством («большинство девушек в современном

мире зациклено на деньгах, вещах, социальном статусе во всех его проявлениях и удачном замужестве»).

Таблица 2

Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера при сопоставлении представлений о современных женщинах студентов мегаполиса и провинции

Высказывания о современных женщинах	Студенты провинции		Студенты мегаполиса	
	девушки	юноши	девушки	юноши
Общее количество высказываний	71	31	67	64
Конструктивные суждения	50,7%	32,3%	88,1%	51,6%
Сравнение результатов высказываний девушек / юношей внутри выборок провинции и мегаполиса	1,750*		4,771**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	4,997**			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	1,801*			
Деструктивные суждения	11,3%	54,8%	11,9%	51,6%
Сравнение результатов высказываний девушек / юношей внутри провинциальной выборки и выборки мегаполиса	4,567**		5,129**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	0,123			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	0,300			
Сравнение количества конструктивных / деструктивных высказываний	5,364**	1,810*	10,01**	0,000

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Формально и содержательно представления о современных мужчине и женщине дифференцированы в зависимости места обучения / проживания. Анализ формата и содержания высказываний показал, что гендерные трансформации в статусах и возможностях современных мужчин и женщин воспринимаются студенческой молодежью провинции в формате оппозиции и долженствования более, чем в формате партнерских и развивающихся отношений (см. табл. 3).

Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах студентов провинции

Высказывания о современных мужчинах / женщинах		Студенты провинции			
		девушки		юноши	
Конструктивные высказывания о современных	мужчинах	22,7%	3,947**	42,2%	0,885
	женщинах	50,7%		32,3%	
Деструктивные высказывания о современных	мужчинах	52,9%	6,302**	15,6%	3,671**
	женщинах	11,3%		54,8%	

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

В высказываниях жителей провинции присутствуют элементы идеализации образа мужчины прошлого времени; ориентация на традиционные роли мужчины («мужчина должен нести ответственность за свои поступки (не убегать в кусты)), а также за своих близких – жену и детей»; «...женщина тоже должна работать, но зарплата у мужчины должна быть больше»). Высказывания часто оформлены в формате долженствования («мужчина должен стремиться к достижению каких-либо высот в профессии, карьере, чтобы им гордились жена, дети, родители, коллеги»). «В основе отношения мужчины к женщине лежит уважение» – не декларируя при этом, что лежит в основе отношения женщины к мужчине, и в чем именно состоит это уважение.

Девушки провинции, обсуждая смешение женских и мужских ролей, отметили разноплановость ролевого поведения современной женщины («все несут на себе...», должна быть «мастерицей на все руки – от мебели до бижутерии»). Эти респонденты также выразили мнение, что позитивные возможности реализации себя в профессиональной карьере могут негативно восприниматься обществом как карьеризм, так называемое «мужское» поведение, нежелание думать о семье, и осуждаться («карьеристки не всегда принимаются обществом, причем критикуют их больше сами женщины»).

Карьероориентированное поведение, наоборот, приветствуется девушками – жителями мегаполисов. В редких отрицательных высказываниях о современных женщинах студенток мегаполисов содержатся отсылки к наивности, глупости, слабости, подверженности мужскому влиянию. На широкий ролевой репертуар также было указано с

осуждением в контексте большой нагрузки женщин – «все на них – и дети, и семья, и дом, и работа».

Таблица 4

Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах студентов мегаполиса

Высказывания о современных мужчинах / женщинах		Студенты мегаполиса			
		девушки		юноши	
Конструктивные высказывания о современных	мужчинах	48,8%	5,886**	72,4%	2,392**
	женщинах	88,1%		51,6%	
Деструктивные высказывания о современных	мужчинах	51,2%	5,886**	22,4%	3,396**
	женщинах	11,9%		51,6%	

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

В высказываниях юношей-студентов провинции современный мужчина трансформировался в «ненастоящего» мужчину, «лицо с обложки» и сравнивался с «западным» («в нашей стране распространены представления о «нормальных» мужиках, «настоящих» мужчинах, в отличие от запада», «в нашей стране остались еще «нормальные» мужики, «настоящие» мужчины, в отличие от запада»). В отношениях с женщиной отчетливо прозвучали патриархатные тенденции («женщина должна слушаться мужчину»). В то же время патриархатные отношения для современных мужчин и женщин юноши мегаполиса сочли невозможными («раньше мужчины доминировал, сейчас в этом не стало необходимости»). Мужчина в их понимании изменился, поскольку изменились его социальные роли.

Различия в гендерной, провинциальной и урбанистической ментальности можно проиллюстрировать содержанием высказываний на тему прав и возможностей современных мужчин и женщин. И юноши, и девушки, отметив современные им равные права – в профессии, в карьере, ролей в семье («мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества», «и мужчина, и женщина, при желании могут реализоваться в разных сферах»), продемонстрировали различное понимание этих процессов.

Девушки отчетливо высказали сомнение в возможностях их реализации в актуальных социальных условиях («на последних президентских выборах женщине-кандидату постоянно указывали на ее место»). Равные права, с точки зрения девушек мегаполиса, это когда

«женщины могут позволить себе такие вещи, которые не могли позволить раньше», «они могут работать, могут даже быть президентами. Так, например, в США есть такая возможность».

Равные права, с точки зрения девушек провинции, привели к исключению уважительного отношения к женщине (мужчины «собьют и не извинятся, не всегда уступят место в транспорте, не подержат дверь при выходе, не подадут руку», а «мы, женщины, сами виноваты – боролись за равноправие, вот и получили ...»).

Юноши высказали сомнение в состоятельности женщин распоряжаться равными правами. Юноши провинции выразили сомнение в необходимости равноправия для женщин («Современные женщины только хотят казаться независимыми и равными мужчине, в трудной ситуации они всегда вспоминают о том, что они женщины»). Часть юношей мегаполиса также считают, что «они (женщины) не знают еще, как ей пользоваться», не научились аргументировать и отстаивать свои позиции. В то же время подчеркивалась неравноценное отношение к женщинам в отдельных сферах жизни общества, например, в политике.

Часть юношей убеждены в том, что равноправие в стране формально («за окном Россия: здесь не будет равенства; женщины никогда не будут иметь возможности, которые имеют мужчины»), а фактически прав у женщины гораздо меньше, чем у мужчины («она имеет право высказаться, но ее никто не будет слушать»; «всегда есть люди, которые не будут ее слушать только потому, что она женщина»).

Выводы предварительного исследования

Представители российской студенческой молодежи фиксируют трансформации гендерных ролей современных мужчин и женщин – расширение спектра их типичного поведения как у мужчин, так и у женщин, и одновременно стремление к базовым человеческим ценностям во взаимоотношениях – уважению и партнерству.

И юноши, и девушки отметили движение российского общества в направлении равных прав мужчин и женщин – в политической, профессиональной деятельности, в карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье, и одновременно указали на сложности их реализации в декларируемых равных возможностях.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. Респонденты как столичных, так и провинциальных вузов высказывали преимущественно негативно окрашенные (скептические, критические и пр.) суждения о представителях другого пола, о своем – в большинстве своем позитивные, но в значительной мере идеалистичные. В то же время представления о современных мужчинах и женщинах дифференцированы в зависимости от места обучения /

проживания. Студенческая молодежь провинции воспринимает гендерные трансформации преимущественно негативно в формате оппозиции, претензии и долженствования.

Результаты исследования представлений студенческой молодежи провинциальных городов и мегаполисов о современных мужчинах и женщинах продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия современных гендерных трансформаций: в высказываниях студентов отчетливо прозвучали ориентация на сепарацию и противопоставление мужчин и женщин, категоричные оценочные суждения, превалирование негативных оценок для поведения другого пола. В суждениях студентов крайне редко звучали термины партнерства и сотрудничества, актуальные в настоящее время во всех сферах жизни; чаще были слышны несогласованность ролевых ожиданий, отсутствие удовлетворенности от общения и взаимодействия, взаимные претензии¹. Подобные противоречивые данные были нами получены и на других выборках, в частности, у школьниц разного возраста²

В то же время, как показывает опыт развитых стран, имеющих высокий индекс гендерного равенства (Исландия, Швеция, Финляндия, Канада), для принятия обществом эгалитарных моделей отношений необходима критическая масса людей, разделяющих новые идеи, позитивно их принимающих, а также новые формы социальной практики. Отсутствие поддерживающих внешних факторов (государственная идеология, правовые инициативы, целенаправленная интеграция гендерного подхода в образовательные и просветительские программы, социальная поддержка эгалитарных гендерных ролей в семье и др.), не позволяет прогнозировать скорого перехода к партнерским гендерным отношениям в российском обществе.

Для уточнения и детализации полученных данных были разработаны новые методы эмпирического исследования, сформирован и апробирован комплекс психодиагностических методик для изучения компонентов гендерной ментальности, в который вошли:

- тесты-опросники «Нормы мужского поведения» и «Нормы женского поведения» (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе); «Гендерные нормы в сфере сексуальных отношений» (Е.В. Иоффе); «Нормативные установки в сфере супружеских отношений» (Е.В. Иоффе, И.С. Клецина);
- проективные методики «Гендерная метафора» для изучения гендерных идеалов и образов (О.И. Ключко); «Незаконченное

¹ Ключко О.И., Чекалина А.А., Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 55-69. DOI: [10.21064/WinRS.2020.1.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.5)

² Ключко О.И., Штылева Л.В. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 240-255. doi: [10.32744/pse.2019.2.18](https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.18)

предложение» для изучения установок молодежи в семейной жизни (Н.Ф. Сухарева), структурированное сочинение, метод фокус-групп;

– анкеты «Что я думаю о мужском и женском в образовании?» для школьников и педагогов (Л.В. Штылева); «Результаты гендерной социализации» (О.И. Ключко, Л.В. Штылева) для младших школьников;

– опросники «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О.Г. Лопуховой (адаптация методики С. Бем); «Гендерное самосознание» А.А. Чекалиной.

Именно структурный и нормативный подходы стали основанием для разработки методик, интерпретация результатов проводилась на основе превалирования традиционных или эгалитарных гендерных норм. Таким образом, комплекс для изучения основных компонентов гендерной ментальности можно считать готовым для использования, он полностью представлен в учебно-методическом пособии, разработанным коллективом авторов¹.

За 2018–19 годы собрана база эмпирических данных о содержании гендерной ментальности более 1200 юношей и девушек (школьников выпускных классов, студентов вузов) мегаполисов и городов российской провинции. Собранные данные показателей гендерной ментальности учащейся молодежи регионов Российской Федерации предварительно подтверждают основную гипотезу нашего исследования о своеобразии гендерной ментальности молодежи мегаполисов и провинций, дальнейший анализ данных раскроет специфику гендерной ментальности отдельных групп на основе сравнения по полу, возрасту, месту проживания и уровню образования.

¹ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / под общ. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

2.1 Репрезентация гендерной идентичности студентов мегаполиса и провинции

Обращение к категории идентичности вызвано необходимостью познать механизмы связи между внутриличностной и социокультурной обусловленностью действий в ситуациях социального взаимодействия, понять противоречивость групповых и личных начал в человеке¹.

Идентичность – категория многоликая: это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития и социализации, позволяющая индивиду наполнять образ Я и функционировать в соответствии с многочисленными социальными ролями. Статусы члена семьи, горожанина или жителя села, учебного или профессионального сообщества, представителя той или иной гендерной, этнической, конфессиональной группы и т.д. определяют особенности ролевого поведения, особых переживаний, представлений, установок и диапазона знаний индивида, его самоотношения.

Одной из базовых характеристик личности является его гендерная идентичность, определяющая степень идентификации индивидом себя с мужчинами или женщинами.

Характер идентичности зависит от набора предписаний и ожиданий, предъявляемых обществом (эталонов «мужественности» и «женственности»), и от отношения личности к собственным индивидуальным свойствам, связанным ролями. Необходимыми элементами структуры гендерной идентичности выступают осмысленные гендерные аспекты Я концепции, гендерные стереотипы, ценности, образцы поведения, роли и нормы отношений и др., позволяющие индивиду функционировать социально в соответствии с воспринимаемым гендером. Гендерная идентичность формируется в результате сложного взаимодействия природных задатков индивида и соответствующим влиянием условия и факторов социализации при активном участии этого процесса самого субъекта, создающего уникальные модели идентичности и поведения.

Наиболее сложные процессы развития гендерной идентичности происходят в юношеском возрасте, в период личностного, профессионального и трудового самоопределения, оформления индивидуальных и социальных ценностей, смысла жизни и мотивационной системы, рефлексии аспектов Я концепции и адаптационных возможностей. Этот период в развитии идентичности считается завершающим, поскольку система социальных установок у индивида уже сформирована и устойчива, индивид способен самостоятельно и критично

¹ Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб. : Алетей, 2004. 403 с.

воспринимать и оценивать различные социальные влияния и экспектации, конструктивно разрешать кризисы, а основным институтом социализации становится собственный опыт.

Типы гендерной идентичности – это сочетание различных свойств и качеств, которыми личность сама характеризует свою гендерную идентичность через гендерные представления о себе, гендерную самооценку, гендерные планы, способы и структуры поведения. Разные модели гендерной идентичности возможно систематизировать на основании их когнитивной общности, соответствующей идентификации и поведенческих паттернов.

Модели эти категоризируются как традиционные, если индивид ощущает себя в соответствии с социальными стереотипами и идеалами своего пола, положительно их воспринимает и придерживается стереотипного поведения. В частности, в исследовании Л. Г. Степановой у опрошенных юношей с традиционной гендерной идентичностью образ себя очень схож с образом идеального мужчины, а у девушек образ себя схож с большинством женщин; обобщенной чертой мужчины называется сила, наиболее распространенной характеристикой женщины – красота¹. Для описания себя, а также идеальных образов мужчин и женщин молодые люди используют только положительные характеристики без отрицания. Для юношей важное значение имеют качества, характеризующие эмоционально-волевою регуляцию поведения, а также самоотношение и самоподачу, а для девушек – интеллектуальное развитие, духовная сфера, нервно-психическое здоровье и комфорт.

В ситуации, если юноши демонстрируют высокие показатели женственности, а девушки – мужественности, такие индивиды демонстрируют «изомерный» тип идентичности, феминный для юношей, маскулинный для девушек. Такие индивиды не ориентируются на стереотипные качества, приписываемые своему гендеру. В частности, для девушек с изомерным типом гендерной идентичности важное значение имеют качества, характеризующие интеллектуальное развитие, духовную сферу и эмоционально-волевою регуляцию поведения; для юношей – морально-нравственный облик личности, самоотношение и самоподача, а также социальное поведение. Демонстрация феминных / маскулинных паттернов поведения может сопровождаться эмоциональной неудовлетворенностью собственным биологическим полом, переживаниями полоролевой конфликта, отсутствием согласованности гендерной идентичности с представлениями о полярной противоположности качеств мужественности и женственности.

¹ Степанова Л.Г. Особенности формирования гендерной идентичности современных юношей и девушек в контексте социально-психологического развития личности // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2010. № 2. URL : <http://psyedu.ru/journal/2010/2/Stepanova.phtml>

Преобладание маскулинной атрибуции у девушек и феминной у юношей – явления, отражающие процессы сближения стереотипных качеств личности, ее «андрогинизации», никак не трансформации «женского» в сугубо «мужское» и наоборот. Формирование гендерных представлений современных женщин и мужчин происходит в изменяющихся условиях гендерной социализации, этому активно способствуют процессы глобализации, запросы современного рынка труда, изменения в семейных ценностях. Традиционная дихотомия полов трансформируется в их партнерство, сотрудничество и взаимодействие.

В случае отсутствия дифференцированности стереотипов, его узкого круга в описании себя и других, скудностью, негативностью и резким противопоставлением идеального и реального образов Я, индивиды являются носителями недифференцированного типа гендерной идентичности. По результатам исследований, юноши с недифференцированным типом гендерной идентичности важными считают качества, относящиеся к самоотношению и самоподаче, а также морально-нравственный облик личности. Девушки также важными считают качества, относящиеся к морально-нравственному облику личности и интеллектуальному развитию¹. Характеристики социального поведения юноши и девушки недифференцированного типа идентичности относят на второй план.

Индивиды с высокими показателями как мужественности, так и женственности квалифицируются как андрогинные. Они характеризуются совмещением маскулинных и феминных черт в целостной системе гендерной идентичности. Как и в случае с традиционной идентификацией, андрогинные субъекты вербализуют обширный тезаурус своих характеристик, используя в самоописании только положительные характеристики. В частности, девушки и юноши в первую очередь отмечают свои качества интеллектуального развития и духовной сферы, эмоционально-волевой регуляции поведения и нервно-психического здоровья, в последнюю – характеристики социального поведения. Индивиды, обладающие как маскулинными, так и феминными характеристиками, обнаруживают большую гибкость в социальном поведении, адаптивность, чем представители традиционного типа. Андрогиния способствует широкому использованию имеющегося поведенческого репертуара в зависимости от требований ситуаций инструментальности (традиционно маскулинных паттернов) или экспрессивности (традиционно феминных паттернов), что, в свою очередь, формирует устойчивость к стрессам и помогает в достижении успехов в различных сферах жизнедеятельности.

Формирование гендерной идентичности испытывает значительное влияние социальных и культурных факторов, которые функционируют в фиксированном пространственно-временном диапазоне с характерными

¹ Степанова Л.Г. Указ. соч.

параметрами. Идентичность в Я – это осознание, понимание, принятие и осуществление ролевого поведения индивидом – мужчиной или женщиной, одновременно обладателя еще множества статусных принадлежностей. В исследовательских целях предметом изучения является не отдельно выделенная идентичность, а идентификационный набор, отдельные направления которого слитно или дискретно сосуществуют в психике индивида. В частности, исследования показали, что гендерная идентификация интегрирована с учебно-профессиональной (Бутковская С.А., 2007 и др.), профессиональной (Кулагина Н.В., 2009, Лупенко Н.Н., 2008 и др.), этнокультурной (Шарипова М.Е., 2013, Бражник Ю.В., 2012 и др.), семейной (Заев С.В., 2006 и др.), родительской (Борисенко Ю.В., 2018 и др.), сексуальной (Мелков С.В., 2009) и другими составляющими идентификационного набора личности.

Обращаем внимание еще на один из множества факторов, детерминирующих формирование гендерной идентичности. Образ жизни и деятельности индивида осуществляется в определенной территориально-пространственной среде; на значимость специфики мезосреды в формировании идентичности указывают исследования, в частности, О.Ю. Слепневой¹, П.Р. Мататовой², А.И. Мруг³, А.А. Москалец⁴ и др. Жизнь человека в крупном или маленьком городе существенно и качественно отличается, имеет особенности, протекает в особой атмосфере, культуре, темпе, ритме, способах организации времени и пространства, среди архитектурных форм, материалов, объемов, видов, свойств и прочее. Поселок, город, мегаполис – специфика места проживания индивида определяет те особенности социальной идентификации, которые, в свою очередь обуславливают социальную перцепцию индивида, его характеристики Образа Я, ценности и особенности поведения⁵.

Территориально-пространственные условия детерминируют формирование гендерной идентичности через регуляцию поведения индивида (выражается в перцептивной ясности, предсказуемости событий, четком распределении сфер влияния разных субъектов, субъектов разных

¹ Слепнева О. Ю. Гендерные трансформации в структуре ментальности у населения малых городов России : дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008. 200 с.

² Мататова П. Р. Особенности гендерной идентичности в зависимости от специфики мезосреды : на материале исследования дагестанской молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2008. 18 с.

³ Мруг А.И. Психологические составляющие гендерной идентичности студентов младших курсов : автореф. дис. ... канд. психол. Москва, 2009. 24 с.

⁴ Москалец А.А. Социально-психологическая обусловленность идентификации личности фактором городской среды : автореф. дис. ... канд. психол.наук. Москва, 2011. 24 с.

⁵ Чекалина А.А. Город. Образование. Ментальность // Материалы Международной научно-практической конференции «Взаимодействие на преподавателя и студента в условия на университетского образование: традиции и инновации» 2-6.09.2018, Китев, Р. Болгария. С. 35-41.

гендеров, отзывчивости на запросы представителей разных гендеров); возможности выбора (разнообразие и доступность ресурсов, условий для установления и поддержания межгендерных отношений); оптимальные соотношения возможностей и препятствий, признания и требовательности, автономии и включенности и т.д.; плотность связанности с конкретными субъектами, носителями гендеров¹.

В настоящем исследовании рассмотрим обусловленность идентичности личности гендерной и территориально-пространственной принадлежностью.

В современном российском обществе актуален вопрос, как различные социальные, культурные и экономические условия жизни в мегаполисах и провинциальных городах обуславливают формирование ментальности у подрастающего поколения², поскольку территориальный фактор существенно повышает вариативность гендерной социализации конкретного индивида.

Для более глубокого понимания особенностей влияния пространственных традиций на становление гендерной идентичности молодого человека в современном российском обществе представляется необходимым использовать исследовательскую модель, позволяющую обозначить территориально-пространственные условия развития личности. За основу такой модели можно принять, в частности, наличие в единой системе российского образования молодежи, обучающейся в мегаполисах и в провинции.

Предметом настоящего исследования является гендерная идентичность обучающегося молодого человека, ее обусловленность территориально-пространственными условиями.

Цель исследования: выявление специфики формирования гендерной идентичности личности в условиях различных территориально-пространственных факторов.

Эмпирическим методом исследования явилось тестирование с использованием адаптированной методики определения типа гендерной идентичности личности (модификация Bem Sex Role Inventory О.Г. Лопуховой, 2001)³.

¹ Чекалина А.А. К вопросу о влиянии урбанистической среды на формирование гендерной ментальности // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков : материалы XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2 т. / отв. редакторы: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 169-171.

² Думнова Э.М. Территориальный фактор в формировании аксиосферы молодежи // Вестник КемГУ. Философия. 2014. № 1 (57) Т. 1. С. 174- 179

³ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева ; под науч. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. С. 61.

Для обработки эмпирических данных применялись статистические методы: вычисление мер центральной тенденции, процентное распределение, сравнение средних значений.

Выборку испытуемых составили юноши и девушки, студенты средних и высших образовательных организаций, относящиеся к разным территориально-пространственным группам: Коломна (Московская область), Саранск (Республика Мордовия), Балашов (Саратовская область), Москва и Санкт-Петербург. В опросе приняли участие 964 студентов, в том числе учащиеся ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»; ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева», Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, из них 582 и 382 юношей, 289 жителей мегаполисов и 675 – жителей провинциальных городов, средний возраст 19,5 лет.

Возрастной критерий выборки респондентов был обусловлен тем, что в этом периоде взросления происходит выбор профессионального пути, гендерные ориентации завершают определенный этап развития и приобретают устойчивую структуру, актуализируются гендерные ценности. Все респонденты находились в сходных условиях социализации, таких как принадлежность к одному поколению, воспитание в условиях единой образовательной системы, воздействие общероссийских СМИ, пропаганды, моды и пр.

Исследовательская программа предполагала анализ полученных результатов с целью сопоставления высказываний всех юношей / всех девушек, всех студентов мегаполиса / всех студентов провинции, девушек-студенток провинции / юношей-студентов провинции, девушек – студенток мегаполиса / юношей-студентов мегаполиса, девушек провинции / девушек мегаполиса, юношей провинции / юношей мегаполиса. Эти пласты анализа позволили сделать заключение о современных тенденциях в формировании гендерной идентичности, обусловленных территориально-пространственными условиями и гендерной принадлежностью.

Таким образом, была получена следующая информация.

1. О субъективной оценке собственной женственности / мужественности респондентами, анализ которой позволяет сделать заключение об эмоционально-ценностном отношении к своему гендеру. Выраженность собственных гендерных характеристик возможно было оценить в диапазоне от 1 до 7 баллов, соответственно от минимальной до максимальной оценки, респонденты использовали весь диапазон или более узкий.

2. Об оценке женственности / мужественности респондентов по совокупности представленных ответов. Методика позволяет определить

величину совокупных показателей (14) по шкале феминности (Ф) и по шкале маскулинности (М), подсчитывая средний результат от суммы баллов, т.е. получить «объективный» показатель суждений респондентов (по формулам $\Sigma M / 14$; $\Sigma F / 14$).

Как полагают исследователи, содержание маскулинных представлений составляют личностные проявления индивидуализма, такие качества, как самостоятельность, независимость и др., проявления индивидуалистических позиций во взаимоотношениях с широким кругом людей, например, напористость, способность быть лидером, доминирование и др., характеристики активного, доминантного и инструментального типа поведения, а именно агрессивность, готовность рисковать и др. Входящие в шкалу маскулинности характеристики – составная часть для проявления активности и достижения успеха в макросоциальной среде (С. Бем, 2004, О.Г. Лопухова, 2000 и др.).

Содержание феминной шкалы составляют характеристики, необходимые для установления и поддержания близких межличностных взаимоотношений (стремление утешить, мягкость в высказываниях и др.), экспрессивные характеристики поведения (уступчивость, сострадательность и др.), характеристики, подразумевающие высокий уровень эмпатии и направленность на коллективизм (восприимчивость к нуждам других и др.). Содержание феминной шкалы отражает более пассивную ролевую позицию, нацеленную на достижение успеха в межличностных отношениях¹.

Сопоставление субъективной и «объективной» оценки позволяет рассуждать о конгруэнтности представлений студентов о своих гендерных характеристиках, об уровне их рефлексивности.

3. Сопоставление средних баллов. Существенность различий между результатами проверялась с помощью Т-критерия Стьюдента, результаты оказались статистически незначимы, при анализе говорим о тенденциях.

4. Определение типа гендерной идентичности. Для этого использовалась типология С. Бем, распределяющая респондентов по показателям – НФ/НМ как недифференцированных; СФ/СМ, ВФ/ВМ как андрогинных; НФ/СМ, НФ/ВМ, СФ/ВМ как маскулинных; СФ/НМ, ВФ/НМ, ВФ/СМ как феминных. Отнесение представлений позволяет типизировать отдельные высказывания и сделать заключение о репрезентированных типах гендерной идентичности.

Полученные данные свидетельствуют о следующих тенденциях в формировании гендерной идентичности.

Сопоставление субъективных и «объективных» представлений о собственных женственности и мужественности в общих выборках показало, что не все респонденты использовали предложенный методикой диапазон оценок своих личностных черт. Девушки субъективно ниже

¹ Лопухова О.Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. № 3. 2001.С. 57–67.

оценивали свою женственность: при ее оценке использовали минимальный балл – 1, но «объективный» подсчет определял выше минимальный балл по шкале женственности ($\Phi = 2,214$). Юноши в субъективных и «объективных» оценках женственности были рефлексивнее: те и другие результаты у них практически совпали.

Сопоставление результатов выявило обусловленность самовосприятия средой обучения и проживания. В субъективных репрезентациях студенты мегаполиса использовали предложенные методикой минимальные и максимальные оценки своих женственности и мужественности. Подсчет совокупных баллов показал, что оценки гендерных характеристик имеют меньшую амплитуду, существенно сближены (табл. 1 Приложения). Свои феминные качества они оценивали в диапазоне от 2,642 до 6,5, маскулинные от 2,357 до 6,142. Амплитуда оценок своих гендерных характеристик у студентов провинции шире – их субъективные и «объективные» оценки находятся в одном диапазоне от 1 до 7 баллов.

Сопоставление средних результатов показателей мужественности и женственности (субъективно воспринимаемых и «объективно» подсчитанных) показало определенные общность и различия (рис. 1, табл.1 Приложения). Все респонденты в субъективной оценке мужественности (м) оценили ее ниже, чем показали «объективные» подсчеты (М).

Девушки менее рефлексивны в отношении собственной женственности, их суммированное представление об образе Я оказалось гораздо более женственным, чем их оценка «женственности» как отдельной характеристики (субъективный средний балл по показателю «женственности» ниже «объективного»). Юноши свою женственность оценили более конгруэнтно по тем параметрам, которые наполняют категорию женственности, и достаточно рефлексивно: показатели субъективного среднего балла и «объективного» сближены.

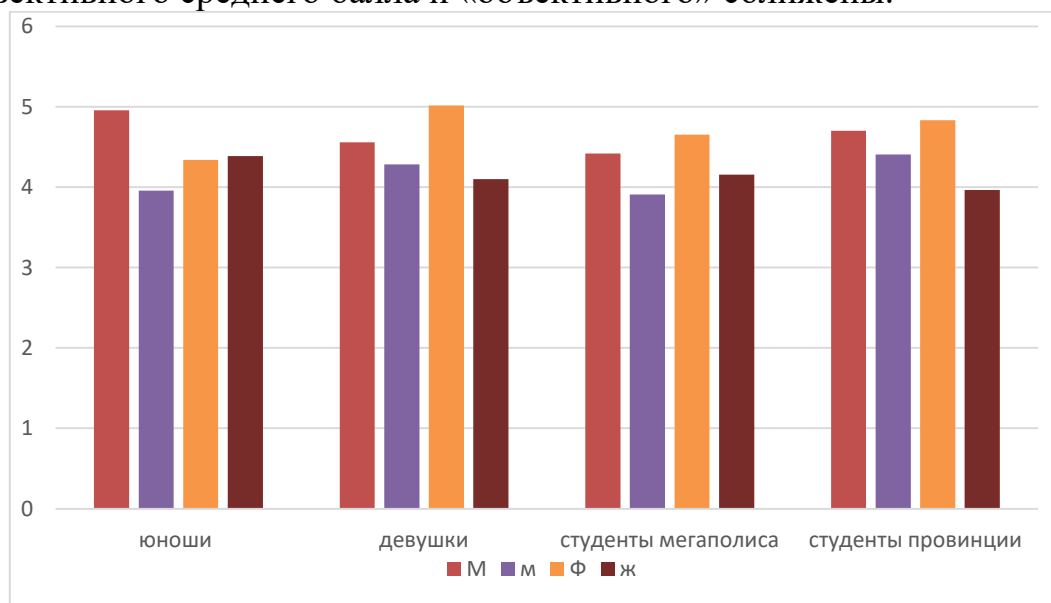

Рис. 1. Средние результаты представлений о собственных женственности и мужественности: общие выборки*

Средние результаты оценки своих мужественности / женственности у студентов мегаполиса ниже средних результатов студентов провинции за исключением субъективной оценки проявлений своей женственности.

Анализ результатов в дифференцированных выборках показал, что вербализация студентами представлений о своих гендерных качествах имеет общее и определенные различия, обусловленные гендером и местом проживания респондентов (рис. 2, табл. 2 Приложения).

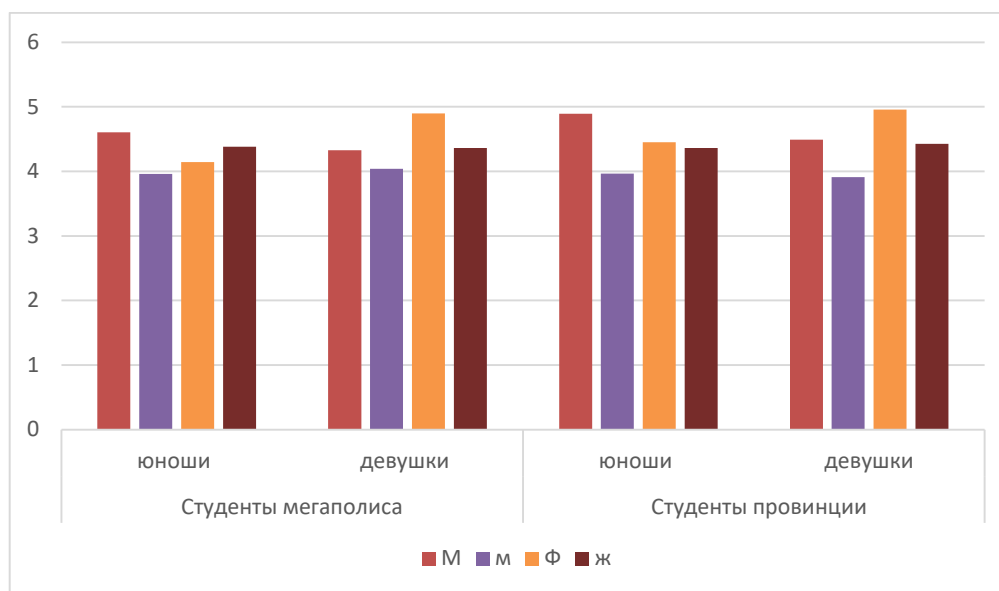

Рис. 2. Средние результаты представлений о собственных женственности и мужественности: дифференцированные выборки*

*Примечание: по вертикали – показатели величин «женственности» и «мужественности»; по горизонтали – результаты в дифференцированных выборках; ж, м – субъективные показатели феминности / маскулинности; Ф, М – «объективные» результаты по показателям феминности / маскулинности.

Субъективно респонденты дифференцированных выборок – и юноши, и девушки свою мужественность (м) оценили ниже, чем женственность (ж). Студенты провинции и девушки мегаполиса оценили свою женственность (ж) ниже, чем показали «объективные» подсчеты (Ф). Юноши мегаполиса в высказываниях также сочли себя более женственными, чем показал подсчет суммарных результатов отдельных качеств, входящим в шкалу «женственности» (нежность, заботливость, сострадательность и другие). Респонденты – юноши мегаполисов также оценили свои феминные проявления выше, чем маскулинные.

На рис. 3 представлено графическое изображение обобщенных результатов определения типов гендерной идентичности всех респондентов.

Студенческая аудитория продемонстрировала все выделенные типы гендерной идентичности со значимым преобладанием андрогинного типа.

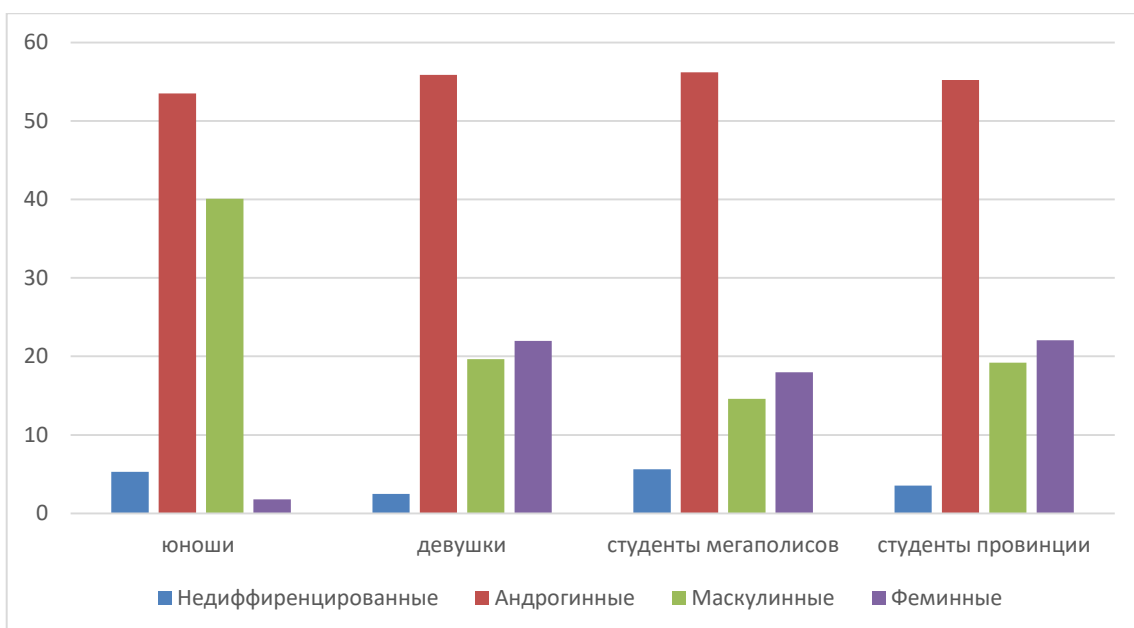

Рис. 3. Типы гендерной идентичности студентов, %

Такие результаты закономерны: об актуальной тенденции «андрогинизации» личности высказывается большинство гендерных исследователей¹. Феминные и маскулинные типы идентичности необязательно полотипичны: наряду с андрогинной идентичностью юноши продемонстрировали приверженность к традиционному маскулинному типу, идентичность девушек вместе с феминной атрибуцией активно включает маскулинную. Для опрошенных девушек идентификация со стереотипным феминным образом не противоречит восприятию себя как личности, ориентированной на достижение успеха, умение самоутвердиться, способность руководить и действовать в качестве лидера, и другие качества, лежащие в основе маскулинного образа. Количество респондентов с недифференцированным типом идентичности у юношей выше, чем у девушек, т.е. отсутствие дифференцированности гендерных стереотипов, узкий круг представлений в описании себя и других в данном исследовании более продемонстрировали юноши.

Если рассматривать данную проблему под ракурсом территориально-пространственных традиций, то различий не обнаружим. При преобладающем андрогинном типе идентичности студенты мегаполисов и провинции презентуют в своих представлениях и феминный, и маскулинный тип, с преобладанием обладателей феминного.

В студенческой аудитории представлен недифференцированный тип вне зависимости от гендерной принадлежности и места жительства.

¹ Чекалина А.А. Психология гендерного самосознания : монография. М. : МГПУ, 2014. 240 с.; Гендерная психология и педагогика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. О.И. Ключко. М. : Юрайт, 2020. 406 с.

На рис. 4 представлено графическое изображение выборочных результатов определения типов гендерной идентичности респондентов. Респонденты дифференцированных выборок репрезентировали все выделенные типы гендерной идентичности, независимо от гендерной принадлежности и места жительства у всех студентов преобладает андрогинный тип идентичности.

Различается процентное соотношение представителей феминного и маскулинного типа у обучающихся в мегаполисах. Феминный тип у юношей мегаполиса представлен более широко, чем маскулинный; среди девушек представителей маскулинного типа больше, чем феминного. В этом случае результаты можно считать не традиционными, а изомерными, в отличие от результатов студентов провинции.

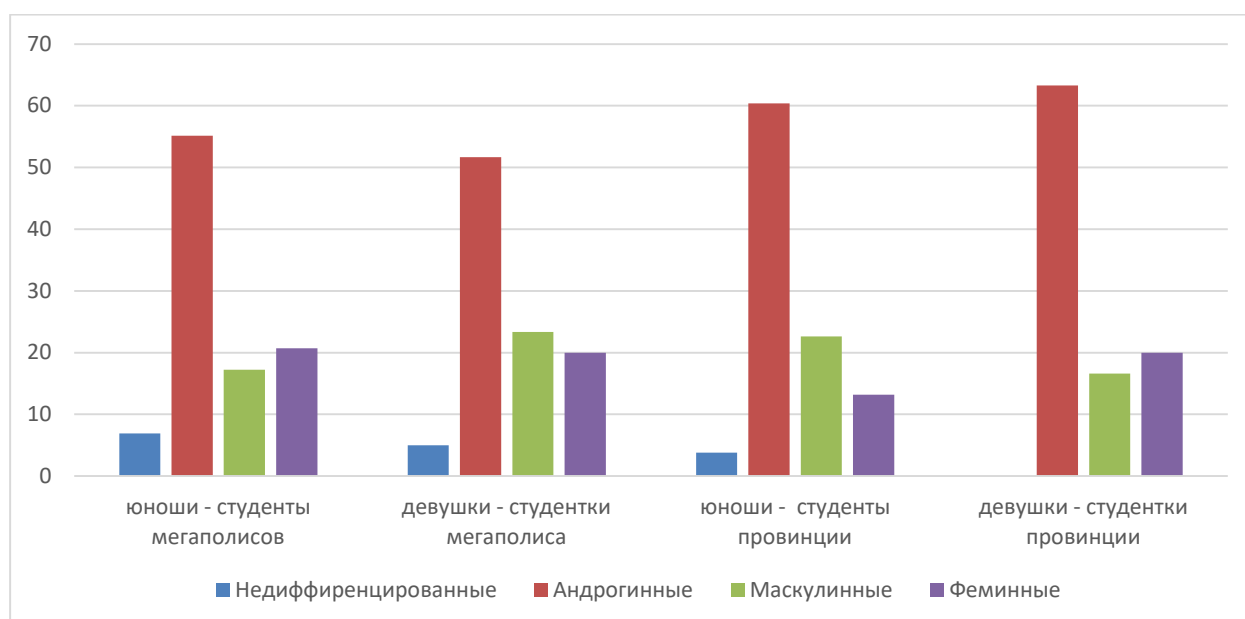

Рис. 4. Типы гендерной идентичности студентов (в %)

Девушки-студентки провинции не обнаружили недифференцированный тип гендерной идентичности.

Интерпретация полученных результатов

Репрезентация гендерной идентичности в высказываниях студентов имеет определенные общие черты и различия, обусловленные гендером и местом проживания респондентов. Студенческая аудитория продемонстрировала все выделенные типы гендерной идентичности – феминный, маскулинный, андрогинный, недифференцированный. Высокие показатели женственности и мужественности одновременно позволили отнести более чем половину опрошенных студентов к категории андрогинных, этот результат подтверждает актуальные тенденции андрогинизации идентичности.

В представлениях современных молодых людей понятия мужественности и женственности не являются ортогонально противоположными: в их самовосприятии сочетаются феминные и маскулинные представления, определенным образом взаимосвязанные, дополняющие друг друга. Высокий уровень женственности может сочетаться как с низким уровнем мужественности, так и с высоким. И наоборот, низкий уровень маскулинности в представлениях девушек и юношей сочетается и с высоким, и с низким уровнем феминности.

В исследовании были репрезентированы традиционные модели идентичности, в рамках которых юноши демонстрируют высокие показатели мужественности, а девушки – женственности, и изомерные – с преобладающей маскулиновой атрибуцией девушек и феминной юношей. У студентов провинции чаще наблюдаются традиционные типы идентичности, изомерные – чаще у студентов мегаполисов.

Результаты исследования позволяют задуматься о представленности в сознании молодежи концептов «мужественности» и «женственности», об их содержательном наполнении, эмоциональной привлекательности, ценности, мотивационных возможностях. Полученные результаты перекликаются с данными С.А. Филипповой¹ о выраженности андрогинно-недиф-ференцированных характеристик, нейтральности гендерных установок, установок и несформированности гендерных схем у студенческой молодежи изучаемого возраста. Чем наполнен традиционный стереотип в периоды социальных, экономических и культурных трансформаций, веяний глобализации и ориентации на мобильность, насколько осознаваем и соотнесен с индивидуальными практиками – это проблема, требующая отдельного исследования.

Исследование показало невысокий уровень рефлексии мужественности у всех опрошенных респондентов, оценивших эту характеристику у себя ниже, чем показали «объективные» подсчеты. Возможно, что такой результат самовосприятия юношей и девушек отражает их ориентацию на жесткий, однозначный формат идентичности, только определенный стереотип проявлений маскулинности, не допуская вариантов его индивидуального наполнения.

Девушки также испытали трудности в субъективном определении своей женственности, недооценивая ее, их феминная атрибуция одновременно активно включает и маскулинные представления. С одной стороны – это вопросы к индивидуальному сознанию, с другой – к четкости и функциональности социальных стереотипов.

Если рассматривать гендерную идентичность как степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания качеств того и другого гендера, то для юношей и девушек мегаполиса эта степень ниже, чем для девушек и юношей

¹ Филиппова С.А. Социально-психологические особенности гендерной идентичности в юношеском возрасте : автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 22 с.

провинции. Об этом свидетельствуют более узкая амплитуда в оценках своих гендерных качеств, более частая изомерность гендерной идентичности, субъективное восприятие юношами себя более женственными, чем показывают «объективные» подсчеты, субъективное ощущение девушками себя менее женственными, более частую представленность маскулинного типа у девушек мегаполиса, чем феминного. Настоящий результат не является неожиданным: гендерная идентичность студентов мегаполиса формируется в условиях поликультурного мира, наполненного различными моделями поведения, ценностями, не имеющими однозначных ярлыков «верные» или «неверные». Распространение подобных культурных паттернов неизбежно ведет к трансформации гендерной идентичности¹.

Гендерная социализация в мегаполисе не предполагает существование в узком поле только традиционных проявлений маскулинности и феминности, что затрудняло бы успешную адаптацию в изменчивой среде, требующей психологической гибкости и владения широким набором социальных ролей и моделей поведения.

Гендерная социализация в провинции происходит в условиях, обеспечивающих сохранение самобытных черт, более редких культурных и социальных заимствований, единой системы ценностей, схожего стиля культуры повседневности для всех жителей, инвариантных примеров для подражания², поэтому результаты студентов провинции были отнесены к преимущественно традиционному типу идентичности, с четкой релевантной ориентацией на стереотипы своего гендера.

Подведем итоги. Полученные результаты свидетельствуют о том, что гендерная идентичность современной молодежи становится все более плюралистичной и индивидуальной: социальные, культурные и экономические изменения требуют изменений самовосприятия. Наблюдаются тенденции ослабления поляризации гендерных свойств, активной маскулинизации девушек и феминизации юношей. Такие изменения в сознании индивидов более выражены в мегаполисах, чем в провинции.

Независимо от территориально-пространственной принадлежности изменяется содержание концептов женственности и мужественности, границы понятий сдвигаются, наполняются индивидуальным пониманием.

¹ Ключко О.И., Чекалина А.А., Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 55-69.

² Ключко О.И., Чекалина А.А. Проблемы адаптации студенческой молодежи Мордовии и Саратовской области к современным гендерным трансформациям // Женщины и мужчины в эпицентре миграционных процессов прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции : в 2 ч. / ответственные редакторы: Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. С. 261-264.

Рефлексия данных изменений индивидом затруднена, поскольку он ощущает интенсивное влияние социально одобренных, стереотипных образцов, которые усваиваются личностью в процессе социализации. Ориентация на традиционные декларативные аспекты мужественности и женственности затрудняет рефлексию индивидуальных ценностей. Отсутствие в образовательной политике какой-либо продуманной стратегии формирования новых эталонов женственности и мужественности затрудняет развитие гендерной идентичности в юношеском возрасте.

Приложение 1

Таблица 1

Представления молодежи о собственных женственности и мужественности

			Юноши	Девушки	Студенты мегаполиса	Студенты провинции
Объективные результаты (по совокупности баллов)	мин	М	1	1,071	2,357	1
		Ф	1	2,214	2,642	1
	маж	М	7	7	6,142	7
		Ф	7	7	6,5	7
Субъективные результаты	мин	м	1	1	1	1
		ж	1	1	1	1
	маж	м	7	7	7	7
		ж	7	7	7	7
Средние результаты («объективные»)	М	\bar{X}	4,957	4,558	4,418	4,7
		σ	0,995	0,931	0,798	0,979
	Ф	\bar{X}	4,337	5,016	4,653	4,834
		σ	0,919	0,823	0,828	0,912
Средние результаты («субъективные»)	М	\bar{X}	3,958	4,284	3,91	4,408
		σ	1,822	1,871	1,466	2,064
	Ж	\bar{X}	4,387	4,098	4,157	3,963
		σ	2,045	2,198	1,839	1,855

Примечание: ж, м – субъективные показатели феминности / маскулинности; Ф, М – «объективные» результаты по показателям феминности / маскулинности; \bar{X} – среднее арифметическое выборки; σ – стандартное отклонение

**Оценивание представлений о собственных женственности и мужественности:
дифференцированные выборки**

			Студенты мегаполиса		Студенты провинции	
			юноши	девушки	юноши	девушки
Объективные результаты (по совокупности баллов)	Мин	М	2,357	2,429	2	2,357
		Ф	2,642	3	1,714	2,571
	Мах	М	6,142	5,928	7	6,643
		Ф	5,357	6,5	7	6,714
Субъективные результаты	Мин	м	1	1	1	1
		ж	2	1	2	1
	Мах	м	5	7	7	7
		ж	6	7	7	7
Средние результаты («объективные»)	М	\bar{X}	4,605	4,329	4,895	4,49
		σ	0,862	0,757	1,101	0,916
	Ф	\bar{X}	4,142	4,9	4,454	4,956
		σ	0,713	0,769	1,006	0,894
Средние результаты («субъективн.»)	М	\bar{X}	3,959	4,0414	3,964	3,912
		σ	1,822	1,821	1,821	1,8831
	Ж	\bar{X}	4,382	4,363	4,36	4,427
		σ	2,044	2,061	2,05	2,027

Примечание: ж, м – субъективные показатели феминности / маскулинности; Ф, М – «объективные» результаты по показателям феминности / маскулинности; \bar{X} – среднее арифметическое выборки; σ – стандартное отклонение

Таблица 3

Типы гендерной идентичности студентов: общие выборки (в %)

	Недифференцированные	Андрогинные	Маскулинные	Феминные
юноши	5,3	53,5	40,07	1,77
девушки	2,49	55,87	19,65	21,99
студенты мегаполисов	5,61	56,18	14,6	17,98
студенты провинции	3,54	55,2	19,2	22,06

Таблица 4

Типы гендерной идентичности студентов: дифференцированные выборки (в %)

Группа	Недифференцированные	Андрогинные	Маскулинные	Феминные
юноши – студенты мегаполиса	6,89	55,17	17,24	20,69
девушки – студентки мегаполиса	5	51,66	23,33	20
юноши – студенты провинции	3,77	60,37	22,64	13,2
девушки – студентки провинции	0	63,3	16,6	20

2.2 Нормы женского поведения в представлениях российских студентов и школьников

Ядром гендерной ментальности как специфичного в групповом сознании мужчин и женщин являются жизненные ценности, соответствующие ценностные ориентации и психологические установки¹. «На сегодняшний день наиболее значимыми являются различия между традиционалистскими и эгалитарными моделями гендерных отношений. В соответствии с традиционалистскими нормами и правилами мужского и женского поведения, которые были распространены в разных обществах в предыдущие столетия, специфическими характеристиками статусных позиций в социуме и соответствующих ролей мужчин и женщин являются полярность, противопоставленность и неравноценность»².

Гендерные нормы – это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп. Гендерные нормы не являются простым отображением реального положения вещей, они фиксируют некоторые оптимальные стандарты поведения для студентов юношей и девушек.

Идеи традиционализма, по утверждению И.С. Клециной и Е.В. Иоффе, соответствуют консервативной идеологии, утверждающей главенствующую роль мужчины в обществе и семье. «В настоящее время отмечается тенденция к сближению и взаимозаменяемости ролей и статусных позиций мужчин и женщин, что соответствует эгалитарным гендерным нормам»³.

К характеристикам традиционной модели фемининности относятся: «установка на материнство и замужество; значимость привлекательной внешности; стремление быть хорошей хозяйкой; готовность заботиться о семье и близких людях; эмоциональная чувствительность, мягкость, уступчивость, слабость и незащищенность»⁴. В то же время именно «модель фемининности значительно больше изменилась за последние десятилетия, это чутко ощущают как сами современные девушки, так и юноши, причем

¹ Акопов Г.В. Феномен ментальности как проблема сознания /Акопов Г.В., Иванова Т.В.// Психологический журнал. 2003. Т.24. № 1. С.47-56.; Гендерные нормы // Национальная психологическая энциклопедия. URL : <https://vocabulary.ru/termin/gendernye-normativy.html> (дата обращения 11.06.2020).; Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева / под общ. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

² Штылева Л.В., Ключко О.И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 240-255. DOI: 10.32744/pse.2019.2.18

³ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Проспект, 2019. 144 с. С. 17.

⁴ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Указ. соч. С. 57.

эти изменения во-многом позитивно оцениваются, однако степень принятия современных изменений качеств и поведения у современных российских юношей и девушек неоднозначна.

Нормы женского поведения эгалитарного типа включают характеристики, способствующие расширению социальных ожиданий относительно особенностей поведения женщин и выравнивания статусных позиций мужчин и женщин в разных сферах жизни. По заключению исследователей: «...эгалитарные нормы женского поведения представляют собой не столько антипод традиционалистских норм, сколько такое сочетание маскулинных и фемининных характеристик и качеств, которое способствует самореализации личности и адаптации ее к современным условиям. Замужество и материнство в рамках этой модели перестают быть исключительными сферами самореализации женщин, для многих женщин их профессиональная деятельность и карьера становятся не менее значимы, чем семейные роли»¹.

Исследования как зарубежных, так и отечественных авторов фиксируют, что, с одной стороны, заметна тенденция к увеличению числа вариантов гендерных трансформаций в ментальности современной молодежи в зависимости от места проживания и социального опыта, с другой – сохраняются паттерны воспроизводства мужественности и женственности, основанные на патриархатных асимметричных моделях и нормах, и, как следствие, массовые проявления кризиса традиционной гендерной идентичности, неадекватной современным условиям. Приведем некоторые примеры исследований современных гендерных норм в разных странах, чтобы показать некоторый диапазон тем и выявляемых проблем.

М.Г. Нильсон, К.Л. Мартин, Л.О. Роджерс, С.Ф. Миллер и другие описывают сопротивление гендерным нормам у подростков США, и определяют типы сопротивления, включая косвенное сопротивление (мотивированное предпочтение альтернатив традиционным гендерным нормам) и прямое сопротивление (мотивированная неприязнь к гендерным нормам и желание изменить их). Исследователи выявили, что сопротивление гендерным нормам согласуется с самооценкой (например, как ощущаемое давление, чтобы соответствовать гендерным нормам) и отношениями со сверстниками².

К. Конри-Мюррей, Ч.М. Ким, Э. Туриэль и др., изучая, что именно молодые люди в двух разных культурах (Кореи и США) думают о гендерных нормах, выявили, что и корейцы, и американцы рассуждают о нарушениях гендерных норм (отклонение от традиционных) в первую

¹ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Указ. соч. С. С.78.

² Nielson M. G., Martin C. L., Rogers L. U., Miller C. F. Quantitative assessment of resistance to gender norms // *Journal of Adolescence* Volume 84, October 2020, pages 219-229. URL : <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.09.008>; Conry-Murray Clare, Kim Jong Min, Torials Elliot Culture and children's reasoning about preferences and gender norms // *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 196, August 2020, 104861 URL : doi.org/10.1016/j.jecp.2020.104861

очередь как вопроса личного выбора личности (как в публичном, так и в частном порядке). В обеих культурах участники отвергли идею о том, что какой-либо орган власти может иметь право в отношении выбора, связанного с гендерными нормами, однако обе группы исследуемых предположили, что нежелательно выражать нетрадиционные предпочтения публично (если они оказывают негативное влияние на людей)¹.

Н.Б. Холмелин и его коллеги, анализируя гендерные ожидания молодежи провинции (Непал, Индия), утверждают, что социальные ожидания, которым подростки удовлетворяют, когда они строят планы и делают выбор в отношении будущего, являются индикаторами культурных норм в сообществе. Молодые люди, возможно, даже больше озабочены поведением в соответствии с традиционными нормами или демонстративно против них, чем другие возрастные группы, что делает их особенно чувствительными к мнению значимых других. Девушки очень озабочены поиском подходящего мужа, выходом замуж и рождением детей. Они подробно обсуждают преимущества и недостатки брака по любви и браком по договоренности. Согласно местным брачным традициям, которые соответствуют традиционной идеологии, жених и невеста должны принадлежать к одной касте или этнической группе, хотя женщины также могут вступать в брак с представителями более высокой касты. Девушки находятся под сильным социальным давлением с целью выйти замуж за мужчину той же касты или этнической группы. Жениться и иметь детей – это норма в рамках обеих гендерных идеологий. Поэтому очень трудно отклониться от этой нормы, если человек не готов столкнуться со сплетнями. Девушки обычно предпочитают соблюдать традиционные нормы брака по договоренности внутри касты. Брак по любви – это современный идеал развития.

Девушки, на практике, стремятся получать высшее образования и повышать свою мобильность, придерживаясь современной идеологии развития, вместо того, чтобы соблюдать традиционную норму привязанности к дому. Однако образованные девушки в возрасте от двадцати лет говорят, что они сталкиваются с нормативной дилеммой, двойной культурной привязкой: если они хотят работать на работе, соответствующей их образованию, они не могут оправдать ожидания своих родителей - приверженцев сельского менталитета².

¹ Meyer S. De, Kågesten A. M., Mmari B., Kabiru C. V., and other "Boys should have the courage to ask a girl out": gender norms in romantic relationships in early adolescence // *Journal of Adolescent Health*. Vol. 61, Is. 4, October 2017, pp. 42-47. URL : doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.03.007

Mulvey C. L., Rizzo M. T., Killen M. Challenging gender stereotypes: theory of mind and peer group dynamics of the development of science, 19 (2016), pp. 999–1010.

²Hamelin N.B. Competing gender norms and social practices in Himalayan farm management // *World Development*. Vol. 122, October 2019, pp.85-95. URL : <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.05.018> ; Sewick E. A Global perspective on Gender

Таким образом, мы видим разнонаправленные тенденции в развитии гендерных норм женского поведения, с одной стороны, их индивидуализацию, но, с другой, значительное влияние традиционных норм и высокий уровень внутри- и межличностных конфликтов на их основе.

Целью исследования являлось изучение представлений о нормах женского поведения как компонента гендерной ментальности российской учащейся молодежи относительно ее приверженности эгалитарной и традиционной моделям. Мы исходили из предположения, что степень выраженности эгалитарных и традиционных норм женского поведения у обучающихся мегаполиса и провинциальных городов будет различаться, отражая специфику менталитета места проживания и возраста.

Изучение осуществлялось с использованием теста-опросника «Нормы женского поведения», цель которого выявить систему убеждений и установок относительно фемининности и женских ролей, которые побуждают действовать в соответствии с этими установками, избегать того, что ими не поощряется (авторы И.С. Клецина, Е.В. Иоффе)¹. Содержание этих установок отражено в шести субшкалах опросника, седьмая шкала является итоговой. В ответах респонденты выражают степень согласия с каждым утверждением. В среднем время заполнения опросника составляет 20–25 минут. Высокий уровень согласия с утверждениями соответствует традиционным нормам женского поведения нормам, низкий – эгалитарным нормам, средний – смешанным нормам.

Шкалы оценивания:

- Установка на замужество и материнство (ЗМЖ)
- Стремление быть хорошей хозяйкой (ХЗ)
- Значимость привлекательной внешности (ПР)
- Готовность заботиться о семье и близких людях (ЗБТ)
- Мягкость, чувствительность (МГ)
- Зависимость / самодостаточность в отношениях с мужчинами (ЗВС)
- Приверженность традиционным нормам женского поведения (ТРНЖ) – итоговый показатель

Первая шкала опросника – «Установка на замужество и материнство» отражает убеждения, что замужество и материнство являются основными сферами самореализации для женщин.

Roles and Identity // Journal of adolescent health. Vol. 61, Iss. 4, October 2017. URL : <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.07.010>

¹ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева ; под общ. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с. С. 56.

Вторая шкала «Стремление быть хорошей хозяйкой» отражает установку на то, что ведение домашнего хозяйства и забота о семье – одна из важнейших сфер ответственности женщины, выступающая критерием для оценки успешности самореализации женщины в жизни; чистота и порядок в доме должны быть предметом гордости женщины; главное предназначение женщины – хранительница очага; женщина, заботясь о семье, должна хорошо выполнять домашние обязанности и др.

Третья шкала «Значимость привлекательной внешности» отражает убеждения в том, что привлекательная внешность выступает ключевым аспектом, на основании которого делается заключение о личности женщины.

Четвертая шкала «Готовность заботиться о семье и близких людях» отражает распространенный стереотип о большей по сравнению с мужчинами чувствительности, сострадательности женщин и, как следствие, ожидания большей жертвенности от них.

Шкала «Мягкость, чувствительность» отражает ожидания, согласно которым «настоящая женщина» должна внешне и поведением отличаться от сильных, напористых, «бесчувственных» мужчин.

Шестая шкала «Зависимость / самостоятельность в отношениях с мужчинами» отражает убеждения в том, что сила «настоящей» женщины в ее слабости. Здесь доминируют такие утверждения, что: женщины, ориентированные на независимость, рискуют остаться в одиночестве; женщина не «должна открыто проявлять силу и власть; в сложной ситуации женщина должна полагаться на мнение мужчины.; женщина в общении с мужчинами должна демонстрировать отзывчивость и уступчивость.

Все вместе шкалы образуют итоговый показатель «Приверженность традиционалистским нормам женского поведения».

В исследовании приняли участие студенты вузов российских мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга, и провинциальных городов России (население которых не превышает 350 тысяч) – Саранска, Коломны, Балашова; и учащаяся молодежь школ и СПО Московской области (Коломна, Наро-Фоминск, Котельники, Воскресенск).

В первом варианте мы использовали критерий анализа **пол и место проживания** испытуемых: юноши мегаполиса (N = 129), юноши провинции (N = 248), девушки мегаполиса (N = 230), девушки провинции (N = 624).

Во втором варианте был выбран критерий **анализа пол и возраст** испытуемых: девушки – студентки вузов (N = 677), школьницы и обучающиеся СПО (N = 177), юноши – студенты вузов (N = 239), школьники и обучающиеся СПО (N = 138).

Возраст испытуемых – от 15 до 25 лет. Всего испытуемых 1231 человек. Описательная статистика и анализ осуществлялись с помощью

статистического пакета SPSS 22.0. Для сравнительного анализа использовался критерий U Манна-Уитни.

Результаты исследования

В первом варианте, полученные с помощью опросника результаты позволили выявить респондентов, которые демонстрируют приверженность традиционалистской модели фемининности, а также тех, кто не разделяет эти нормы и привержены эгалитарному типу гендерных норм.

Полученные результаты мы представили в виде среднего балла по каждой шкале оценивания (табл. 1). Статистическая обработка констатирует отличия между выборками по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Таблица 1

Средний балл по каждой шкале

Шкала \ Пол / место прожив	ЗМЖ	ХЗ	ПР	ЗБТ	МГ	ЗВС	ТРНЖ
Юноши / Мегполис	14,26	15,94	15,01	15,96	14,61	14,95	90,72
Юноши / Провинция	16,64	19,1	16,82	18,01	16,94	17,19	104,7
Девушки / Мегполис	13,16	15,04	14,26	15,49	13,7	13,97	85,61
Девушки / Провинция	15,04	17,35	16,07	17,1	15,17	15,42	96,16

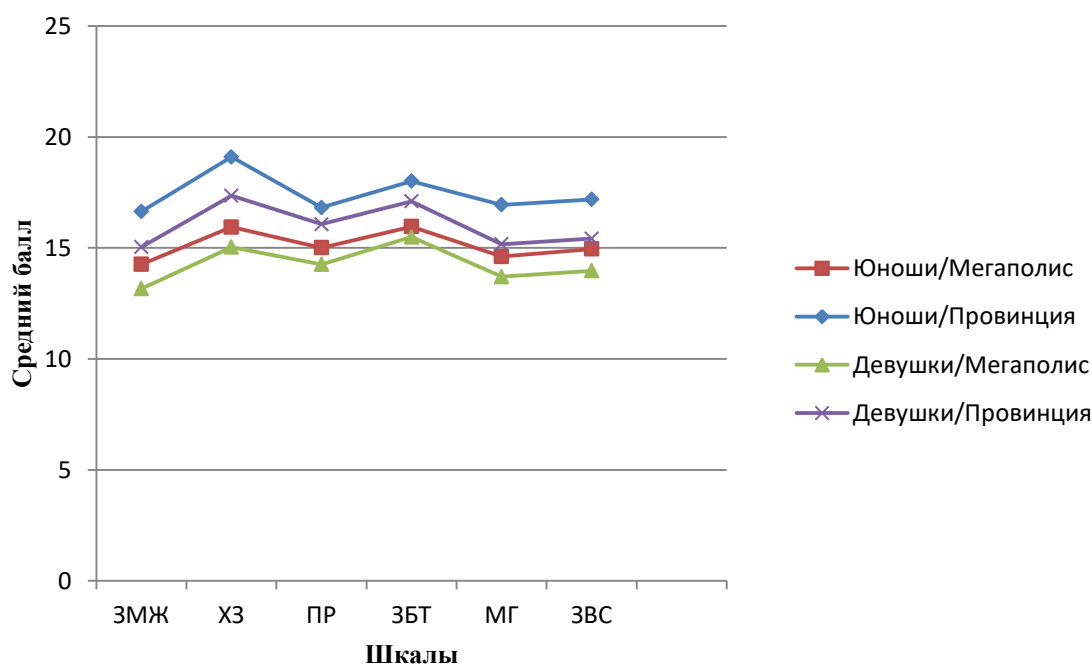

Рис. 1. Распределение респондентов в соответствии со средним баллом значения по каждой шкале оценивания

Опишем результаты исследования по каждой шкале опросника, указывая средний балл для респондентов, учитывая критерий пола и места проживания.

По шкале «Установка на замужество и материнство», получены результаты: Юноши / Мегалолис – 14,26 – демонстрируют смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу; Юноши / Провинция – 16,64 – смешанный тип поведения; Девушки / Мегалолис – 13,16 – демонстрируют эгалитарный тип поведения; Девушки / Провинция – 15,04 – демонстрируют смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу.

Эта шкала отражает установку на необходимость девушки создать семью, быть матерью, что в материнстве единственное истинное счастье, главная роль женщины – это роль матери.

Результаты данной шкалы констатируют, что девушки мегалолиса менее всех нацелены на создание семьи и рождение детей, в приоритете – карьера. Юноши провинции демонстрируют максимальную склонность к тому, что женщина должна быть матерью и замужем, а мужчины мегалолиса и женщины провинции занимают смешанную позицию.

По шкале «Стремление быть хорошей хозяйкой» мы видим, что: юноши мегалолиса демонстрируют эгалитарный тип поведения; юноши провинции – смешанный тип поведения; девушки мегалолиса – эгалитарный тип поведения; девушки провинции – смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному.

Шкала «Стремление быть хорошей хозяйкой» отражает установку на то, что: ведение домашнего хозяйства и забота о семье – одна из важнейших сфер ответственности женщины, выступающая критерием для оценки успешности самореализации женщины в жизни; чистота и порядок в доме должны быть предметом гордости девушки; главное предназначение женщины – хранительница очага; женщина, заботясь о семье, должна хорошо выполнять домашние обязанности и др.

Результаты по данной шкале демонстрируют, что как юноши, так и девушки мегалолиса не считают, что женщина должна максимально стремиться к выполнению домашних обязанностей, что ее первостепенная обязанность – быть хранительницей очага. Юноши и девушки провинции более традиционны в этом вопросе, однако девушки в большей степени стремятся к разделению обязанностей по дому.

Третья шкала «Значимость привлекательной внешности» отражает убеждения в том, что привлекательная внешность выступает ключевым аспектом, на основании которого делается заключение о личности женщины. Утверждения в том, что: женщины «всегда должны ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой; женщина должна выглядеть так, чтобы на нее обращали внимание; чтобы удачно выйти замуж, девушкам нужна привлекательная внешность, а не хорошее образование; у женщин уверенность в себе зависит от сексуальной привлекательности; ухоженность и привлекательная внешность – главное достоинство

женщины; в отличие от мужчин, небрежность в одежде женщин непростительна; привлекательная внешность не очень важна для женщины; для женщин самое приятное занятие — это процедуры по уходу за телом, ногтями или волосами».

Шкала «Значимость привлекательной внешности» представляет следующие результаты: юноши мегаполиса демонстрируют смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу; юноши провинции — смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу; девушки мегаполиса — эгалитарный тип поведения; девушки провинции — смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу.

Анализируя результаты данной шкалы, мы видим, что девушки мегаполиса категорически против убеждения в том, что главное у женщины это внешность (ухоженность, сексуальная привлекательность), а образование может и вовсе отсутствовать. Все остальные группы респондентов считают данные характеристики вполне приемлемыми, но не обязательными.

Шкала «Готовность заботиться о семье и близких людях» отражает распространенный стереотип о большей по сравнению с мужчинами чувствительности, сострадательности женщин и, как следствие, ожидания большей жертвенности от них. Такие утверждения, как «женщина вызывает восхищение, когда отдает все силы заботе о семье; женщина должна, прежде всего, создавать и поддерживать теплую, доверительную атмосферу в семье; забота о маленьких детях и пожилых родственниках — это обязанность женщины; ради благополучия семьи женщина должна быть готова многим жертвовать; в заботе о семье и близких людях смысл жизни женщины; женщина не обязана знать, в какой помощи и поддержке нуждаются близкие ей люди»¹.

Результаты по шкале «Готовность заботиться о семье и близких людях»: юноши мегаполиса демонстрируют эгалитарный тип поведения; юноши провинции — смешанный тип поведения; девушки мегаполиса — эгалитарный тип поведения; девушки провинции — смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу.

По данной шкале можно утверждать, что юноши мегаполиса не согласны с тем, что прежде всего женщина должна создавать и поддерживать теплоту, доверительную атмосферу в семье и что она больше мужчин чувствительна к чужой душевной боли и переживаниям. Все остальные группы респондентов предполагают, что эти характеристики в определенной степени присущи женщине.

Шкала «Мягкость, чувствительность» отражает ожидания, согласно которым «настоящая женщина» должна внешне и поведением отличаться от сильных, напористых, «бесчувственных» мужчин. Убеждение в том, что: «женщины не способны брать на себя серьезную

¹ Клещина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М. : Проспект, 2019. 144 с.

ответственность; женщине не обязательно быть эмоциональной и чувствительной; женщины не приспособлены для риска; для женщин нормально открыто проявлять любые эмоции; в отличие от мужчин, секс для женщин – это скорее проявление чувств, а не физиологическая потребность; улыбкой женщина может достичь большего, чем тысячью аргументов; скромность – главная добродетель женщины; мобилизовать людей на работу, настаивать на своем – все это тяжело для женщины».

По шкале «Мягкость и чувствительность»: юноши мегаполиса — демонстрируют смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному; юноши провинция – смешанный тип поведения; девушки мегаполиса – смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу; девушки провинции – смешанный тип поведения. Анализ данных по шкале показывает, что юноши и девушки мегаполиса демонстрируют выраженную убежденность в том, что женщины способны брать на себя серьезную ответственность и способны на риск. Девушки и юноши провинции тоже демонстрируют такую позицию, но менее выражено.

Шестая шкала «Зависимость / самостоятельность в отношениях с мужчинами» отражает убеждения в том, что сила «настоящей» женщины в ее слабости. Здесь доминируют такие утверждения, что: женщины, ориентированные на независимость, рискуют остаться в одиночестве; женщина не «должна открыто проявлять силу и власть; в сложной ситуации женщина должна полагаться на мнение мужчины.; женщина в общении с мужчинами должна демонстрировать отзывчивость и уступчивость; большинство женщин не нуждаются в покровительстве и защите со стороны сильных мужчин; умная женщина никогда не покажет мужчине, что она умнее и способнее его»; «женщинам стоит чаще притворяться некомпетентными, чтобы дать возможность мужчинам почувствовать себя более опытными, знающими людьми; демонстрируя свои успехи и достижения, женщина не может подорвать авторитет своего партнера.

Высокие значения характерны для тех, кто уверен, что успех женщины зависит от ее умения скрывать свою компетентность, предоставляя мужчине брать на себя инициативу и ответственность. Средние значения указывают на убеждения в том, что у женщин есть свой арсенал средств влияния: «Мужчина – голова, но женщина – шея». Низкие значения соответствуют эгалитарным нормативным установкам относительно способности женщин быть автономными и самостоятельными как в решении бытовых проблем, так и в принятии важных для жизни решений».

По шкале «Зависимость / самостоятельность в отношениях с мужчиной» результаты следующие: юноши мегаполиса демонстрируют смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному типу; юноши провинции – смешанный тип поведения; девушки мегаполиса –

эгалитарный тип поведения; девушки провинция – смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному.

Юноши провинции чаще соглашаются с утверждением, что женщинам стоит чаще притворяться некомпетентными, чтобы дать возможность мужчинам почувствовать себя более опытными. Они считают, что умная женщина не должна показывать мужчине, что она умнее и способнее его. Юноши и девушки мегаполиса, а так же девушки провинции считают, что демонстрируя свои успехи, женщина не может подорвать авторитет своего партнера.

Итоговый показатель Шкалы «Приверженность традиционным нормам женского поведения» демонстрирует сумму баллов по всем субшкалам и определяет уровень приверженности традиционным нормам женского поведения. Мы получили следующие результаты: юноши и девушки мегаполиса демонстрируют эгалитарный тип поведения; юноши провинция – смешанный тип поведения; девушки провинции – смешанный тип поведения, ближе к эгалитарному.

На основании полученных результатов можно констатировать, что эгалитарный тип поведения демонстрируют юноши и девушки мегаполиса, а смешанный тип поведения характерен для молодежи, проживающей в провинции. Следует отметить и тот факт, что в провинции девушки демонстрируют смешанное поведение, так же как и Юноши, но оно ближе к эгалитарному.

Во втором варианте, исследуя критерии анализа пола и возраста, нами были получены результаты, которые мы представим в описании каждой шкалы.

Первая шкала опросника – «Установка на замужество и материнство» отражает убеждения, что замужество и материнство являются основными сферами самореализации для женщин (рис. 2).

Результаты по данной шкале демонстрируют, что многие респонденты не разделяют тезис о создании семьи и рождении детей как главной цели и смысла жизни женщин. Это значит, что приверженцами эгалитарных норм являются: 48,7% девушек-студенток, 36,72% девушек - школьниц и 36,82 юношей-студентов, 18,84 – юношей-школьников.

Юноши-школьники – 63,76%, девушки-школьницы – 55,37% и юноши-студенты – 50,21% и 40,92% девушек-студенток придерживаются смешанных норм. Значения по этой шкале позволяют констатировать, что эти респонденты не связывают самореализацию женщин исключительно с семейными ролями и считают не менее значимой для самореализации профессиональное развитие и карьеру. Средние значения шкалы отражают ориентацию на совмещение женщинами семейных и профессиональных ролей.

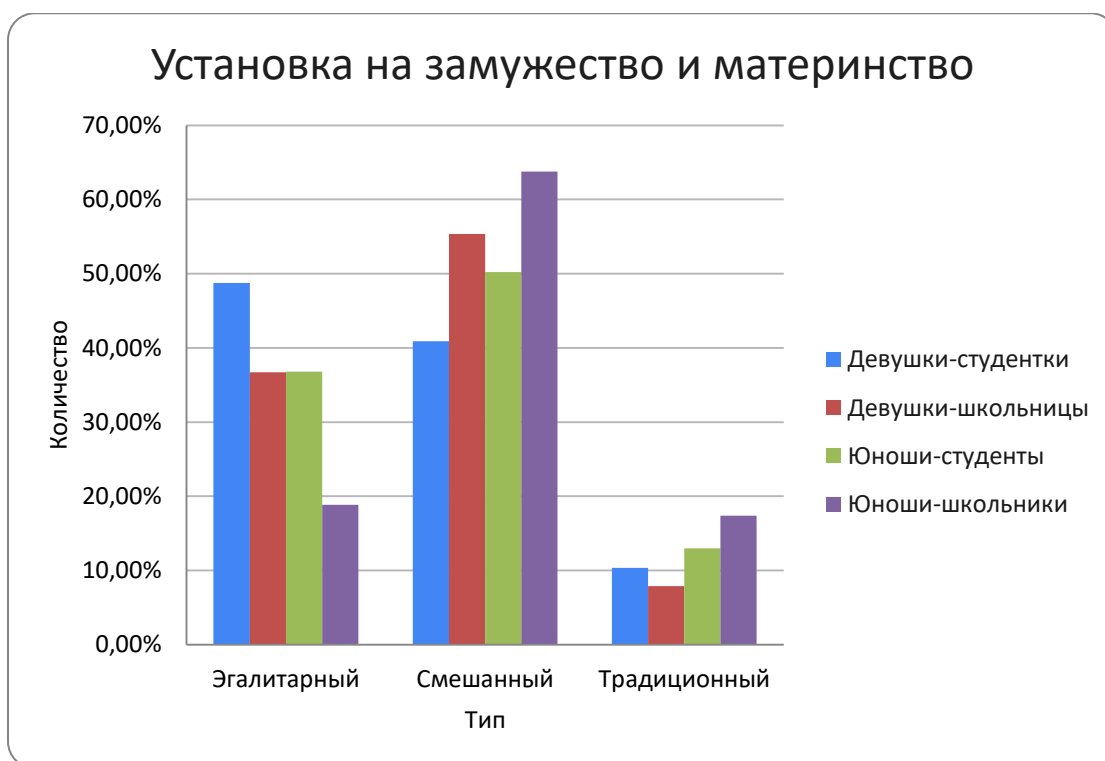

Рис. 2. Приверженность российских студентов и школьников установке на замужество и материнство женщин

Приверженцами традиционных взглядов оказались 17,7% юношей-школьников и 12,97% юношей-студентов, которые выразили приверженность установке на замужество и материнство женщины, что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у девушек студенток и школьниц.

Следующая шкала «Стремление быть хорошей хозяйкой» (рис. 3). Девушки-студентки – 41,66%, девушки-школьницы – 30,50%, юноши-студенты утверждают, что женщина не обязана обеспечивать уют и комфорт, что повседневные заботы по ведению хозяйства не являются прерогативой женщины и могут быть распределены между супругами и другими членами семьи, демонстрируя эгалитарные нормы поведения.

45,19% юношей-студентов, 47,83% юношей-школьников, 39,29% девушек-студенток и 37,85% девушек-школьниц показывают значения, соответствующие смешанным нормам поведения.

39,85% юношей-школьников, 31,63% девушек-школьниц выразили максимальную приверженность установке «женщина должна быть хорошей хозяйкой», что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у обучающихся вузов.

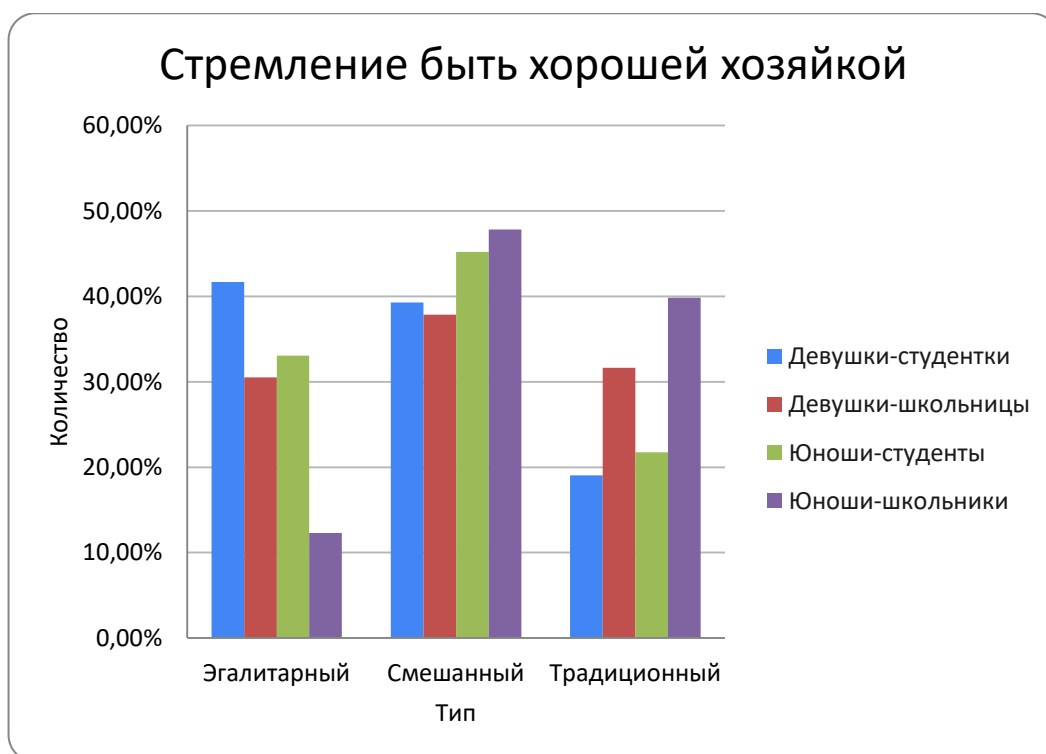

Рис. 3. Приверженность российских студентов и школьников установке быть хорошей хозяйкой

Третья шкала «*Значимость привлекательной внешности*» (рис. 4) показала, что 41,37% девушек-студенток и 41,42% юношей-студентов ориентированы на невысокую значимость стандарта женского поведения, в соответствии с которым женщина должна ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой (что соответствует эгалитарным нормам поведения).

47,10% юношей-школьников, 43,50% девушек-школьниц, 38,40% девушек-студенток и 37,24% юношей-студентов показывают значения указывающие на то, что респондент признает привлекательную внешность важной основой образа женщины, но считает, что самооценка женщины не должна страдать из-за несоответствия эталонам красоты (соответствует смешанному типу поведения).

28,99% юношей-школьников, 23,16% девушек-школьниц провинции выразили максимальную приверженность установке «высокой значимости для женщин привлекательной внешности», что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у обучающихся вузов.

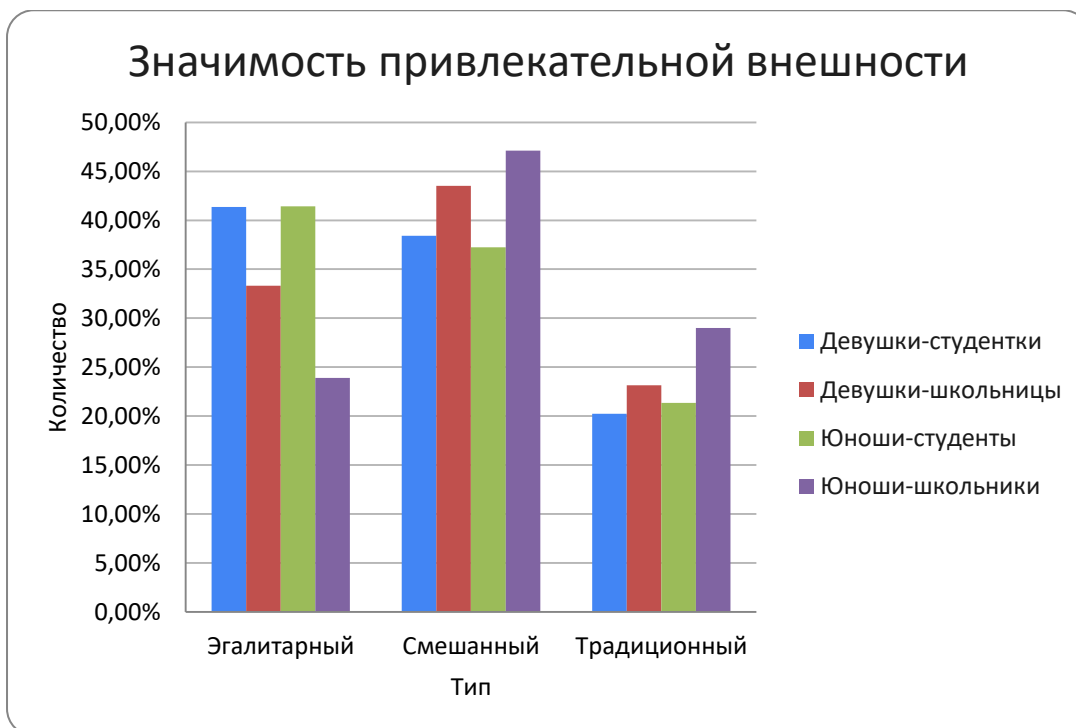

Рис. 4. Приверженность российских студентов и школьников установке высокой значимости для женщин привлекательной внешности

Результаты четвертой шкалы «Готовность заботиться о семье и близких людях» представлена на рис. 5.

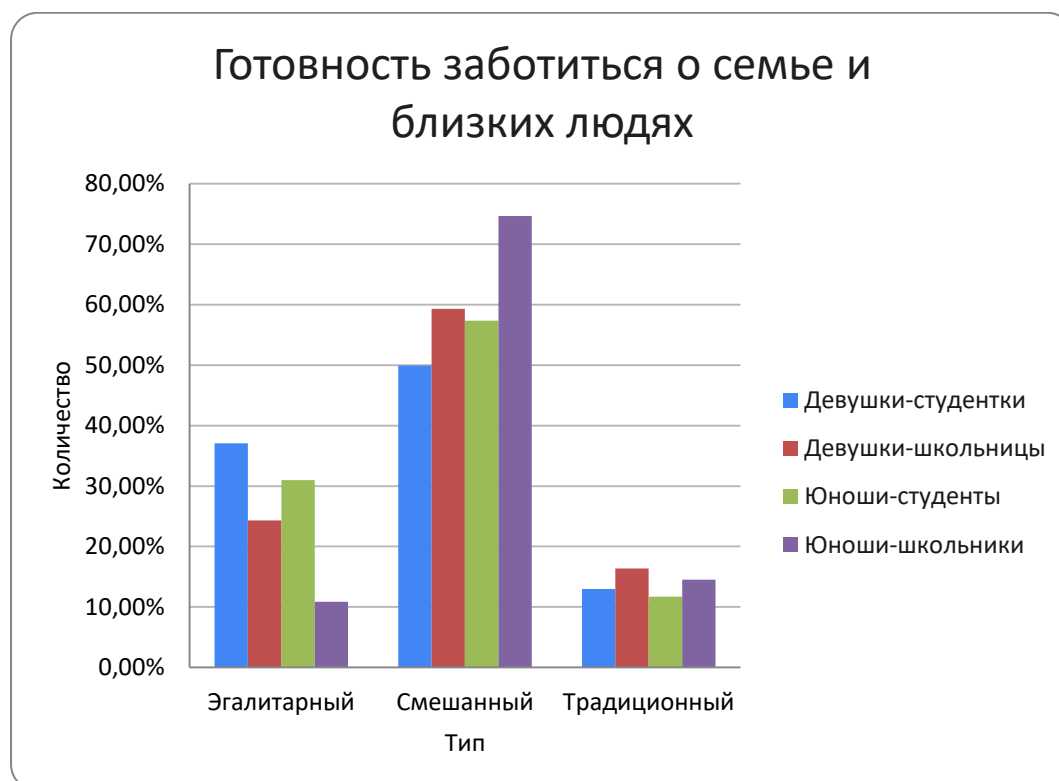

Рис. 5. Приверженность российских студентов и школьников женской установке заботиться о семье и близких

30,97% юношей-студентов и 37,08% девушек-студентов – не поддерживают установку и демонстрируют эгалитарные предпочтения.

74,64% юношей-школьников, 59,32% девушек-школьниц согласны с убеждением, которое определяют знания о потребностях и заботу о благополучии каждого члена семьи как сферу компетентности женщины (смешанный тип поведения с преобладанием традиционалистских норм).

57,32% юношей-студентов и 49,93% девушек-студенток отражают нормативные установки, согласно которым в семье забота друг о друге должна быть распределена между всеми членами семьи, уход за малышами, пожилыми или больными может осуществляться за счет привлечения рыночных услуг (смешанный тип поведения с преобладанием эгалитарных норм).

16,38% девушек-школьниц и 14,50% юношей-школьников выразили максимальную приверженность установке «заботиться о семье и близких», что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у девушек и юношей вуза.

Данные по шкале «Мягкость, чувствительность» представлены на рис. 6.

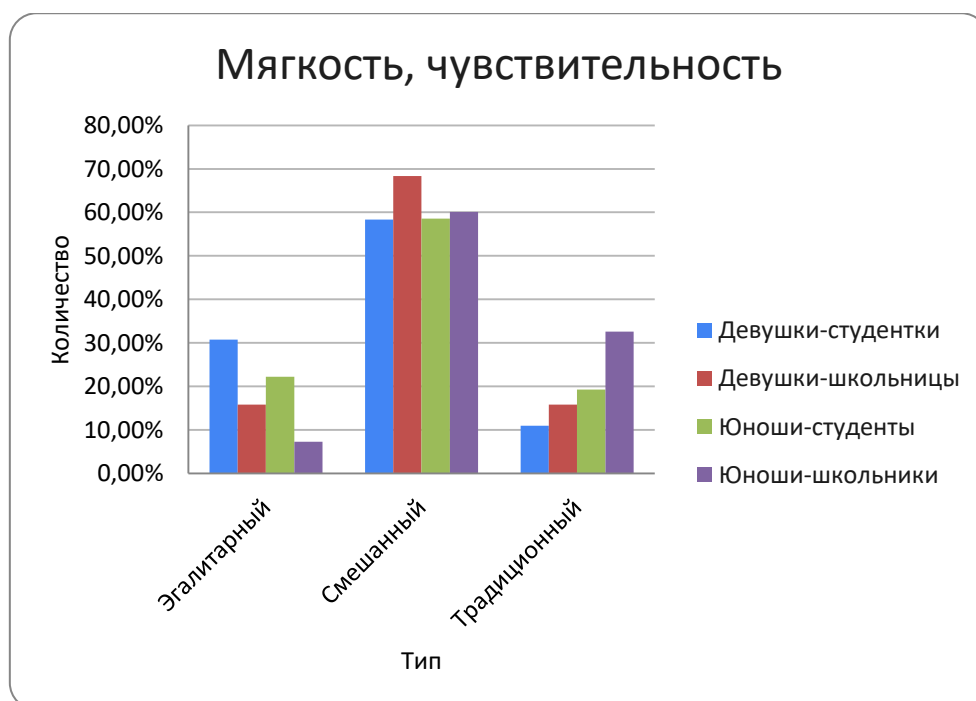

Рис. 6. Приверженность российских студентов и школьников установке о мягкости и чувствительности женщин

22,17% юношей-студентов и 30,72% девушек-студенток утверждают, что женщина способна брать на себя ответственность, идти на риск и не обязательно быть эмоциональной и чувствительной.

68,35% девушек-школьниц, 60,14% юношей-школьников, 58,57% юношей-студентов и 58,35% девушек-студенток указали, что современные женщины вполне могут сочетать маскулинные и фемининные качества и модели поведения, в зависимости от ситуации девушки и юноши школьники придерживаются смешанных норм поведения ближе к традиционному, а девушки и юноши-студенты поддерживают смешанные нормы поведения ближе к эгалитарному.

19,25% юношей-студентов и 32,60% юношей-школьников выразили максимальную приверженность установке «о мягкости и чувствительности женщин», что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у девушек студенток и школьниц.

Данные шестой шкалы «Зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами» представлены на рис. 7.

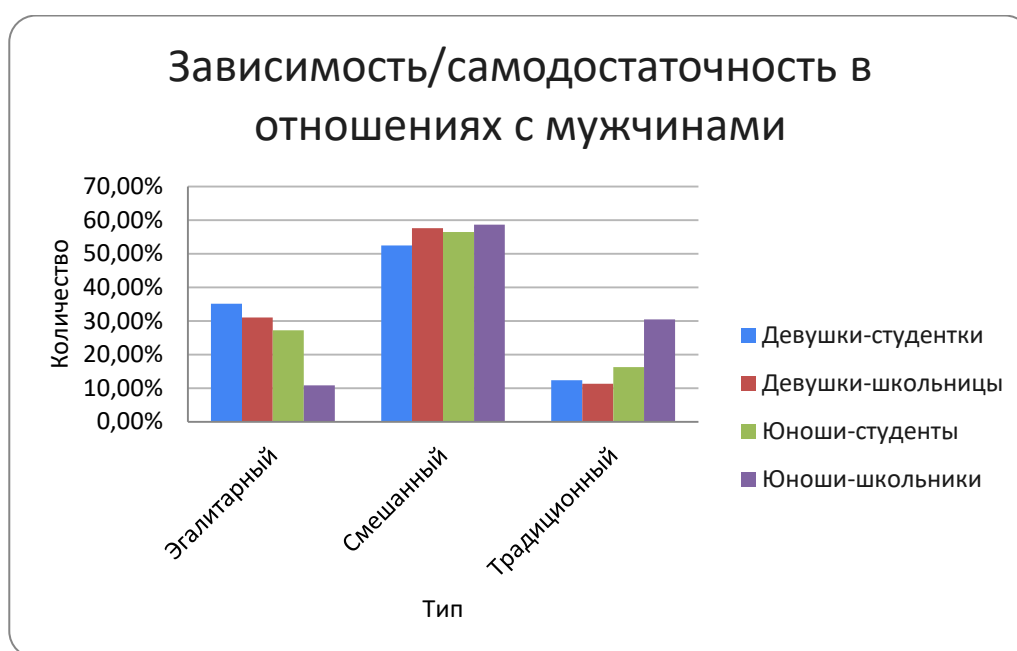

Рис. 7. Приверженность российских студентов и школьников установке зависимости женщин в отношении с мужчинами

По данной шкале мы можем констатировать, что 35,15% девушек-студенток, 31,06% девушек-школьниц, 27,20% юношей-студентов и 10,87% юношей-школьников утверждают, что женщина может открыто проявлять и демонстрировать свою силу и независимость, в сложной ситуации должна полагаться на себя, она может быть автономной и самодостаточной.

52,44% девушек-студенток, 57,63% девушек-школьниц, 56,49% юношей-студентов и 58,69% юношей-школьников подтверждают позицию о том, что у женщин есть свой арсенал средств влияния: «Мужчина – голова, но женщина – шея».

16,32% юношей-студентов и 30,43% юношей-школьников считают, что успех женщины зависит от умения скрывать свою компетентность,

предоставляя мужчине брать на себя инициативу и ответственность. Они выразили максимальную приверженность установке «зависимости женщин в отношении с мужчинами», что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у девушек студенток и школьниц.

Все вместе шкалы образуют итоговый показатель «Приверженность традиционалистским нормам женского поведения» (рис. 8). Итоговое распределение показывает, что 43,28% девушек-студенток, 31,64% девушек-школьниц, 36,49% юношей-студентов и 13,77% юношей-школьников продемонстрировали приверженность эгалитарному типу поведения.

40,91% девушек-студенток, 49,15% девушек-школьниц, 43,93% юношей-студентов и 50,72% юношей-школьников. Юноши-школьники демонстрируют смешанный тип поведения со сдвигом в сторону традиционного. Студенты и девушки-школьницы – смешанный со сдвигом в сторону эгалитарного.

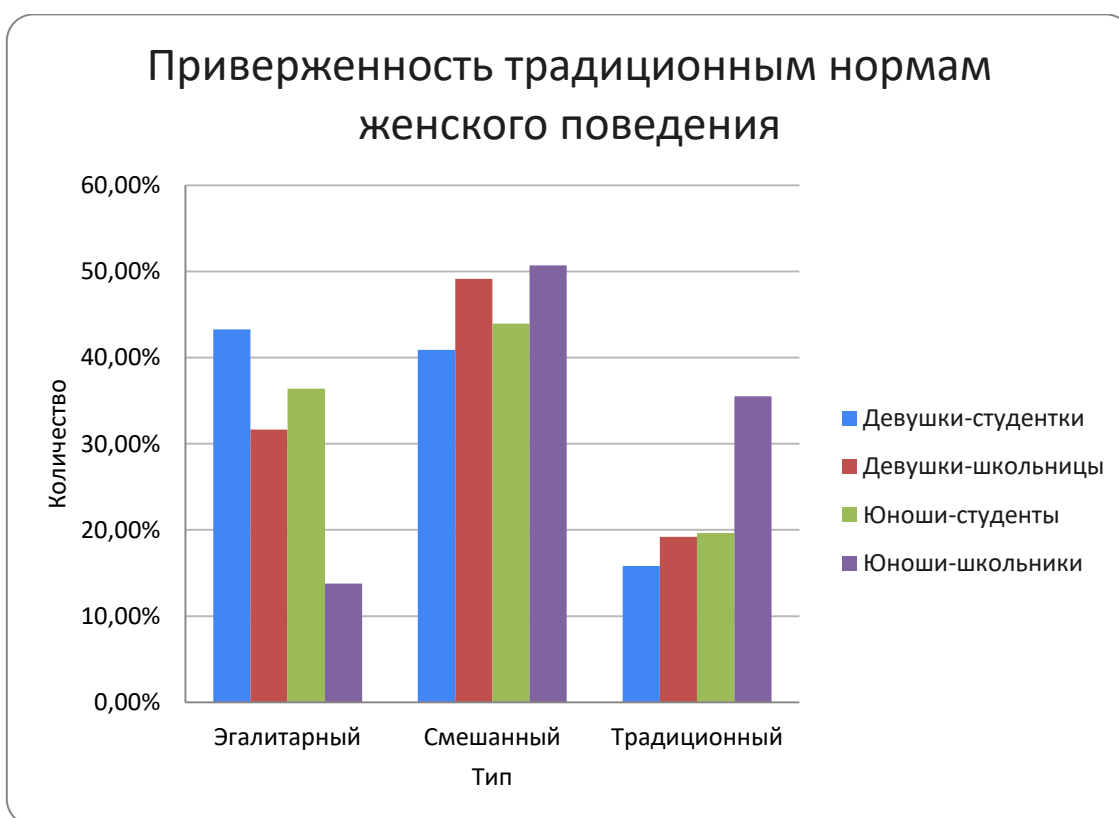

Рис. 8. Приверженность российских студентов и школьников эгалитарным и традиционным нормам женского поведения

19,20% девушек-школьниц и 35,50% юношей-школьников выразили максимальную приверженность традиционным нормам женского поведения, что статистически достоверно (при уровне значимости $U \leq 0,01$) больше, чем у юношей и девушек студенток вузов.

Результаты позволили выявить респондентов, которые демонстрируют приверженность традиционалистской модели

феминности, а также тех, кто не разделяет эти нормы и привержены эгалитарному типу гендерных норм. Полученные результаты мы представили в виде среднего балла по каждой шкале оценивания (табл. 2, рис.9). Статистические данные по переменным пол / возраст констатируют отличия по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Результаты статистической обработки:

✓ при сравнении показателей девушек мегаполиса и провинции были получены значимые отличия по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$);

✓ при сравнении показателей норм женского поведения у юношей мегаполиса и провинции (критерий Манна-Уитни) были получены значимые отличия по всем шкалам ($U \leq 0,01$);

✓ данные девушек школьниц и студенток достоверно отличаются по шкалам: «Установка на замужество и материнство», «Стремление быть хорошей хозяйкой», «Готовность заботиться о семье и близких людях», «Мягкость, чувствительность», «Приверженность традиционным нормам женского поведения» ($U \leq 0,01$);

✓ сравнение показателей норм женского поведения у юношей школьников и студентов выявило достоверные отличия по всем шкалам ($U \leq 0,01$);

✓ сравнение показателей норм женского поведения у юношей и девушек школьников выявило отличия по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$);

✓ сравнение Школьники: Мегаполис Провинция (критерий Манна-Уитни). Школьники Мегаполиса и провинции значимо отличаются только по шкале «Готовность заботиться о семье и близких людях» (при уровне значимости $U \leq 0,01$);

✓ сравнение показателей норм женского поведения у студентов юношей и девушек достоверно отличаются по следующим шкалам: «Установка на замужество и материнство», «Мягкость, чувствительность», «Зависимость / самостоятельность в отношениях с мужчинами» и итоговой шкале ($U \leq 0,01$);

✓ сравнение показателей норм женского поведения у студентов мегаполиса и провинции показало достоверные различия по всем шкалам ($U \leq 0,01$).

У юношей - школьников преобладают более консервативные взгляды на нормы женского поведения, у студенческих групп и девушек – школьниц более современные (эгалитарные) взгляды. Этот факт определяет разную степень приверженности школьной молодежи к традиционалистскому типу норм женского поведения, а студенческие группы респондентов к смешанным нормам (со сдвигом к эгалитарным нормам модели феминности).

Средний балл по шкалам опросника «Нормы женского поведения»

Шкала \ Пол / возраст	ЗМЖ	ХЗ	ПР	ЗБТ	МГ	ЗВС	ТРНЖ
Юноши / Школьники	15,74	20,1	15,82	19,51	16,64	16,89	104,7
Юноши / Студенты	14,31	14,94	16,11	15,84	13,91	15,05	90,16
Девушки / Школьники	15,24	17,63	15,87	17,15	15,77	14,42	96,08
Девушки / Студенты	12,96	15,34	15,26	15,11	12,73	14,67	86,07

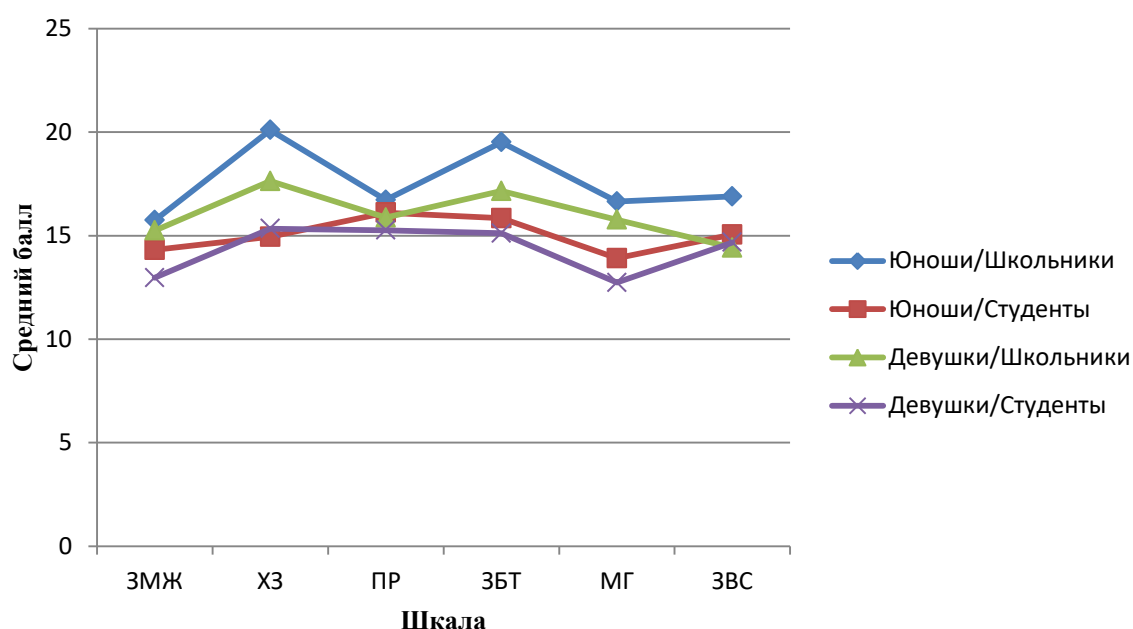

Рис. 9. Распределение респондентов в соответствии со средним баллом значения по каждой шкале оценивания

Выводы исследования

Представленные результаты раскрывают отношение российской учащейся молодежи к нормам женского поведения. Для большинства респондентов замужество и материнство перестали быть единственными и абсолютно доминирующими сферами самореализации женщин. Учащаяся молодежь считает, что для многих женщин их профессиональная карьера не менее значима, чем семейные роли; стабильный доход позволяет женщинам быть финансово независимыми от мужчин, а иногда и самостоятельно содержать семью; внешние данные по-прежнему являются существенной, но не самой важной составляющей оценки женщин, одновременно расширился репертуар образов для самовыражения.

Высокую степень приверженности традиционалистскому типу норм женского поведения не продемонстрировала ни одна из исследуемых групп. Сравнение результатов респондентов разных групп подтвердило тот факт, что выраженность эгалитарного типа поведения больше у молодежи мегаполиса, обучающиеся провинция – более консервативна. В тоже время среди всех выделенных групп более консервативны школьники, но с возрастом можно ожидать трансформацию их установок в сторону эгалитарного поведения. Полученные результаты исследования демонстрируют устойчивую тенденцию в изменении ментальности современной молодежи в сторону проявления смешанного и эгалитарного типов поведения. Полученные результаты позволили констатировать следующее:

– эгалитарный тип поведения демонстрирует студенческая и школьная молодежь мегаполиса, а смешанный тип поведения характерен для студенческой молодежи и школьников, проживающей в провинции;

– эгалитарный тип поведения демонстрируют преимущественно студенты юноши и девушки, а так же девушки-школьницы, смешанный тип поведения характерен для юношей-школьников.

Смешанный тип женского поведения с преобладанием традиционных норм в своих предпочтениях транслируют юноши-школьники провинции. Высокую степень приверженности к эгалитарному типу поведения демонстрируют девушки – студентки мегаполиса.

Отсутствие ярко выраженной приверженности традиционалистскому типу гендерных норм поведения указывает на определенную степень свободы и в поведении молодежи, и в оценке женских норм поведения. Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция к трансформации традиционных норм женского поведения в сторону смешанных и эгалитарных норм у современной российской молодежи.

2.3 Нормы мужского поведения в представлениях российских студентов и школьников

В западных культурах прошлого века фиксировалась характерная маскулинная гендерная социализация, основанная на таких качествах, как стоицизм, независимость, физическая выносливость, доминирование, сдержанность в выражении эмоций, конкуренция и антифеминированность (Brannon&Juni¹, 1984; Connell&Messerschmidt, 2005²; Levantetal., 2006³; Mahaliketetal., 2003⁴).

На основе анализа работ Дж. Плека и других исследователей Рэйвин Коннелл выделяет понятие «гегемонной» маскулинности, представляющей собой эталон мужчины, обладающего властью. Для гегемонной маскулинности характерно стремление доминировать над женщинами и другими социальными группами и меньшинствами. Модель гегемонной маскулинности может различаться в разные исторические периоды, но стремление к доминированию остается в ней неизменным⁵.

Майкл Киммел выделяет также следующие основания построения гегемонной маскулинности: антиженственность, гомосоциальность, гетеросексуальность⁶.

Р. Брэннон (1984) был одним из первых, кто сформулировал набор из четырех социально сконструированных мужских норм, известных как мужской кодекс: избегание действовать по-женски, стремление быть признанным за успешные достижения, никогда не демонстрировать физическую или эмоциональную слабость и готовность участвовать в рискованном или остром поиске поведения и даже прибегать к насилию,

¹ Brannon R., & Juni S. (1984). A scale for measuring attitudes about masculinity. *Psychological Documents*, 14(Doc. #2612).

² Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept Author(s): R. W. Connell and James W. Messerschmidt Source: *Gender and Society*, Vol. 19, No. 6 (Dec., 2005), pp. 829-859 Published by: Sage Publications, Inc. Stable. URL : <http://www.jstor.org/stable/27640853> Accessed: 12-10-2016

³ Levant R.F., Good G.E., Cook S.W., O'Neil J.M., Smalley K.B., Owen K., & Richmond K. (2007). "The Normative Male Alexithymia Scale: Measurement of a gender-linked syndrome": Correction to Levant et al. (2006). *Psychology of Men & Masculinity*, 8(3), 199–200. URL : <https://doi.org/10.1037/1524-9220.8.3.199>

⁴ Mahalik J. R., Locke B. D., Ludlow L. H., Diemer, M. A., Scott, R. P. J., Gottfried, M., & Freitas, G. (2003). Development of the Conformity to Masculine Norms Inventory. *Psychology of Men & Masculinity*, 4(1), 3–25. URL : <https://doi.org/10.1037/1524-9220.4.1.3>

⁵ Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Р. Коннелл, научный редактор перевода И. Тартаковская. М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 432 с.

⁶ Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики* / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Издательство Алетейя, 2008. С. 38–57.

если это необходимо. Наиболее широко данный набор качеств, представлен в культуре США¹.

В исследованиях, проводившихся в последние 20 лет уделяется внимание проявлениям маскулинности в различных культурах и субкультурах. Особый интерес исследователей вызывает изучение особенностей гендерных норм мужчин различных возрастных групп, этапов жизни, социальных классов, сексуальных ориентаций, культур и этнической принадлежности.

Многие исследования показывают, что мужчины более склонны, чем женщины, к формированию более традиционного поведения вследствие неустойчивого статуса мужественности (Vandell J., Bosson J., 2013). Его можно легко потерять или поставить под угрозу, и мужчины мотивированы доказывать свою мужественность, выражая типично мужские взгляды и поведение. Следовательно, мужчины, но не женщины, вслед за угрозой идентичности, проявляют более высокий уровень агрессии (Cohnetal B.J., 2009), более традиционное отношение к гендерным ролям и более сильное предубеждение к сексуальным меньшинствам и трансгендеров (Конорка К., Prusik М.и др., 2019). Все эти установочные и поведенческие проявления позволяют представить себя как типично мужское. Например, как традиционная, так и современная гомонегативность, правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, религиозный фундаментализм, отношение к гендерным ролям, а также биологические и культурные представления о происхождении гендерных различий были важными предикторами традиционной маскулинности. Как и в предыдущих исследованиях, мужчины были более предвзято относились к гендерным нонконформистам по сравнению с женщинами².

Предпринимаются попытки выделения факторов, апробируется диагностический инструментарий, позволяющий выделить особенности проявления гендерных норм в определенной культурной среде.

Так, в исследовании Mahalik J.R., Locke B.D., Ludlow L.H., Diemer M.A., Scott R.P. J., Gottfried M., & Freitas, G. (2003) с помощью факторного анализа было выявлено 11 различных факторов: победа, эмоциональный контроль, принятие риска, насилие, доминирование, Плейбой, уверенность в себе, главенство в работе, власть над женщинами, презрение к гомосексуалистам и стремление к статусу. Результаты последующей апробации данного инструментария продемонстрировали высокую внутреннюю согласованность шкал и дифференциальную

¹ Brannon R., & Juni S. (1984). A scale for measuring attitudes about masculinity. *Psychological Documents*, 14, 6.

² Konopka, K., Prusik, M. & Szulawski, M. Two Sexes, Two Genders Only: Measuring Attitudes toward Transgender Individuals in Poland. *SexRoles*. 82, 600–621 (2020). URL : <https://doi.org/10.1007/s11199-019-01071-7>

валидность при сравнении мужчин с женщинами и группами мужчин по вопросам, связанным со здоровьем. Отдельные субшкалы были достоверно и положительно связаны с психологическим дистрессом, социальным доминированием, агрессией и желанием иметь развитую мускулатуру, а также отрицательно – с отношением к обращению за психологической помощью и социальной желательностью¹.

По данным В. Janey и др. (2013), при исследовании норм мужского поведения россиян оказались значимы такие факторы, как долг / надежность, привилегии / удовольствие и невыразительность / бесстрастность².

В подростковом и юношеском возрасте в процессе гендерных отношений происходит уточнение гендерных норм и идеалов. Как и все социальные и групповые предписания, гендерные нормы проходят этап рационального осмысления и постепенно преобразуются во внутреннюю потребность. Однако по сравнению с другими социальными нормами, гендерные нормы характеризуются максимальной культурной составляющей, устойчивостью и универсальностью, что позволяет им регулировать поведение мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности.

Многосторонне исследуя механизмы возникновения конфликта гендерных ролей у ирландских мальчиков-подростков, авторы отмечают, что жесткое следование культурно санкционированной модели маскулинности может приводить к ограничению или обесцениванию себя или других людей. Так некоторые мальчики, не уделяют внимания занятиям в школе, стремясь в первую очередь к успехам в спорте и достижению физического совершенства, необходимого для реализации маскулинной роли. Другие испытывают непомерно большую нагрузку и сильный стресс, пытаясь добиться успеха, как в академической успеваемости, так и в спорте, чтобы соответствовать норме успешности. Еще одним примером может служить стремление вести себя в соответствии с нормой «жесткости» под давлением требований группы. В качестве одного из механизмов поддержания маскулинности в подростковой группе мальчиков авторы выделяют «дразнение» в случае несоответствия гендерной модели поведения³.

Анализируя литературу, посвященную исследованию мужских норм и ролей, и придерживаясь теории социального конструктивизма, ряд

¹ Mahali J.R., Lock B.D., Ludlo L.H., Diemr M.A., Scot R. P. J., Gottfried M., & Freitas G. (2003). Razrabotka inventory a sootvetstviyam uzhskim normam. *Psikhologiya muzhchini maskulinnosti*, 4(1), 3-25. URL : <https://doi.org/10.1037/1524-9220.4.1.3>

² Janey B. A., Kim T., Jampolskaja T., Khuda A., Larionov A., Maksimenko A., Sharapov D., & Shipilova A. (2013). Development of the Russian Male Norms Inventory. *Psychology of Men & Masculinity*, 14(2), 138–147. URL : <https://doi.org/10.1037/a0028159>

³ O'Beaglaioich C., Morrison T. G., Nielsen E.-J., & Ryan T. A. (2014, December 22). Experiences of Gender Role Conflict as Described by Irish Boys. *Psychology of Men & Masculinity*. Advance online publication. URL : <http://dx.doi.org/10.1037/a0037962>

авторов считают, что в настоящий момент назрела необходимость такой трансформации маскулинных норм, которая сделала бы их более гибкими и адаптивными к современным условиям. Исследователи считают необходимым разрабатывать меры профилактики негативных последствий воздействия мужских норм и усиления позитивных представлений о гендерной идентичности мужчин.

Трансформация системы гендерных норм зависит от многих социальных факторов, важнейшими из которых являются уровень культуры, демократизации и экономического благосостояния государства, распространенность и значимость религиозных взглядов, особенности социальной политики и информационной среды и др.

По данным берлинского социологического опроса И. Костериной, отмечается возрастание гендерных трансформаций по эгалитарной модели среди мужчин среднего возраста, проживающих в больших городах и являющихся представителями среднего класса. Эти мужчины стали более терпимыми, по сравнению с мужчинами такого же возраста, относящихся к высшему и особенно низшему социальному классу¹.

В исследованиях подчеркивается, что в современном мире усвоение гендерных ролей уже не осуществляется естественным путем, под влиянием биологических и социальных факторов, как это свойственно для традиционного общества, а требует сознательного формирования определенной модели поведения и соответствующего имиджа.

Важнейшим институтом социализации современной молодежи становятся СМИ, которые во многом влияют на специфику молодежной культуры. Юноши и девушки оказываются наиболее вовлеченными в медиа-пространство, в котором активно размываются гендерные стереотипы, становятся максимально открытыми к экспериментам и инновациям в гендерных отношениях.

Наше исследование в 2018–19 годов с помощью группового интервью продемонстрировало противоречивость восприятия гендерных трансформаций. В представлениях студентов зафиксированы основные гендерные трансформации современности, расширение диапазона гендерных ролей и амбивалентность психологических качеств. Одновременно студенты проявили критичность в оценках изменений противоположного и идеализацию своего пола, дефицит партнерства и сотрудничества. Молодежь мегаполиса продемонстрировала существенную тенденцию сдвига к эгалитарным отношениям, однако студенты небольших городов и поселков (прежде всего юноши) пока статистически достоверно чаще апеллируют к традиционным гендерным

¹ Костерина И. Ботаники против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке / сост. и ред. И. Н. Тартаковская. М. : Звенья, 2013. С. 18–32.

нормам, подтверждая консервативность провинциальной ментальности и приверженность традиционному пониманию маскулинности¹.

Анализируя особенности гендерных трансформаций в структуре ментальности россиян, проживающих в малых городах Крайнего Севера, О. Ю. Слепнева выделяет как важный социальный фактор, влияющий на процесс данных трансформаций социальную неопределенность. Стремительные социальные изменения приводят к размыванию представлений, связанных с гендерными нормами и ролями во всех возрастных группах, но наиболее сильно – в молодежной среде. По результатам проведенного исследования автор делает вывод о том, что в условиях социальной неопределенности мужчины чувствуют себя психологически более комфортно, а женщины, испытывая эмоциональное напряжение, тем не менее занимают более активную жизненную позицию по сравнению с мужчинами. При этом женщины ориентируются на конкуренцию и профессиональные ценности в ущерб семейным и духовным ценностям. Нечеткость гендерных представлений, по мнению автора, приводит к появлению деструктивных трансформаций в структуре гендерной ментальности. Преобладающим типом гендерной идентичности, выявленным в данном исследовании, у мужчин и женщин во всех возрастных группах является андрогинность².

И. С. Клециной и Е. В. Иоффе был разработан диагностический инструментарий на основе адаптированной версии опросника «Мужские нормативные установки» (The Male Attitude Norms Inventory II) Рассела Луйта (Luut R.). При его разработке были использованы результаты теоретических и эмпирических исследований, посвященных разработкам теоретического конструкта мужественности и маскулинной идеологии³.

По данным, представленным в исследовании И.С. Клециной, Е. В. Иоффе, подавляющее большинство современных юношей и девушек, ориентированы на смешанную модель гендерных отношений, включающую как традиционалистские, так и эгалитарные нормы и соответствующие им модели поведения. При этом юноши демонстрируют значительно большую приверженность традиционалистской маскулинной идеологии, в то время как девушки чаще проявляют ориентированность на

¹ Ключко О.И. (2020) Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи / Е.В. Иоффе Е.В., М.А. Ерофеева, О.И. Ключко, А.А. Чекалина, Н.Ф. Сухарева, Е.В. Самосадова // Женщина в российском обществе. №1. С. 55-69. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

² Слепнева О. Ю. Гендерные трансформации в структуре ментальности у населения малых городов России : автореферат диссертации кандидата психологических наук : 19.00.05. Костромской государственный университет. Кострома, 2008. 28 с.

³ Клецина И.С. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография // И.С. Клецина, Е.В. Иоффе. М. : Проспект, 2017.144 с.

эгалитарные нормы. Исключение составляет традиционная норма мужского поведения, предполагающая социальную успешность¹.

В исследовании Е. В. Самосадовой и Н. Ф. Сухаревой предпринята попытка изучения гендерных отношений студентов-первокурсников провинциального российского вуза. Гендерные отношения изучались через образ сверстника и его трансформацию. Полученные результаты свидетельствуют о том, что образ сверстника у испытуемых носит в целом традиционный характер, однако наблюдается отход от таких традиционных качеств мужчины, как агрессия и доминирование. Результаты исследования также свидетельствуют о приверженности большинства испытуемых юношей и незначительного количества девушек к традиционалистским нормам мужского поведения. В целом полученные данные демонстрируют приверженность юношей и девушек традиционалистским нормам мужского поведения, при этом юноши, в отличие от девушек, оказались не готовы к эгалитарным нормам мужского поведения².

Несмотря на то, что гендерные стереотипы современной молодежи в целом подвержены быстрым изменениям, ряд исследователей отмечает, что сама молодежная среда в настоящий момент крайне неоднородна, соответственно гендерные нормы и соответствующие им роли могут существенно отличаться в различных социальных юношеских группах. Данный момент делает прогнозирование гендерных трансформаций в молодежной среде довольно проблематичным. Процессы глобализации, определяющие существенные особенности современного мирового пространства, несомненно, влияют на ускорение и углубление гендерных трансформаций³.

Так, по мнению ряда исследователей, одним из факторов, стимулирующих трансформацию менталитета, в том числе и установок, связанных с гендерными нормами и ролями, является феномен миграции. Оказываясь в условиях более эгалитарной культуры, мигранты усваивают идеи гендерного равенства, что проявляется в общении, брачных стратегиях, выборе работы. Однако изменения в сфере менталитета далеко не всегда влияют на поведение людей в повседневной жизни в тех случаях,

¹ Клецина И. С. Гендерные нормы как социально-психологический феномен / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе. М. : Проспект, 2017. 144 с.

² Самосадова Е.В., Сухарева Н.Ф. Гендерные отношения сверстников в представлениях первокурсников вуза провинциального города // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 4 (61). С. 317-320.

³ Ключко О.И. Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1 (25). С. 29-35.

когда они возвращаются на родину, в условиях более традиционной культуры¹.

Другим важным моментом активизации межкультурных коммуникаций является обучение иностранных студентов в вузах. Следует отметить, что, как правило, выезжают учиться за рубеж лица юношеского возраста, то есть межкультурное общение осуществляется в возрасте, наиболее предрасположенном к трансформациям гендерной ментальности.

Попытки сравнительного изучения гендерного поведения и связанных с ним стереотипов у российских и иностранных студентов предпринимались последние двадцать лет. Так, объектом нашего исследования в 2019-2020 годах являлись русские и туркменские студенты, обучающиеся в провинциальном российском вузе. Исследование по изучению норм мужского поведения туркменских студентов показало, что независимо от пола они одобряют традиционную модель мужского поведения и проявляют непринятие эгалитарных мужских норм. Причем у туркменских юношей чаще по сравнению с туркменскими девушками чаще демонстрируют приверженность традиционным взглядам на мужское поведение².

Целью нашего исследования являлось сравнительное изучение гендерных трансформаций норм мужского поведения российских юношей и девушек в возрасте 15–25 лет, учащихся школ и вузов, проживающих в мегаполисах и провинциальных городах. Исследование норм мужского поведения, присущих представителям разного пола, нами осуществлялось с помощью методики «Нормы мужского поведения» (И. С. Клецина, Е.В. Иоффе)³. Опросник включает в себя утверждения, отражающие систему убеждений и установок по поводу поведения мужчин как исполнителей социальных ролей.

На основании положений теории маскулинности в структуру опросника вошли шесть шкал, включающих утверждения, соответствующие выделенным в ней традиционалистским и эгалитарным нормам мужского поведения. Высокие значения свидетельствуют о приверженности традиционалистским нормам мужского поведения, а низкие эгалитарным нормам.

1) Шкала «Жесткость, твердость» отражает убеждения, что мужчине требуется физическая сила, эмоциональная твердость и готовность

¹ Толстокорова А. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение. Т. 12. № 2. 2013. С. 98-121.

² Ключко О.И., Морозова Н.Н., Самосадова Е. В. Нормы мужского женского поведения русских и туркменских студентов // Вестник КазНацЖенПУ ҚҰҚЫЗПУ Хабаршысы, 2020. № 3. URL : http://vestnik.kazmkpu.kz/index.php?option=com_content&view=category&id=41&Itemid=115&lang=kz

³ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М. : Проспект, 2017. 144 с.

рисковать. Высокие результаты по данной шкале свидетельствуют о приверженности традиционалистским взглядам, выраженные тем, что мужественность основана на физической силе и эмоциональной твердости и готовности рисковать.

2) Шкала «Опора на собственные силы» отражает ожидания, что мужчина должен самостоятельно принимать решения и быть компетентным во всех областях. Высокие значения по данной шкале отражают убеждения респондента относительно того, что мужчины должны стремиться к компетентности во всех сферах и полагаться во всех ситуациях только на себя.

3) Шкала «Ориентация на достижения» отражает стандарт мужского поведения, в соответствии с которым мужчина должен состояться в профессиональной карьере, быть добытчиком, главой семьи, иметь высокий социальный статус. Одна из важных норм традиционной идеологии мужественности – ориентация на достижения и успех – предполагает проявление предприимчивости и готовности к соперничеству.

4) Шкала «Принятие обезличенных сексуальных отношений» отражает стереотип о гиперсексуальности мужчин и стремлении иметь как можно больше партнерш без эмоциональной вовлеченности в близкие, партнерские отношения. Традиционалистская модель маскулинности придает мужской сексуальности инструментальный и экстенсивный характер, поощряя стремление к увеличению «количественных показателей» в сексуальном взаимодействии. В соответствии с ней эмоциональная близость в сексуальных отношениях позиционируется как помеха.

5) Шкала «Гомосоциальность и гомофобия» отражает нормативные установки относительно того, что «настоящий мужчина» должен во всем отличаться от женщин и от мужчин с гомосексуальной ориентацией.

Все вместе шкалы образуют итоговый показатель «Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения». Преобладание консервативных или современных взглядов на нормы мужского поведения позволяет определить приверженность традиционалистской модели маскулинности. На приверженность традиционалистской модели указывают высокие значения по итоговой шкале (88–109 баллов), эгалитарной – низкие значения (ниже 64 баллов). Наличие и высоких, и низких значений по отдельным шкалам опросника усредняет значения итоговой суммарной шкалы, что отражает отсутствие у респондента приверженности к одной из «полярных» моделей маскулинности. В континууме между этими сложившимися образцами мужского поведения возможны разные варианты сочетания обоих типов норм мужского поведения (смешанный тип с преобладанием традиционалистских норм или смешанный тип с преобладанием эгалитарных норм).

В исследовании приняло участие 1319 человек, учащихся старших классов средних общеобразовательных школ и студентов вузов в возрасте 15–25 лет, из них юноши, проживающие в городах мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург) – 140 человек, в городах Российской Федерации (Саранск, Балашов) – 313, девушки из городов мегаполиса – 236 человек, а из городов провинции – 630.

Критерии анализа пол и место проживания – юноши мегаполиса (N = 134), юноши провинции (N= 303); девушки мегаполиса (N = 234), девушки провинции (N= 625). С целью проверки достоверности различий между выборками нами использовался критерий Манна-Уитни.

На первом этапе нашего исследования нами была поставлена задача сравнительного изучения норм мужского поведения юношами и девушками. Результаты, полученные при выполнении опросника «Нормы мужского поведения», представлены в таблице 1.

Большинство респондентов независимо от пола ориентированы на смешанные нормы мужского поведения (51,43% юноши и 58,89% девушки). Однозначно отдают предпочтение эгалитарным взглядам на мужское поведение 10,6 % юношей и 28,64% девушек, в то время как исключительно традиционалистские представления демонстрируют 37,97% юношей и 12,47% девушек. Таким образом, девушки в целом более эгалитарны во взглядах на мужское поведение. Наиболее заметные различия при этом обнаруживаются по шкалам «Жесткость, твердость», «Опора на собственные силы», «Гомосоциальность и гомофобия», где девушки значительно чаще демонстрируют эгалитарные взгляды, то есть не считают, что мужчина должен утверждать свою маскулинность исключительно за счет демонстрации силы, эмоциональной твердости, компетентности и непохожести на женщин. Например, в шкале «Гомосоциальность и гомофобия» на утверждение «Геев надо наказывать» выразили несогласие 53,4% мужчин и 77,7% женщин.

Выраженные различия в оценках норм мужского поведения юношами и девушками по шкале «Опора на собственные силы» были выявлены при анализе ответов на вопрос «Мужчина должен решать проблемы, опираясь на логику, а не на эмоции». Большинство юношей (75,5%) придерживаются традиционалистских взглядов на этот вопрос, в то время как девушки соглашались с этим высказыванием в 57% случаев. Различия статистически достоверны по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Анализируя высказывания представителей разного пола, были выделены вопросы, по которым юноши и девушки были единодушны в своих оценках норм мужского поведения. Так, в рамках шкалы «Жесткость, твердость» отвечая на вопрос опросника «Мужчины должны быть готовы физически защитить себя в сложной ситуации» 85,7% юношей и 91% девушек ответили утвердительно, что соответствует традиционалистской модели мужского поведения. Вероятно, традиционное

представление о возможности постоять за себя физически является неотъемлемой частью мужского поведения в сознании как мужчин, так и женщин, проживающих в России.

Утверждение, что «Мужчины должны оставаться собранными и спокойными даже в трудных ситуациях» также одобряется большинством респондентов (84,1% юношей и 66,3% девушек).

Максимальное единодушие юношей и девушек в оценке традиционалистской позиции мужчины было выявлено по вопросу шкалы «Опора на собственные силы», где утверждается, что «Мужчина должен брать на себя инициативу в ситуации, когда нужно что-то предпринять» (79,5% юношей и 70,1% девушек).

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в условиях современной действительности россиянам приходится сталкиваться со сложными и даже экстремальными ситуациями, в которых данные особенности традиционного мужского поведения остаются востребованными.

Хочется отметить, в ответах наших респондентов было выявлено большое единодушие в оценке утверждения, отражающего эгалитарные взгляды «Если мужчина обращается за помощью к другим людям, то это не означает, что он проявляет слабость» (74,8% юношей и 89,5% девушек). На наш взгляд, это свидетельствует о трансформации традиционных гендерных стереотипов в сознании современной молодежи независимо от пола.

По шкале «Ориентация на достижения» юноши и девушки в основном придерживались смешанных взглядов на нормы мужского поведения. Однако, следует отметить, что утверждением, в котором проявилась наибольшая приверженность респондентов традиционалистским взглядам, а также максимальное единодушие независимо от пола стало высказывание: «Мужчины всегда должны быть настроены на то, чтобы добиваться успеха в делах» (74,2% юношей и 74,3% девушек).

Напротив, значительные различия, свидетельствующие об эгалитарности девушек, проявились в ответах на вопрос «Мужчины, выполняющие типично женские обязанности (приготовление еды, уборка, уход за детьми и их воспитание), могут гордиться тем, что делают» (50,3% юношей и 71,5% девушек).

Шкала «Принятие обезличенных сексуальных отношений» оказалась самой трудной для респондентов, что выразилось в большом проценте ответов «сложно сказать» на большинство вопросы. На наш взгляд это связано с тем, что в российской культуре отсутствует традиция открытого обсуждения вопросов, связанных с сексуальными отношениями.

Графическое отражение данных представлено ниже в виде рисунка 1.

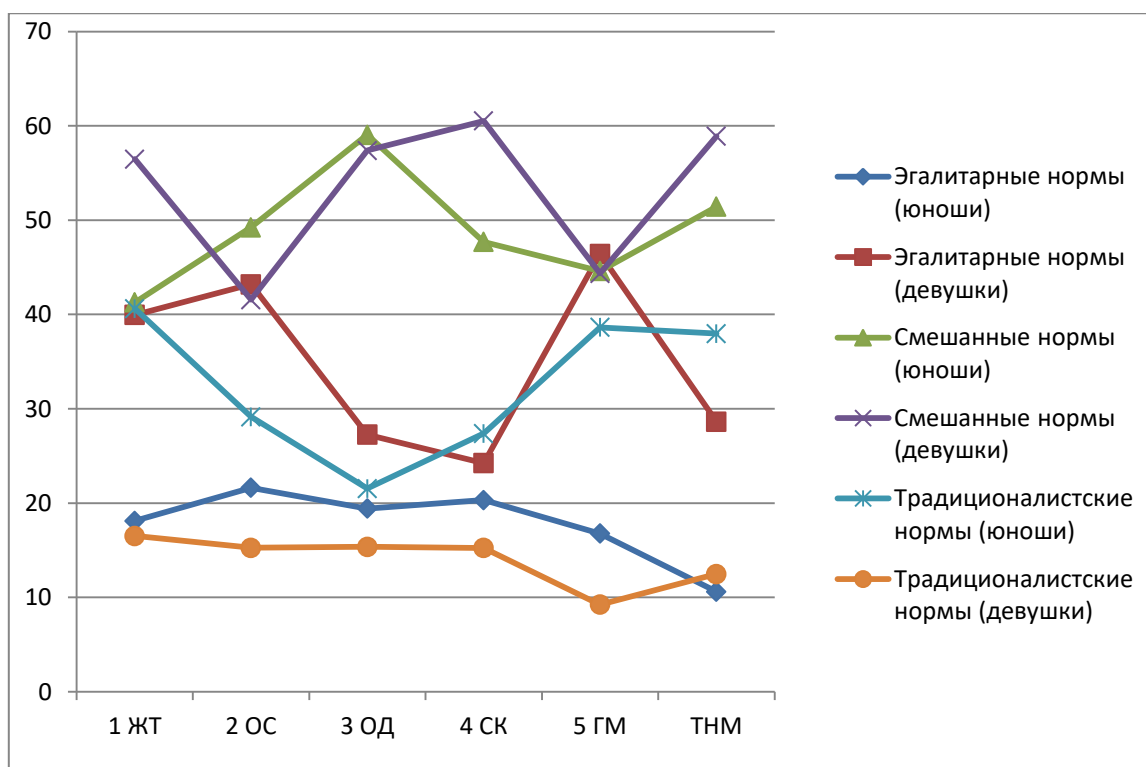

Рис. 1. Нормы мужского поведения (юноши и девушки)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

При сравнении взглядов на нормы мужского поведения юношей, проживающих в мегаполисах и провинциальных городах России, были получены данные, свидетельствующие о том, что большинство респондентов в нашей выборке выразили приверженность к смешанным нормам мужского поведения. Однако также были получены данные, демонстрирующие большую эгалитарность жителей мегаполисов. Особенно ярко различия проявляются при анализе данных по шкалам «Гомосоциальность и гомофобия» (эгалитарные нормы: 30,71% – мегаполис, 10,55% – провинция; традиционалистские нормы: 25,72% – мегаполис, 41,41% – провинция) и «Жесткость, твердость» (эгалитарные нормы: 28,57% – мегаполис, 13,42% – провинция; традиционалистские нормы: 23,57% – мегаполис, 48,31% – провинция). Жителям провинции более импонирует образ и стиль поведения брутального мужчины, в то время как жители мегаполиса проявляют большую эгалитарность в этом вопросе. Различия статистически достоверны по пяти шкалам опросника (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Графическое отражение данных представлено на рисунке 2 и в таблице 2 приложения 2.

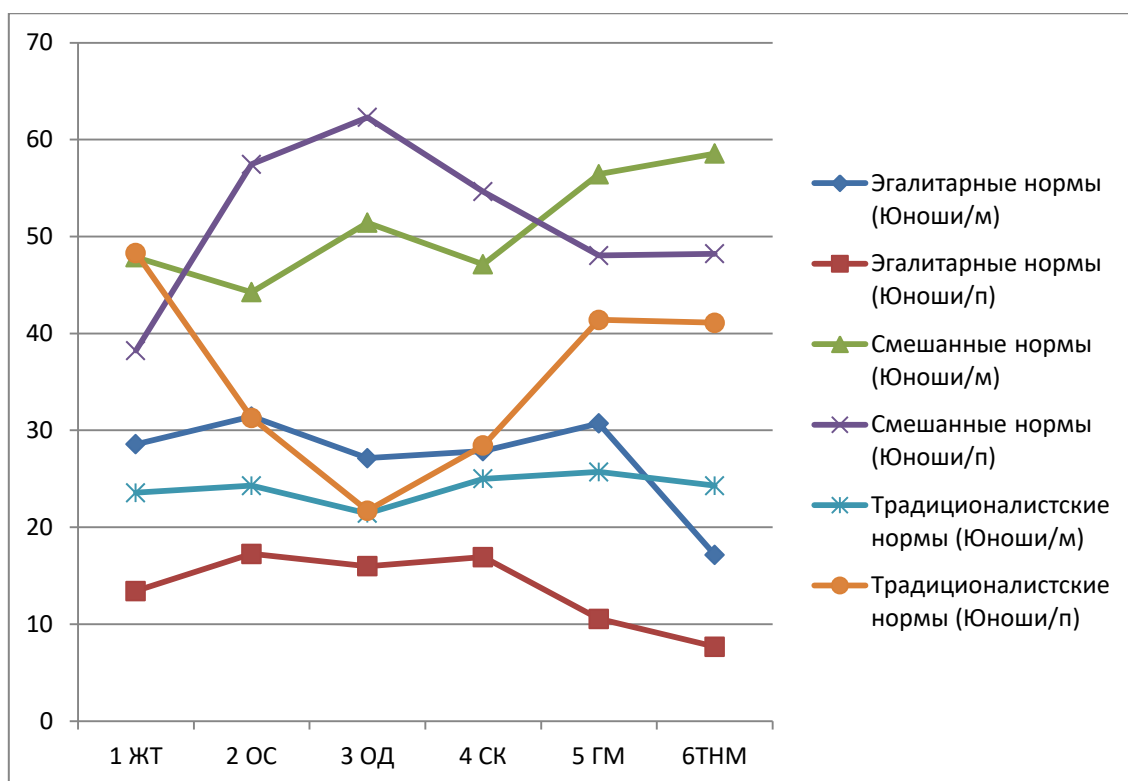

Рис. 2. Нормы мужского поведения (юноши мегаполис / провинция)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Взгляды на нормы мужского поведения, которые выражают девушки, проживающие в мегаполисах и провинции, отражены в таблице 3 приложения 2 и рисунке 3.

Можно видеть, что в целом прослеживается та же тенденция, что и в группе юношей: преобладание смешанных норм у большинства респондентов и различия по шкалам «Гомосоциальность и гомофобия» (эгалитарные нормы: 61,02% – мегаполис, 40,95% – провинция), «Жесткость, твердость» (эгалитарные нормы: 55,94% – мегаполис, 40,95% – провинция) с преобладанием эгалитарных взглядов у жительниц мегаполисов. Следует отметить, что независимо от места проживания лишь небольшое число девушек придерживается строго традиционных взглядов на нормы мужского поведения. Различия статистически достоверны по пяти шкалам опросника (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Графическое отражение данных представлено ниже в виде рисунка 3.

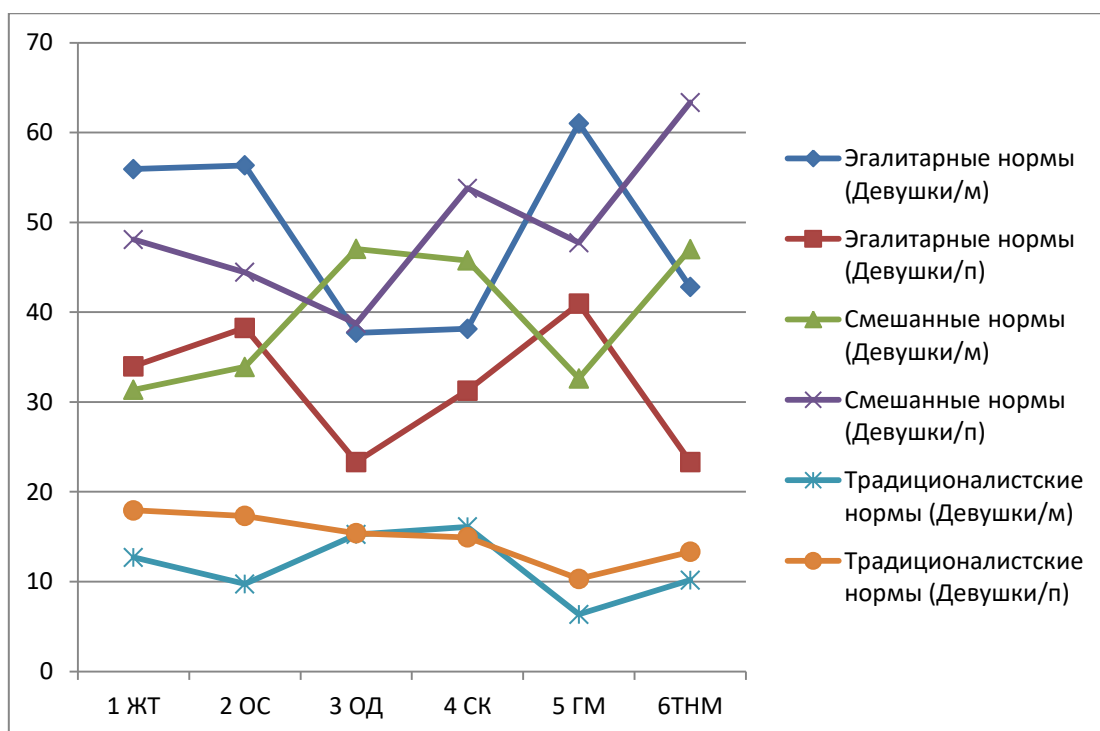

Рис. 3. Нормы мужского поведения (девушки мегаполис / провинция, %)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Анализ взглядов юношей различного возраста на нормы мужского поведения представлен в таблице 4 приложения и рисунке 4.

Мы сравнивали мнения школьников в возрасте 15–17 лет и студентов в возрасте 18–25 лет. Выяснилось, что в обеих возрастных группах преобладает ориентация на смешанные нормы и по большинству шкал различия между ними несущественны. Можно отметить лишь различия в эгалитарных взглядах студентов и школьников по шкале «Гомосоциальность и гомофобия» при меньшей эгалитарности последних (студенты – 14,29%; школьники – 4,21%). По шкале «Жесткость, твердость» школьники так же чаще предпочитают традиционную модель мужского поведения по сравнению со студентами (33,8% – студенты; 52,41% – школьники). Различия статистически достоверны (при уровне значимости $U \leq 0,01$). Данная тенденция, на наш взгляд, может объясняться тем, что школьники находятся под большим влиянием семьи, где представители старшего поколения могут быть носителями традиционных взглядов, однако это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

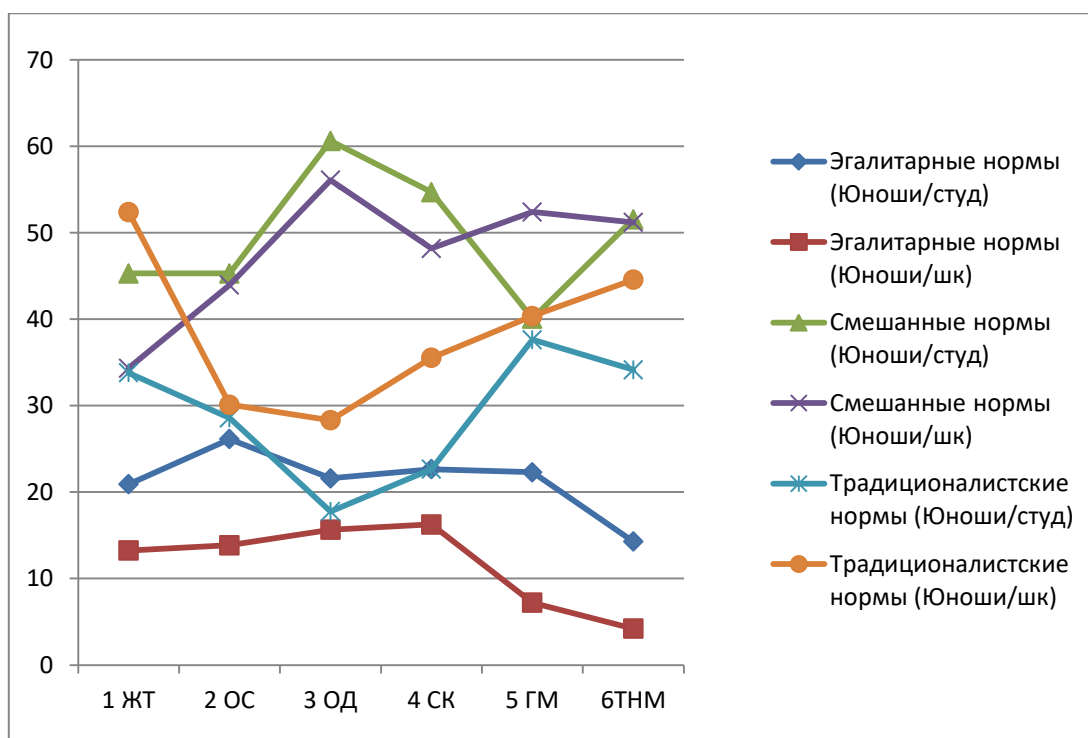

Рис. 4. Нормы мужского поведения (юноши студенты / школьники, %)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

На рисунке 5 и в таблице 5 приложения представлены взгляды студенток и школьниц на нормы мужского поведения. В основном преобладают смешанные нормы и по большинству шкал различия между ними несущественны, однако хочется отметить преобладание ориентированности девушек на эгалитарные нормы поведения мужчин по сравнению с традиционными по всем шкалам опросника. Наиболее выражена эта тенденция по шкалам «Опора на собственные силы», и «Гомосоциальность и гомофобия», при этом на эгалитарные нормы ориентируются как студентки (48,7% – эгалитарные нормы; 8,17% – традиционалистические нормы), так и школьницы (соответственно 37,56% и 13,26%). Различия статистически достоверны (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

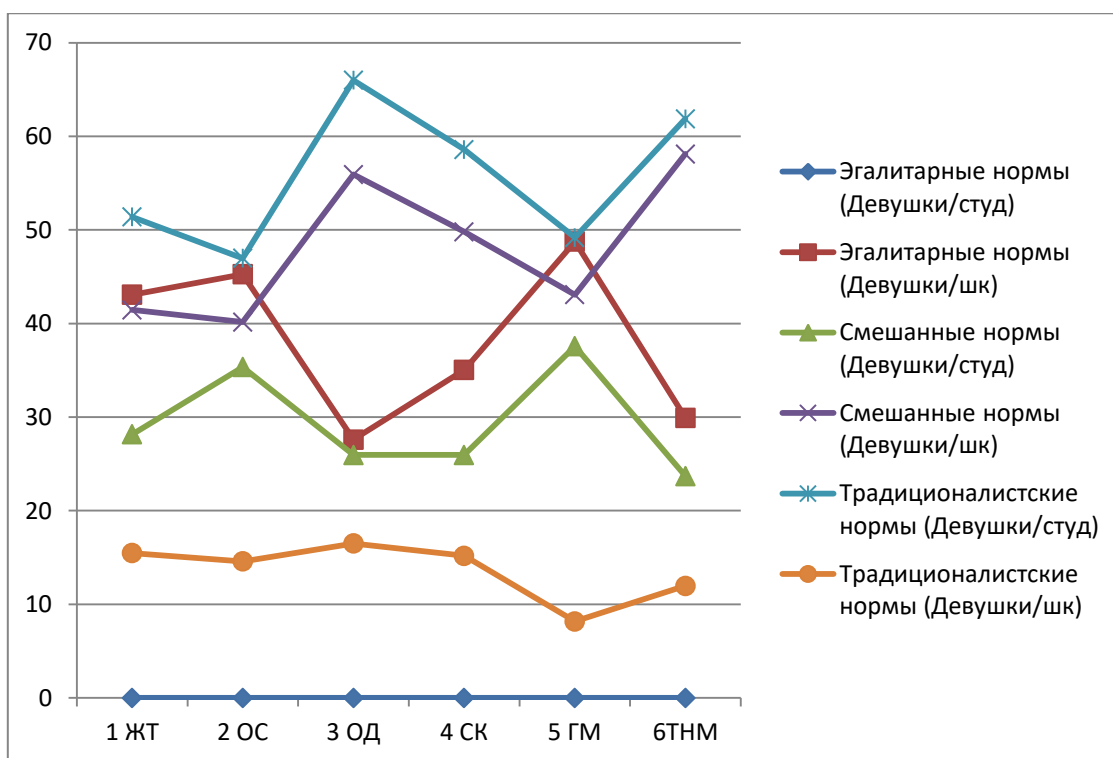

Рис. 5. Нормы мужского поведения (девушки студентки / школьницы, %)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Следующей задачей нашего исследования было выявление особенностей норм мужского поведения у респондентов различного возраста: учащиеся высшей и средней общеобразовательной школы. Полученные результаты представлены на рисунке 6 и в таблице 6.

Основная характеристика, выявленная в данной части исследования, это преобладание смешанных норм мужского поведения в обеих группах испытуемых. Студенты демонстрируют большую эгалитарность, чем школьницы по всем шкалам опросника. Различия статистически достоверны по всем шкалам (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

При сравнении по полу учащихся средней школы можно наблюдать преобладание смешанных норм мужского поведения в обеих группах. При этом представители мужского пола демонстрируют приверженность к традиционалистическим нормам по всем шкалам опросника. Различия статистически достоверны по всем шкалам опросника (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

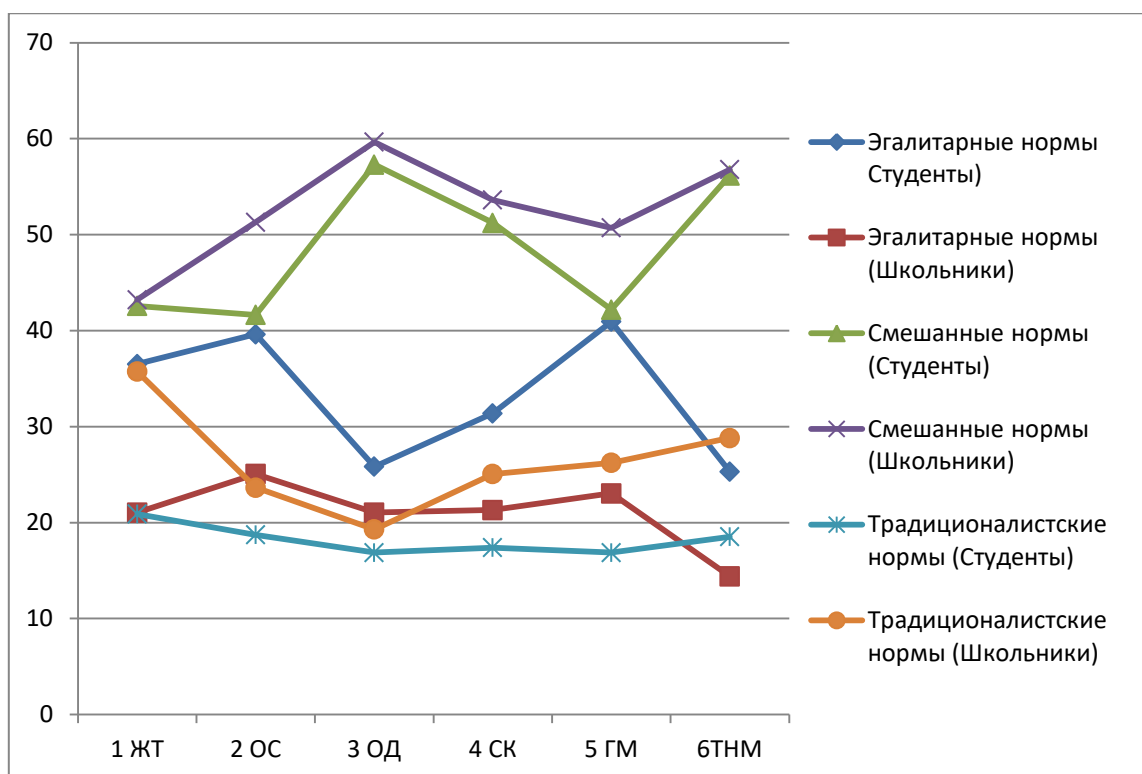

Рис. 6. Нормы мужского поведения (студенты / школьники, %)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Сравнивая полученные результаты по нормам мужского поведения у студентов в зависимости от пола, можно видеть тенденцию преобладания смешанных норм у юношей и смешанных и эгалитарных норм у девушек. В целом студентки в значительно большей степени эгалитарны по сравнению с юношами. Различия статистически достоверны по всем шкалам опросника (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

Проводилось исследование норм мужского поведения в зависимости от места проживания респондентов: мегаполис и провинция. Полученные результаты представлены на рисунке 9 и в таблице 9.

Анализ полученных результатов позволил выявить выраженную тенденцию к преобладанию эгалитарных и смешанных норм у жителей мегаполисов по большинству шкал опросника. В ответах жителей мегаполиса наиболее заметны проявления эгалитарности по таким шкалам, как «Гомосоциальность и гомофобия» (49,73%), «Опора на собственные силы» (47,07%), «Жесткость, твердость» (45,74%). Среди жителей провинции заметно преобладание смешанных норм мужского поведения.

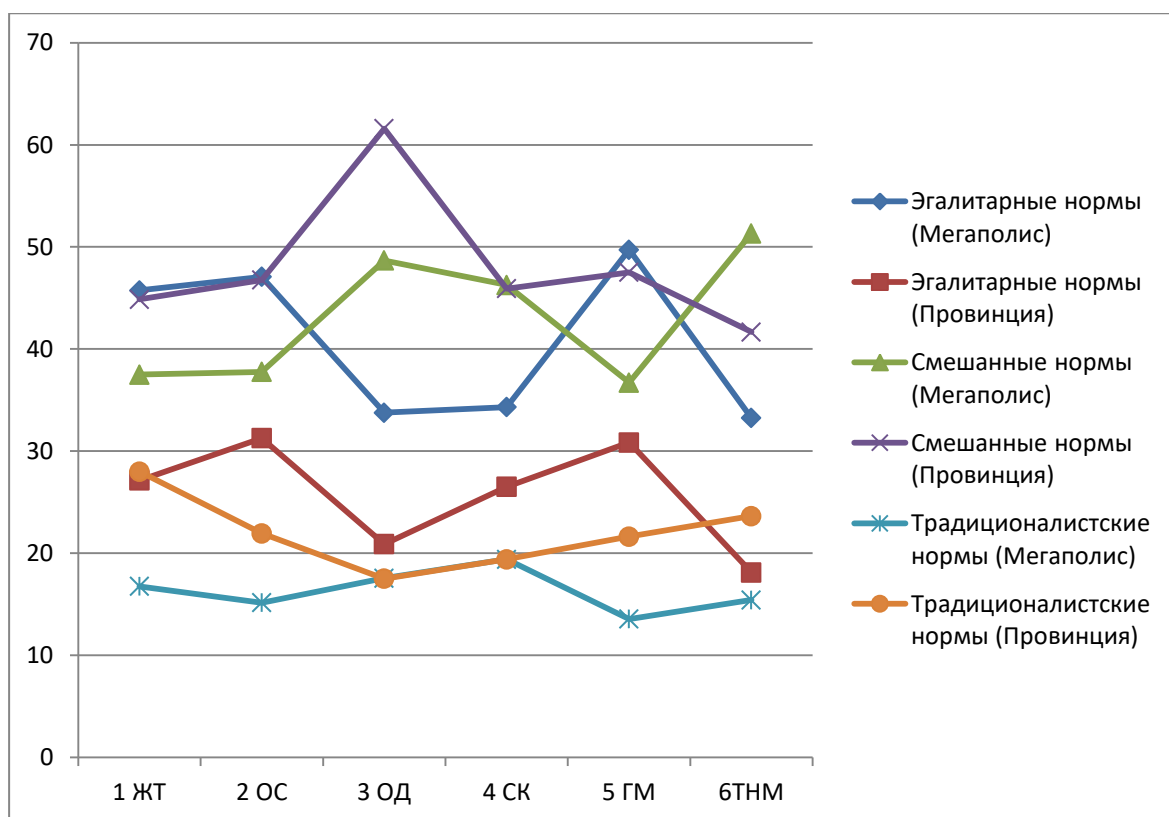

Рис. 7. Нормы мужского поведения (мегаполис и провинция, %)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Сравнение взглядов юношей и девушек на нормы мужского поведения среди жителей мегаполисов свидетельствует о преобладании эгалитарных представлений у женской части выборки. Для юношей мегаполиса характерен смешанный тип представлений о нормах мужского поведения.

Среди жителей провинции независимо от пола преобладает смешанный тип представлений о нормах мужского поведения. Юноши склонны к проявлению традиционалистских взглядов по шкале «Жесткость, твердость», девушки более эгалитарны. Различия статистически достоверны по всем шкалам опросника (при уровне значимости $U \leq 0,01$).

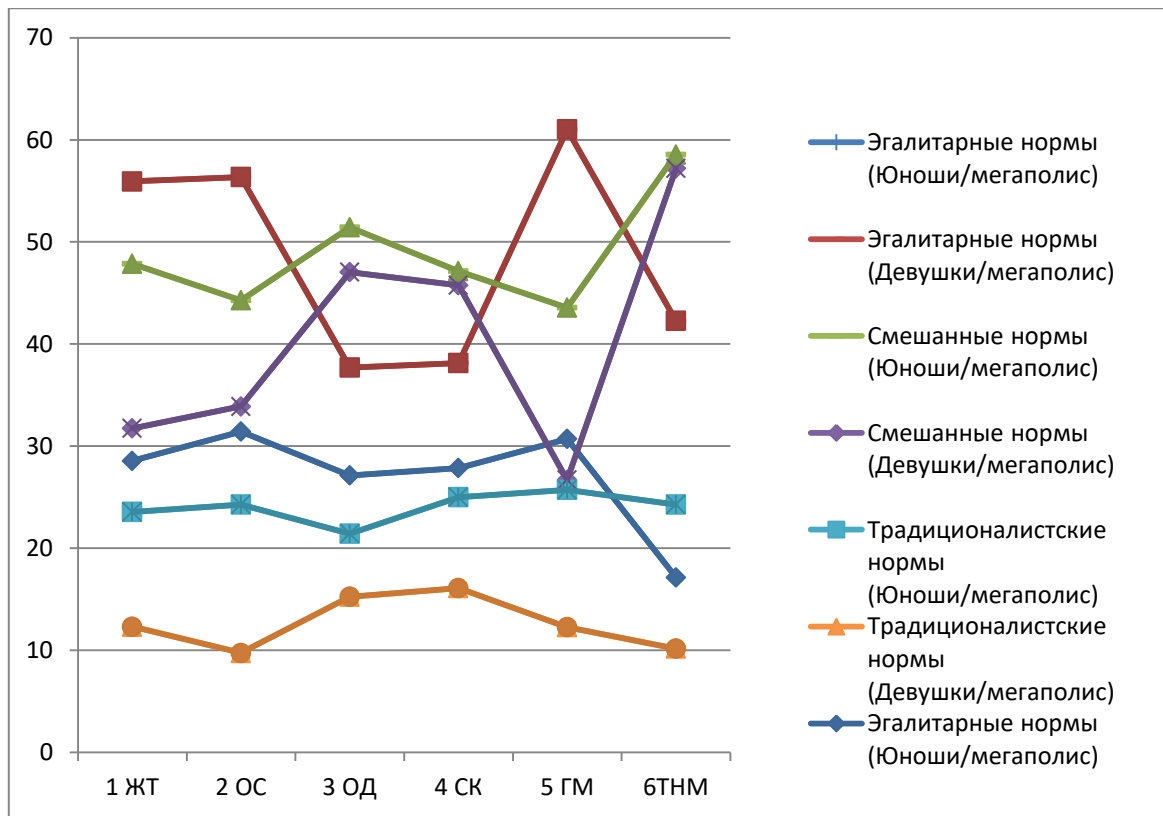

Рис. 8. Нормы мужского поведения (мегаполис / юноши и девушки)

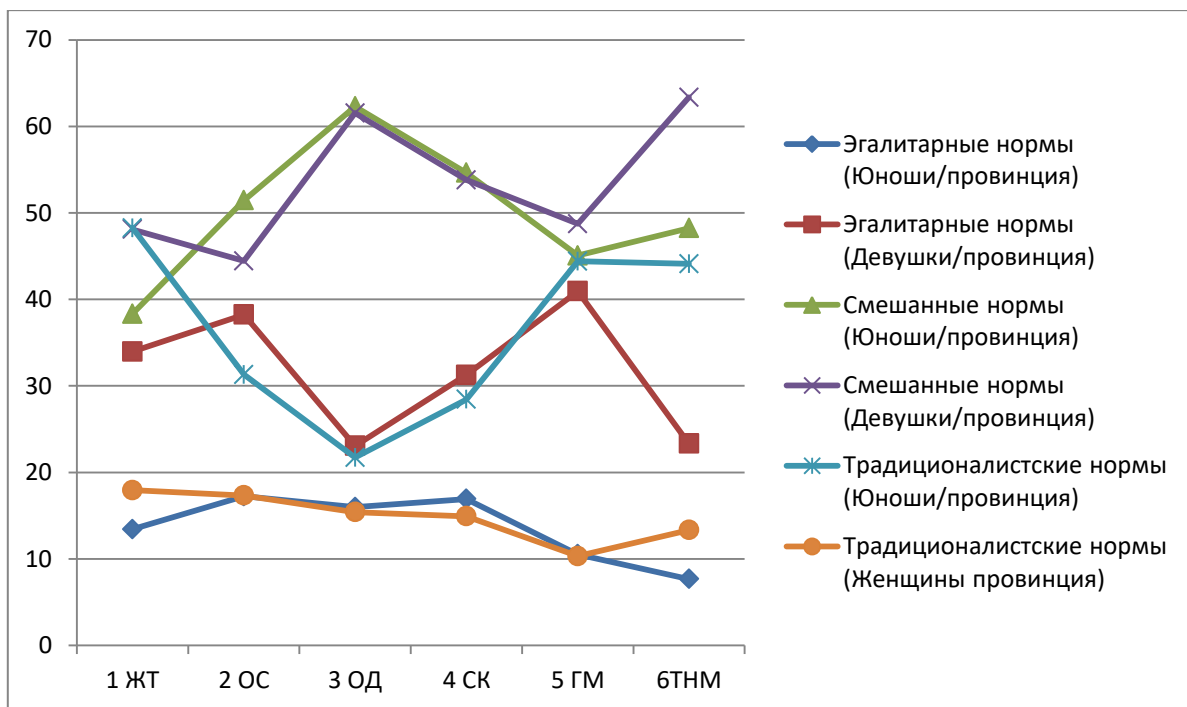

Рис. 9. Нормы мужского поведения (провинция / юноши и девушки)

Примечание. 1 ЖТ – Жесткость, твердость; 2 ОС – Опора на собственные силы; 3 ОД – Ориентация на достижения; 4 СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; 6 ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения.

Итоговые результаты по выборка девушек и юношей в зависимости от места проживания представлены на рисунке 10.

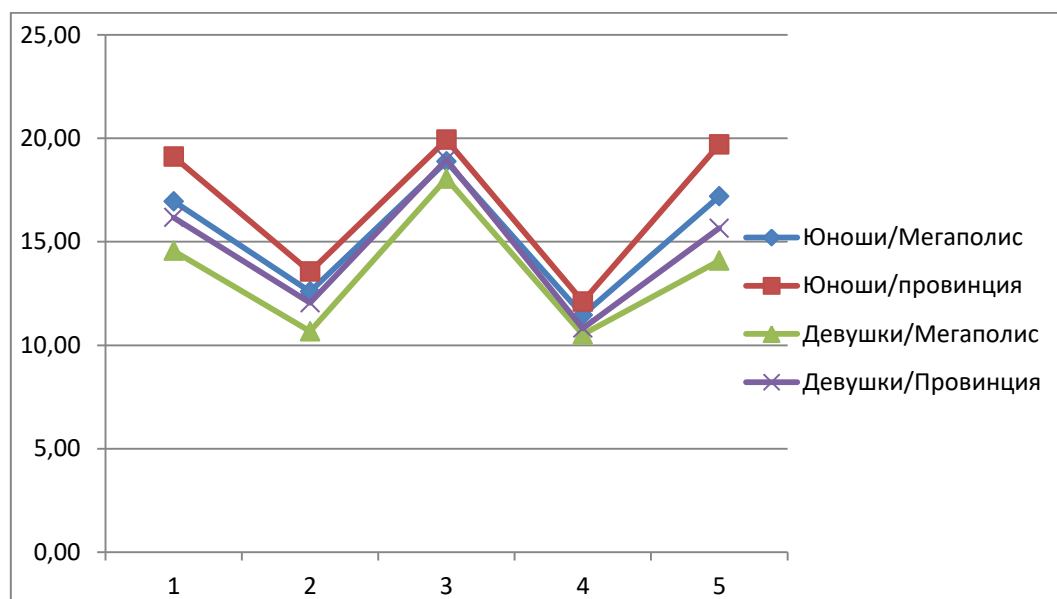

Рис. 10. Средние баллы юношей и девушек по шкалам методики «Нормы мужского поведения».

Примечания: 1 – Жесткость, твердость; 2 – Опора на собственные силы; 3 – Ориентация на достижения; 4 – Принятие обезличенных сексуальных отношений; 5 – Гомосоциальность и гомофобия.

Выводы:

1 Анализ зарубежных и российских исследований свидетельствует о наличии устойчивой тенденции изменения представлений о мужском поведении от традиционных норм к эгалитарным, с выделением особенностей респондентов по различным социальным характеристикам.

2. У российских юношей и девушек преобладает смешанный тип норм мужского поведения по всем шкалам опросника. Девушки более эгалитарны, юноши более традиционны в оценке норм мужского поведения, независимо от места проживания. Особенно ярко данная тенденция проявляется по следующим шкалам: «Жесткость, твердость» и «Опора на собственные силы».

3. Жители мегаполиса независимо от пола более эгалитарны в оценке норм мужского поведения, чем жители провинции по всем шкалам опросника. Среди жителей провинции большую эгалитарность проявляют девушки.

4. Анализируя полученные эмпирические данные, мы отмечаем сохранение традиционных требований юношей и девушек к современному мужчине как к инициативному человеку, нацеленному на успех в делах,

которые он решает, оставаясь собранным и спокойным, а в трудных ситуациях физически защищающий себя и близких.

5. Наибольшие изменения произошли во взглядах молодежи на свои сексуальные отношения, предполагается, что они должны строиться по обоюдному согласию партнеров независимо от пола. В представлении молодежи происходит стирание различий между типично женскими и мужскими обязанностями в семье. Эти обязанности стали общими как в быту (приготовление еды, уборка, уход за детьми и их воспитание), так и в материальном обеспечении семьи.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о переходе современной российской молодежи от традиционных норм мужского поведения в сторону смешанных норм во всех исследуемых группах. Различия в степени проявления данных трансформаций взаимосвязаны с полом и местом проживания юношей и девушек. Данное исследование подтверждает мировую тенденцию изменения традиционных мужских норм. Очевидно, что именно первичная социализация в разных культурных условиях (место проживания, тип культуры) определяет своеобразие приверженности к гендерным нормам.

Приложение 2

Таблица 1

Нормы мужского поведения (юноши и девушки, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Жесткость, твердость	18,11	39,96	41,28	56,47	40,61	16,51
Опора на собственные силы	21,63	43,19	49,23	41,56	29,14	15,25
Ориентация на достижения	19,42	27,26	59,05	57,38	21,53	15,36
Принятие обезличенных сексуальных отношений	20,31	24,24	47,69	60,52	27,38	15,24
Гомосоциальность и гомофобия	16,77	46,42	44,6	44,35	38,63	9,23
Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения	10,6	28,64	51,43	58,89	37,97	12,47

Таблица 2

Нормы мужского поведения (юноши, мегаполис / провинция, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	юноши / мегаполис	юноши / провинция	юноши / мегаполис	юноши / провинция	юноши / мегаполис	юноши / провинция
ЖТ	28,57	13,42	47,86	38,24	23,57	48,31
ОС	31,43	17,25	44,26	57,45	24,29	31,3
ОД	27,14	15,98	51,43	62,3	21,43	21,72
СК	27,86	16,93	47,14	54,64	25,0	28,43
ГМ	30,71	10,55	56,43	48,04	25,72	41,41
ТНМ	17,15	7,67	58,56	48,23	24,29	41,1

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

Таблица 3

Нормы мужского поведения (девушки, мегаполис / провинция, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы, девушки		Смешанные нормы, девушки		Традиционалистские нормы, девушки	
	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция
ЖТ	55,94	33,97	31,36	48,09	12,7	17,94
ОС	56,35	38,25	33,9	44,44	9,75	17,31
ОД	37,71	23,33	47,04	38,73	15,25	15,4
СК	38,14	31,27	45,76	53,8	16,1	14,93
ГМ	61,02	40,95	32,63	47,73	6,35	10,32
ТНМ	42,8	23,33	47,03	63,34	10,17	13,33

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

Таблица 4

Нормы мужского поведения (юноши, студенты / школьники)

Шкалы	Эгалитарные нормы, юноши		Смешанные нормы, юноши		Традиционалистские нормы, юноши	
	студенты	школьники	студенты	школьники	студенты	школьники
ЖТ	20,91	13,25	45,29	34,34	33,8	52,41
ОС	26,14	13,86	45,29	43,96	28,57	30,12
ОД	21,6	15,66	60,63	56,09	17,77	28,31
СК	22,65	16,27	54,7	48,19	22,65	35,54
ГМ	22,3	7,22	40,07	52,41	37,63	40,37
ТНМ	14,29	4,21	51,56	51,21	34,15	44,58

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

Таблица 5

Нормы мужского поведения (девушки, студентки / школьницы, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы, девушки		Смешанные нормы, девушки		Традиционалистские нормы, девушки	
	студентки	школьницы	студентки	школьницы	студентки	школьницы
ЖТ	43,07	28,17	41,45	51,39	15,48	20,44
ОС	45,26	35,35	40,15	46,97	14,59	17,68
ОД	27,59	25,96	55,91	65,99	16,50	11,05
СК	35,03	25,96	49,79	58,58	15,18	15,46
ГМ	48,76	37,56	43,07	49,18	8,17	13,26
ТНМ	29,92	23,7	58,11	61,87	11,97	14,37

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

Таблица 6

Нормы мужского поведения (студенты / школьники, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	студенты	школьники	студенты	школьники	студенты	школьники
ЖТ	36,53	21,04	42,58	43,23	20,89	35,73
ОС	39,62	25,07	41,65	51,29	18,73	23,64
ОД	25,83	21,04	57,3	59,66	16,88	19,3
СК	31,38	21,32	51,23	53,61	17,39	25,07
ГМ	40,94	23,05	42,19	50,72	16,87	26,23
ТНМ	25,31	14,41	56,17	56,78	18,52	28,81

Таблица 7

Нормы мужского поведения (школьники / юноши и девушки, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	шк. / юноши	шк. / девушки	шк. / юноши	шк. / девушки	шк. / юноши	шк. / девушки
ЖТ	13,23	28,17	34,34	51,39	52,41	20,44
ОС	13,86	35,35	56,02	46,97	30,12	17,68
ОД	15,75	25,96	55,94	62,99	28,31	11,05
СК	16,27	25,96	48,19	58,58	35,54	15,46
ГМ	7,22	37,56	52,41	48,07	40,37	14,37
ТНМ	4,3	23,76	51,12	61,87	44,58	14,37

Таблица 8

Нормы мужского поведения (студенты / юноши и девушки, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	студ. / юноши	студ. / девушки	студ. / юноши	студ. / девушки	студ. / юноши	студ. / девушки
ЖТ	20,91	43,07	45,29	41,45	33,8	15,48
ОС	26,14	45,26	45,29	40,15	28,57	14,49
ОД	21,6	27,59	60,63	55,92	17,77	16,49
СК	22,65	35,03	54,7	49,79	22,65	15,18
ГМ	22,3	48,76	40,07	43,07	37,63	8,17
ТНМ	14,29	29,92	51,56	58,11	34,15	11,97

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

Таблица 9

Нормы мужского поведения молодежи (молодежь мегаполиса и провинции, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	Мегаполис	Провинция	Мегаполис	Провинция	Мегаполис	Провинция
ЖТ	45,74	27,14	37,5	44,86	16,76	28,0
ОС	47,07	31,28	37,77	46,77	15,16	21,95
ОД	33,77	20,9	48,67	61,59	17,56	17,51
СК	34,31	26,51	46,28	45,92	19,41	19,41
ГМ	49,73	30,86	36,71	47,51	13,56	21,63
ТНМ	33,25	18,13	51,32	41,67	15,43	23,64

Таблица 10

Нормы мужского поведения (мегаполис / юноши и девушки, %)

Шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	юноши мегаполиса	девушки мегаполиса	юноши мегаполиса	девушки мегаполиса	юноши мегаполиса	девушки мегаполиса
ЖТ	28,57	55,93	47,86	31,75	23,57	12,32
ОС	31,43	56,35	44,28	33,9	24,29	9,75
ОД	27,14	37,71	51,43	47,04	21,43	15,25
СК	27,86	38,14	47,14	45,76	25,0	16,1
ГМ	30,71	61,02	43,57	26,7	25,72	12,28
ТНМ	17,15	42,28	58,56	57,2	24,29	10,17

Таблица 11

Нормы мужского поведения (провинция / юноши и девушки, %)

шкалы	Эгалитарные нормы		Смешанные нормы		Традиционалистские нормы	
	юноши, провинция	девушки, провинция	юноши, провинция	девушки, провинция	юноши, провинция	девушки, провинция
ЖТ	13,42	33,97	38,33	48,09	48,25	17,94
ОС	17,25	38,25	51,45	44,44	31,3	17,34
ОД	15,98	23,06	62,3	61,54	21,72	15,4
СК	16,93	31,27	54,64	53,8	28,43	14,93
ГМ	10,53	40,95	45,06	48,73	44,41	10,32
ТНМ	7,67	23,33	48,23	63,34	44,1	13,33

Примечание. ЖТ – Жесткость, твердость; ОС – Опора на собственные силы; ОД – Ориентация на достижения; СК – Принятие обезличенных сексуальных отношений; ГМ – Гомосоциальность и гомофобия; ТНМ – Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения

2.4 Гендерные нормы и диспозиции в сфере сексуальных отношений

Гендерные нормы, представляющие собой правила поведения, социокультурные предписания относительно того, какими должны быть «настоящий мужчина» и «настоящая женщина», играют важную роль в поддержании гендерной системы общества и конструировании гендерного сознания. Новые условия социальной жизни приносят изменения в социокультурные модели маскулинности и фемининности, определяющие нормативные образцы поведения мужчин и женщин. В соответствии с традиционными моделями, мужские и женские области компетентности и функции были четко разделены. Сегодня мужчины и женщины во всех сферах жизнедеятельности совместно решают задачи, разделяют обязанности и заменяют друг друга, исполняя разнообразные социальные роли.

Современная гендерная ситуация отличается параллельным существованием двух типов норм мужского и женского поведения: традиционных (более типичных для прошлого столетия) и модернизированных моделей маскулинности и фемининности. Сочетание у личности традиционалистских и модернизированных (эгалитарных) установок, сформированных под влиянием разнонаправленных норм мужского и женского поведения, может сопровождаться переживанием внутриличностного или межличностного конфликта в случае совмещения нескольких ролей или рассогласованности ожиданий и притязаний в отношении ролевого поведения¹. Юношам и девушкам на собственном опыте приходится определять какие гендерные стандарты, ориентиры, модели наиболее адаптивны для них, выбирая из проверенных временем – традиционных и соответствующих современным реалиям – модернизированных.

Результаты гендерно-ориентированных научных исследований демонстрируют, что гендерная деполаризация проявляется не только в брачно-семейной и производственной сферах отношений, но и в сфере сексуальных отношений. Многие ученые разделяют мнение, что в западных обществах традиционные нормы и ценности сексуальной культуры находятся в состоянии переходного периода, сценарии ухаживания и сексуального взаимодействия подвергаются «перезагрузке»².

¹ Клещина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Проспект, 2017. 144 с.

² Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. 2013; Schwartz P., Rutter V., The Gender of Sexuality. Rowman & New York: Littlefield Publishers, 1998; Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. (Антология) / под науч. ред. С.И. Голода. СПб. : Филиал Института социологии РАН. СПб., 1997. С. 14–19; Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 2005; Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и

Традиционные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений предписывают мужчине быть инициатором сексуального взаимодействия, использовать любые возможности для сексуального сближения. В соответствии с этими нормами ожидается, что мужчина должен проявлять повышенную сексуальную заинтересованность, активность, позицию эксперта, избегать эмоциональной привязанности, а женщина – использовать сексуальную привлекательность для закрепления эмоциональной связи, демонстрируя сдержанность в выражении сексуальной заинтересованности и позицию ученицы.

Характерной особенностью традиционных гендерных норм в сфере сексуальных отношений является «двойной стандарт», т.е. различие норм сексуального поведения для мужчин и женщин. Например, двойной стандарт определяет, что такие формы сексуальной активности, как сексуальное экспериментирование, более ранний сексуальный дебют, измена, групповой секс, секс со случайными партнерами считаются более допустимыми для мужчин, чем для женщин¹.

И.С. Кон подчеркивал, что изменения, которые привели к ослаблению гендерных стереотипов и сближению статусно-ролевых позиций мужчин и женщин, в большей степени касаются женского самосознания и поведения. Отмечается уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы и отношении к эротике². Девушки перестали бояться остаться «старой девой». Женщины стали более самостоятельными, предприимчивыми и самодостаточными. Сексуальная эмансипация женщин выражается в ориентации на эгалитарные модели взаимодействия с мужчинами, но в сексуальном взаимодействии равенство может настораживать мужчин³.

Изменившиеся установки женщин относительно сексуального поведения становятся все более непредсказуемыми для мужчин.

потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе ; пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017. С. 122; Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. №1. 2011. С. 51-65.

¹ Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009; Kreager D. et al. The Double Standard at Sexual Debut: Gender, Sexual Behavior and Adolescent Peer Acceptance. Sex Roles. 2016 October ; 75(7): 377–392.

² Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009.

³ Иоффе Е.В. Представления о современных мужчинах и женщинах у студенческой молодежи // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал. 2018. № 12 (декабрь). ART 2676; Иоффе Е.В. Гендерные нормы в сексуальных отношениях мужчин и женщин // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (12-14 апреля, Санкт-Петербург) / под общей редакцией Е.Ю. Коржовой, А.В. Микляевой. В 2 ч. Часть 2. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.

М. Зальцман с коллегами. обнаружили, что мужчины часто не понимают, чего хотят женщины и возмущены тем, что женщины невероятно усложняют правила игры, посылая противоречивые сообщения о том, каким должен быть мужчина и что он должен делать. «Они говорят, что хотят, чтобы мужчина был более восприимчивым и чувствительным, но очень быстро устают от мужчины, находящегося «в контакте со своими чувствами». Они хотят, чтобы к ним относились как к равным, но при этом требуют, чтобы мужчины относились к ним как к леди. Мы становимся более чувствительны в постели, а у женщин все чаще возникают сексуальные фантазии об изнасиловании (может быть, они хотят почувствовать себя беспомощными?). Мужчины не понимают, как вести себя с возможной партнершей. Это все равно что идти по минному полю – никогда не знаешь, какой твой шаг окажется фатальным»¹.

Обновляющиеся правила сексуального поведения не оформлены, не так устойчивы и не всеми разделяются. Это определяет актуальность исследований, посвященных изучению распространенности в представлениях и поведении современной молодежи ориентации на традиционные и эгалитарные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений.

Теоретико-методологическая основа и методики исследования

В качестве методологической базы исследования применялся гендерный подход, основанный на идее равноправия людей независимо от их половой принадлежности. Ориентация на идеи гендерного подхода позволила выйти за рамки распространенных интерпретаций результатов исследований взаимоотношений между полами, базирующихся на убежденности в том, что социальные роли и статусы мужчин и женщин, тем более сексуальное поведение, биологически детерминированы, неизменны, а потому принципиально различаются и противопоставляются. Разработка программы исследования осуществлялась с опорой на социально-психологическую *концепцию гендерных норм*² и *концепцию традиционного сексуального сценария*³, который характеризуется двойным стандартом¹ в оценке сексуального поведения мужчин и женщин.

¹ Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин / пер. с англ. А. Стативки. М. : ИД «Коммерсантъ»; СПб. : ИД «Питер», 2007. С.284.

² Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Проспект, 2017. 144 с.

³ Brooks G.R. The Centerfold Syndrome: How Men Can Overcome Objectification and Achieve Intimacy with Women. San Francisco, CA: Jossey Bass Publishers, 1995; Byers E.S. How well does the traditional sexual script explain sexual coercion? Review of a program of research // Journal of Psychology and Human Sexuality. 1996. 8. P 7–25.; O'Sullivan L.F., Byers E. S. College students' incorporation of initiator and restrictor roles in sexual dating situations // The Journal of Sex Research. 1992. 29. P. 435–446; De Meyer S. et al. "Boys

С целью изучения представлений о гендерных нормах и диспозиций студенческой молодежи в сфере сексуальных отношений были использованы анкетный метод и метод *фокус-группы*.

Качественные методы в сочетании с традиционными количественными методами, помогают выявить скрытые контексты при рассмотрении сложных субъективных и быстро изменяющихся систем, таких как образ мира и, в частности, гендерная картина мира². Метод фокус-группы – качественный метод социально-психологических исследований. Он представляет собой групповое фокусированное (полустандартизированное) интервью, проходящее в формате модерлируемой дискуссии, в ходе которой раскрывается субъективное отношение людей к тому или иному предмету или явлению социальной жизни. Этот метод позволяет собрать как «субъективную информацию» об изучаемом феномене, так и сведения о мнениях, бытующих в окружении респондентов. Запись высказываний участников групповой дискуссии транскрибируется и анализируется с помощью метода контент-анализа.

В групповых интервью на тему «Гендерные роли и качества мужчин и женщин» в общей сложности приняло участие 36 человек (19 девушек, 17 юношей, средний возраст 21 год), обучающихся в РГПУ им. А.И. Герцена. Студенты обсуждали следующие вопросы:

- Как вы считаете, чем отличаются современные молодые мужчины и женщины от своих сверстников прошлого века? Какими качествами они обладают и как себя ведут?
- На ваш взгляд, что больше всего изменилось в поведении и характеристиках мужчин за это время?
- По вашему мнению, что больше всего изменилось в поведении и характеристиках женщин за это время?
- Что, на ваш взгляд, больше всего изменилось во взаимоотношениях между современными мужчиной и женщиной?
- Как, по-вашему, изменились нормы сексуального поведения современной молодежи?
- Как вы считаете, что больше всего влияет на сексуальность современных молодых людей?

Использование метода фокус-группы позволило проанализировать отношение студенческой молодежи к изменяющимся гендерным нормам,

Should Have the Courage to Ask a Girl Out”: Gender Norms in Early Adolescent Romantic Relationships / Journal of Adolescent Health 61 (2017) S42-S47.

¹ Kreager et al. The Double Standard at Sexual Debut: Gender, Sexual Behavior and Adolescent Peer Acceptance. Sex Roles. 2016 October ; 75(7): 377–392; Moreau C. et al. Measuring gender norms about relationships in early adolescence: Results from the global early adolescent study . SSM – Population Health 7 (2019) 100314.

² Тихомандрицкая О.А., Мельникова О.Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 187–196.

ожиданиям и притязаниям мужчин и женщин по отношению друг к другу в различных социальных ситуациях.

Анкета «Гендерные нормы в сфере сексуальных отношений» Е. В. Иоффе¹ была разработана для выявления степени приверженности респондентов традиционному сексуальному сценарию и соотношения у них консервативных и либеральных диспозиций в сфере сексуальных отношений. Методика включает следующие шкалы: 1) «Приверженность традиционному сексуальному сценарию», 2) «Двойной стандарт в оценке мужского сексуального поведения», 3) «Двойной стандарт в оценке женского поведения», 4) «Консервативные диспозиции», 5) «Либеральные диспозиции».

Респондент оценивает степень своего согласия с суждениями анкеты от 0 баллов за ответ «совсем не согласен(на)» до 4 баллов за ответ «полностью согласен(на)». В первом блоке анкеты представлены суждения о традиционных предписаниях относительно мужского и женского поведения в сфере сексуального взаимодействия. Суждения второго блока отражают консервативные и либеральные взгляды на социально значимые ситуации, относящиеся к сфере сексуальных отношений.

В суждениях, характеризующих традиционные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений, отражена идея четкого распределения мужской и женской ролей в проявлении активной позиции и инициативности, опыта и компетентности, эмоциональной вовлеченности в отношения, сексуальной объективации партнера. Суммарный балл указывает на степень приверженности традиционному сексуальному сценарию. Низкие значения – указывают на приверженность эгалитарному сексуальному сценарию. Высокие баллы по каждой шкале и большая разница в баллах при оценке сексуального поведения мужчин и женщин в схожих контекстах указывают на выраженность у респондента диспозиции двойного стандарта.

В соответствии с положениями принятой в отечественной психологии диспозиционной концепции В.А. Ядова, под диспозицией понимается предрасположенность личности к восприятию социальной ситуации и условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях. Оценивая социальные ситуации, человек подключает свои знания, отношение и опыт, таким образом опираясь на свою систему диспозиций. Консервативные диспозиции связаны с давно принятыми в обществе традициями, моральными устоями и нормами сексуального взаимодействия, либеральные – фокусируют внимание на сексуальных правах и свободах человека.

В данной методике консервативные и либеральные диспозиции представлены шестью парами альтернативных суждений, касающихся

¹ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Л.В. Штылева ; под науч. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

проблемных для современной отечественной сексуальной культуры тем: сексуальное образование; отношение к аборту; сексуальное насилие и домогательства в отношении женщин; проблема измены; социальный контроль сексуальных предпочтений; гетеронормативность.

Использование данной методики позволило получить ответы на следующие исследовательские вопросы: 1) Каким гендерным нормам сексуального взаимодействия больше привержена студенческая молодежь – традиционным или эгалитарным? 2) Как соотносится выраженность диспозиции двойного стандарта при оценке мужского и женского поведения в сходных контекстах, характеризующих сексуальные отношения? 3) Какие диспозиции в оценке социально значимых ситуаций, относящихся к сфере сексуальных отношений, преобладают у студентов – консервативные или либеральные?

В опросе приняли участие студенты в основном гуманитарных вузов ряда российских городов, первичная социализация которых проходила в разных условиях: в больших городах и в провинции. С помощью данной анкеты было опрошено 429 человек (109 мужчин и 320 женщин) в возрасте от 18 до 21 года, из них 264 выросли в больших городах и 165 – в средних, маленьких городах и деревнях. Описательная статистика и анализ данных осуществлялись с помощью статистического пакета SPSS 22.0.

Результаты исследования

Полученные результаты показали, что студенты разного пола различаются уровнем приверженности консервативным диспозициям и по-разному оценивают поведение мужчин и женщин в ряде сходных ситуаций, относящихся к сфере сексуальных отношений (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные по группам «мужчины» и «женщины»

Тип диспозиций	Мужчины (n=109)		Женщины (n=320)		Значение критерия U Манна-Уитни
	М – среднее	SD – стандартное отклонение	М – среднее	SD – стандартное отклонение	
Приверженность традиционному сексуальному сценарию	48,8	12,404	43,3	16,052	,001
Двойной стандарт в оценке мужского поведения	26,4	6,621	23,2	7,338	,000
Двойной стандарт в оценке женского поведения	22,4	7,666	20,1	9,795	,018
Консервативные диспозиции	11,7	4,117	9,3	4,388	,000
Либеральные диспозиции	17,1	4,504	17,7	4,705	–

Приведенные в таблице 1 данные демонстрируют, что среди студентов мужского пола значимо чаще студенток встречаются те, кто привержен традиционному сексуальному сценарию, который предписывает мужчине роль активного инициатора сексуального взаимодействия, а женщине – роль сдерживающей момент сексуальной близости до установления эмоциональной связи с партнером. Диспозиция двойного стандарта значимо более выражена у студентов по сравнению со студентками, особенно по отношению к мужскому сексуальному поведению.

Молодые люди придерживаются сходных позиций в отношении либеральных взглядов на ряд ситуаций сексуального взаимодействия, но юноши значимо отличаются от девушек приверженностью диспозициям консервативного типа.

Приведенные в таблице 2 данные показывают, что у студентов мужского пола место первичной социализации не оказывает влияния на приверженность консервативным и либеральным диспозициям – значимых различий между двумя частями мужской выборки не обнаружено. Девушки, первичная социализация которых проходила в больших городах и мегаполисах, обладают статистически значимо более выраженными либеральными и значимо менее выраженными консервативными диспозициями по сравнению с девушками из провинции.

Таблица 2

Статистические данные по группам «Первичная социализация в большом городе» и «Первичная социализация в провинции»

Тип диспозиций	Мужчины (n=109)		Женщины (n=320)		Значение критерия U Манна-Уитни
	Социализация в большом городе (n=71)	Социализация в провинции (n=38)	Социализация в большом городе (n=193)	Социализация в провинции (n=127)	
Приверженность традиционному сексуальному сценарию	47,4	51,3	42,6	44,5	–
Двойной стандарт в оценке мужского поведения	25,8	27,6	23,2	23,2	–
Двойной стандарт в оценке женского поведения	21,7	23,7	19,4	21,3	–
Консервативные диспозиции	11,3	12,4	8,5	10,4	,000
Либеральные диспозиции	17,6	16,1	18,2	16,9	,030

Рассмотрим более подробно, как распределяются ответы респондентов разного пола при оценке суждений, отражающих проблемные темы современной сексуальной культуры.

Таблица 3

Распределение ответов с оценкой суждений, отражающих диспозиции в отношении сексуального образования

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		Не согласен (а)	Отчасти и согласен(а), отчасти – нет	Согласен(а)
Консервативный	Чем дольше дети будут в неведении о вопросах пола и половой жизни, тем меньше будет проблем у них и их родителей	Мужчины		
		67%	21%	12%
		Женщины		
		79%	14%	16%
Либеральный	Система образования должна обеспечивать несовершеннолетних и взрослых точными и правдивыми сведениями о сексе	Мужчины		
		9%	18%	73%
		Женщины		
		3%	14%	84%

Примечание: здесь и далее в таблице ответы «абсолютно не согласен(а)» и «скорее не согласен(а)» объединены в «не согласен(а)»; ответы «скорее согласен(а)» и «полностью согласен(а)» объединены в графе «согласен(а)».

В таблице 3 представлены результаты распределения ответов студентов и студенток, отражающие их оценку важности и доступности сексуального образования. Приведенные данные показывают, что большинство мужчин и женщин в целом не согласны с консервативным мнением о пользе стратегии отсрочки информирования детей о вопросах пола и половой жизни. Они придерживаются согласованной позиции в отношении либеральных взглядов на роль системы образования, которая должна обеспечивать доступ к научно-обоснованной информации о сексе и сексуальных отношениях.

Приведенные в таблице 4 данные показывают, что респонденты обоих полов не поддерживают убеждение консервативного типа, в соответствии с которым сексуальные предпочтения людей должны контролироваться обществом.

Таблица 4

**Распределение ответов с оценкой суждений, отражающих
диспозиции в отношении социального контроля сексуальных предпочтений**

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		Не согласен(а)	Отчасти согласен(а), отчасти – нет	Согласен(а)
Консервативный	Сексуальное поведение является социальным, поэтому стиль жизни людей с особенными сексуальными предпочтениями не может быть только их личным делом меньше будет проблем у них и их родителей	Мужчины		
		52%	31%	17%
		Женщины		
		65%	22%	13%
Либеральный	Любое сексуальное поведение, не причиняющее никому вреда, допустимо между согласными на это совершеннолетними партнерами	Мужчины		
		4%	19%	77%
		Женщины		
		4%	11%	85%

И мужчины, и женщины по вопросу социального контроля сексуальных предпочтений придерживаются выраженной либеральной диспозиции: совершеннолетние партнеры сами могут решать, какие сексуальные практики им подходят.

Таблица 5

**Распределение ответов с оценкой суждений, отражающих
диспозиции в отношении гетеронормативности**

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		Не согласен(а)	Отчасти согласен(а), отчасти – нет	Согласен(а)
Консервативный	Я считаю, что сексуальные партнеры должны быть разного пола	Мужчины		
		27%	19%	54%
		Женщины		
		46%	17%	37%
Либеральный	Геи, лесбиянки и бисексуалы не должны подвергаться дискриминации из-за их сексуальной ориентации	Мужчины		
		17%	15%	68%
		Женщины		
		15%	12%	73%

В таблице 5 представлены данные, которые указывают на то, что студенты чаще студенток придерживаются диспозиции

гетеронормативности в оценке сексуальной ориентации партнеров. Среди мужчин полностью согласны 37% и отчасти согласны 17% с утверждением о том, что сексуальные партнеры должны быть разного пола, а среди женщин с ним абсолютно не согласны 38% и 8% – скорее не согласны. При этом студенты обоих полов единодушны в осуждении дискриминации геев, лесбиянок и бисексуалов из-за их сексуальной ориентации.

Таблица 6

**Распределение ответов с оценкой суждений,
отражающих диспозиции в отношении аборта**

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		Не согласен(а)	отчасти согласен(а), отчасти – нет	Согласен(а)
Консервативный	По-моему, женщина не должна делать аборт без разрешения мужчины	Мужчины		
		34%	29%	37%
		Женщины		
		57%	21%	22%
Либеральный	Я поддерживаю аборт как один из возможных выходов из ситуации нежелательной беременности	Мужчины		
		16%	19%	65%
		Женщины		
		27%	13%	60%

Примечание: 0 баллов за ответ «абсолютно не согласен(а)»; 1 балл за ответ «скорее не согласен(а)»; 2 балла за ответ «отчасти согласен(а), отчасти – нет»; 3 балла за ответ «скорее согласен(а)» и 4 балла за ответ «полностью согласен(а)»

Данные из таблицы 6 говорят о том, что четверть респондентов мужского пола полностью согласны и 12% скорее согласны с тем, что женщина должна получить согласие мужчины на то, чтобы сделать аборт, тогда как больше половины женщин не согласны с таким ограничением. Однако большая часть студентов обоих полов разделяет диспозицию либерального типа о праве женщины распоряжаться своим телом и здоровьем в ситуации нежелательной беременности.

Распределение ответов в таблице 7, отражающих отношение респондентов к резонансной в обществе теме сексуального насилия и домогательств в отношении женщин, демонстрирует отсутствие такой общности взглядов мужчин и женщин, которая была обнаружена по другим вопросам. Большая часть студенток – почти три четверти – отрицает вину женщины в ситуации изнасилования, а мужчин с такой диспозицией только 43%, 34% – в сомнениях, а в общей сложности 23% признают, что женщина сама могла повлиять на то, чтобы оказаться изнасилованной. Удивительно, но среди студенток такого же мнения придерживается 15% полностью согласных и скорее согласных.

**Распределение ответов с оценкой суждений, отражающих проблему
сексуального насилия и домогательств в отношении женщин**

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		не согласен(а)	отчасти согласен(а), отчасти – нет	согласен(а)
Консерва- тивный	Некоторые женщины сами виноваты в том, что их изнасиловали	Мужчины		
		43%	34%	23%
		Женщины		
		73%	12%	15%
Либеральный	Для многих женщин неуместные прикосновения, провоцирующие взгляды и сексуальные намеки коллег-мужчин становятся источником стресса	Мужчины		
		7%	32%	61%
		Женщины		
		9%	21%	70%

Примечание: 0 баллов за ответ «абсолютно не согласен(а)»; 1 балл за ответ «скорее не согласен(а)»; 2 балла за ответ «отчасти согласен(а), отчасти – нет»; 3 балла за ответ «скорее согласен(а)» и 4 балла за ответ «полностью согласен(а)»

По проблеме влияния сексуальных домогательств на психологический климат в рабочем коллективе студенческая молодежь придерживается либеральной диспозиции. В общей сложности 61% студентов и 70% студенток соглашались с тем, что неуместные знаки внимания как минимум являются источником дискомфорта для женщин. Однако 7% мужчин и еще больше – 9% женщин – не считают неуместные прикосновения, провоцирующие взгляды и сексуальные намеки коллег-мужчин проблемой для женщин.

Распределение ответов респондентов, представленных в таблице 8, демонстрирует согласованность позиций мужчин и женщин в оценке измены. В общей сложности три четверти респондентов мужского пола, и столько же женского пола считает изменой партнеру такие практики, как переписка эротического характера и обмен откровенными фотографиями с другим человеком. Примерно одинаково распределяются мужские и женские оценки по поводу «открытого брака». Больше четверти респондентов обоих полов полностью согласны с тем, что при договоренности партнеры могут иметь сексуальные отношения с другими.

**Распределение ответов с оценкой суждений,
отражающих диспозиции в отношении измены**

Тип диспозиции	Диспозиции	Распределение ответов		
		не согласен(а)	отчасти согласен(а), отчасти – нет	согласен(а)
Консервативный	«Виртуальный роман», заключающийся в переписке и обмене откровенными фотографиями, является изменой	Мужчины		
		13%	13%	74%
		Женщины		
		7%	18%	75%
Либеральный	Для любящих партнеров сексуальные отношения на стороне нормальны, если оба партнера с этим согласны	Мужчины		
		37%	18%	45%
		Женщины		
		39%	14%	47%

Примечание: 0 баллов за ответ «абсолютно не согласен(а)»; 1 балл за ответ «скорее не согласен(а)»; 2 балла за ответ «отчасти согласен(а), отчасти – нет»; 3 балла за ответ «скорее согласен(а)» и 4 балла за ответ «полностью согласен(а)»

Итак, в отношении социально значимых проблем в сфере сексуальных отношений, которые не имеют в обществе однозначной оценки, многие представители студенческой молодежи придерживаются либеральных диспозиций. Большая часть студентов обоих полов считает, что должны соблюдаться сексуальные права людей: на сексуальное просвещение, на физическую неприкосновенность, на самостоятельное принятие решения о зачатии ребенка и деторождении, на выбор партнера и на реализацию своего сексуального потенциала.

Консервативных диспозиций придерживаются многие студенты обоих полов по вопросу о признании «виртуального романа» изменой, больше половины мужчин придерживаются диспозиции гетеронормативности, больше четверти мужчин считает, что женщина не должна самостоятельно принимать решение об аборте. Наиболее согласованными оказались мужские и женские оценки диспозиций либерального типа в отношении роли системы образования в организации сексуального просвещения, права совершеннолетних партнеров самим определять приемлемые для них сексуальные практики, недопустимости дискриминации из-за сексуальной ориентации, использования аборта как одного из возможных выходов из ситуации нежелательной беременности.

Рассмотрим, как студенты и студентки оценивают суждения, отражающие традиционные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений. При анализе учитывался суммарный балл ответов «полностью согласен(а)» и «скорее согласен(а)» или «абсолютно не согласен(а)» и

«скорее не согласен(а)». Половина относящихся к традиционному сексуальному сценарию суждений описывает поведение мужчин, другая половина – поведение женщин. Разница в баллах по этим субшкалам позволяет определить степень приверженности респондентов диспозиции двойного гендерного стандарта в оценке поведения представителей каждого пола.

В таблице 9 представлены результаты, демонстрирующие отношение респондентов к одному из ключевых положений традиционного сексуального сценария, которое предписывает мужчинам и женщинам разные способы проявления заинтересованности в сексе, инициативы в ухаживании и сексуальном сближении.

Почти половина респондентов женского пола и больше трети респондентов мужского пола соглашались с традиционным мнением, что мужчины без секса не могут обходиться. При этом меньшее число студентов (четверть мужчин и 27% женщин) считают, что женщины меньше заинтересованы в сексе и могут быть удовлетворены сексуальной близостью без оргазма. Таким образом, значительная часть студенческой молодежи придерживается диспозиции двойного стандарта при оценке значимости секса для мужчин и женщин.

Приверженность эгалитарному сексуальному сценарию проявляется в том, как респонденты оценивают активную роль мужчин и женщин в ситуациях ухаживания. С одной стороны, больше половины респондентов обоих полов единодушны в традиционном ожидании от мужчины активной роли и соблюдения романтических ритуалов в ухаживании. С другой стороны, еще больше респондентов обоих полов придерживается эгалитарной диспозиции, отрицая потерю мужчиной сексуального интереса к женщине, которая проявляет финансовую независимость.

Таблица 9

Приверженность традиционной гендерной норме, предписывающей мужчинам инициативность, а женщинам пассивность в сексуальном взаимодействии

Суждения, характеризующие активную/пассивную позицию в сексуальном взаимодействии	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия ϕ^* Фишера
Для мужчин секс – это базовая потребность – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	39%	45%	-
В сексуальных отношениях женщина отражает желание мужчины и может быть вполне довольна сексуальной близостью без оргазма – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	25%	27%	-
Заинтересованный в развитии отношений мужчина должен соблюдать принятые ритуалы ухаживания: дарить цветы, подарки, организовывать романтическую обстановку на свиданиях – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	53%	52%	-

Суждения, характеризующие активную/пассивную позицию в сексуальном взаимодействии	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия ϕ^* Фишера
Предлагая разделить счет за ужин, женщина разрушает интерес мужчины к «покорению, завоеванию», лишая его главной роли – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	58%	56%	-
В сексуальной близости инициатива должна исходить от мужчины – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	33%	51%	3,363 (0,01)
Нормально, когда женщины выступают инициаторами сексуальной активности с той же уверенностью, что и мужчины – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	81%	84%	-

Половина девушек, что статистически значимо больше, чем среди юношей, не соглашается с тем, что инициатива в сексуальной близости должна исходить от мужчин. Напротив, в общем большинство представителей студенческой молодежи обоих полов (больше 4/5 выборки) одобряет проявление женщиной инициативы в сексуальном взаимодействии.

Представленные в таблице 10 данные демонстрируют приверженность респондентов мужского и женского пола традиционной норме, закрепляющей за мужчинами большую ответственность и компетентность в сексуальной активности.

Почти половина студентов мужского пола и 2/5 студенток согласны с тем, что опыт и знания мужчины являются залогом сексуального удовлетворения партнерши. При этом только четверть студенток считает, что мужчина должен накапливать сексуальный опыт в контактах с разными женщинами. Среди студентов мужского пола статистически значимо больше, чем среди студенток, тех, кто считает, что для обретения компетентности мужчине необходимы сексуальные контакты с разными женщинами.

Приверженность диспозиции двойного стандарта проявляется в том, что в отличие от мужчины, женщине не стоит демонстрировать свои знания и опыт в сексуальных отношениях. Среди студентов мужского пола статистически значимо больше, чем среди девушек, считающих, что проявление женщиной раскрепощенности и опытности может помешать развитию долговременных партнерских отношений. При этом многие студенты обоих полов соглашаются с тем, что в женщине природой заложены стремление нравиться мужчинам и умение их сексуально привлекать.

Приверженность традиционной гендерной норме, закрепляющей за мужчинами большую ответственность и компетентность в сексуальном взаимодействии

Суждения, характеризующие компетентную позицию в сексуальном взаимодействии	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия χ^2 Фишера
Сексуальное удовольствие партнерши зависит от опыта и знаний мужчины – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	48%	39%	-
Для молодого мужчины нормально стремиться получить сексуальный опыт с разными женщинами – «нагуляться» – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	40%	26%	(0,01) =2,805
Демонстрация женщиной сексуального опыта и раскрепощенности может нарушить планы мужчины строить с ней близкие долговременные партнерские отношения – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	42%	30%	(0,05) =2,117
Нравиться мужчинам, сексуально привлекать их – естественная потребность женщины – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	50%	42%	-
Ответственность за предохранение от нежелательной беременности – забота женщины – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	59%	58%	-
Об использовании презерватива должен позаботиться мужчина – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	57%	39%	(0,01) =3,339

Юноши и девушки часто совпадают во мнении, что ответственность за предохранение от нежелательной беременности не должна возлагаться только на женщину. Значимо большая часть студентов по сравнению со студентками, считает мужчин ответственными в заботе об использовании презерватива.

Данные в таблице 11 показывают, как соотносится количество респондентов разного пола, приверженных традиционной норме, предписывающей разное значение для мужчин и женщин эмоциональной связи в сексуальных отношениях. Только с одним из восьми суждений, соответствующих традиционному сексуальному сценарию, согласилось больше трети респондентов в мужской и в женской выборках. В отношении остальных суждений респонденты придерживались эгалитарных диспозиций.

Приверженность традиционной гендерной норме, определяющей разное значение для мужчин и женщин эмоциональной связи в сексуальных отношениях

Суждения, характеризующие отношение к эмоциональной вовлеченности в сексуальном взаимодействии	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия χ^2 (Фишера)
Для женщин романтическая сторона сексуальных отношений важнее чувственной (телесной) – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	44%	35%	-
Для сексуального благополучия мужчин психологическая близость и романтическая сторона отношений не так важна, как для женщин – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	48%	47%	-
Гармонии в сексуальных отношениях могут достичь мужчины, которые способны создавать и поддерживать отношения, наполненные заботой и доверием – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	68%	83%	. (0,01) =3,048
Для женщин "штамп в паспорте" важнее для сохранения отношений с партнером, чем наличие или отсутствия взаимного сексуального удовлетворения – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	53%	65%	(0,05) =2,281
Для сохранения отношений женщине стоит подстраиваться под сексуальные потребности мужчины – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	37%	56%	(0,01) =3,273
«Физическая» измена мужчины не так страшна для отношений пары, как «эмоциональная» – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	62%	62%	-
Женщинам простителен роман, если отношения в нем оставались «платоническими», то есть без физической близости – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	67%	59%	-

Довольно большая часть студентов и студенток согласилась с суждением, отражающим традиционный стереотип о большей значимости для женщин романтической стороны отношений в сравнении с чувственной (телесной). В соответствии с традиционной идеологией двойного стандарта студенты должны были согласиться со сходным по контексту суждением о том, что мужчинам для ощущения сексуального благополучия романтическая сторона отношений не так важна, как для

женщин. Однако в каждой из гендерных групп почти половина с ним не согласилась, признавая, таким образом, значимость романтики и психологической близости в сексуальной стороне жизни мужчины.

Вопреки традиционному стереотипу о «неэмоциональности» мужчин больше 2/3 студентов и статистически значимо большая часть студенток считают, что гармоничные отношения возможны с мужчиной, который умеет быть чутким, проявлять заботу и поддерживать ощущение доверия. Больше половины мужчин, и статистически значимо большая часть женщин не согласились со стереотипным мнением о том, что женщине важнее быть в браке, чем быть сексуально удовлетворенной. Больше половины – 56% студенток, что является статистически значимо большей частью по сравнению с числом мужчин, не согласны с тем, что женщинам необходимо подстраиваться под сексуальные потребности мужчин.

Две трети студентов и две трети студенток не готовы согласиться с тем, что физическая измена мужчины не причинит такого вреда отношениям пары, как «эмоциональная». Немного больше студентов и чуть меньше студенток эмоциональную измену женщины не считают безопасной для отношений пары. Соответственно, студенческая молодежь придерживается эгалитарной диспозиции об избирательности и сохранении верности в эмоционально близких отношениях и для мужчин, и для женщин.

В таблице 12 представлены данные, демонстрирующие отношение студентов и студенток к традиционной гендерной норме, допускающей самообъективацию и сексуальную объективацию женщин. Под объективацией понимается отношение к человеку как к инструменту (объекту) удовлетворения потребностей. Многие опрошенные молодые мужчины и многие женщины не согласны с большей частью суждений, отражающих эту норму. Полученные результаты указывают на приверженность респондентов эгалитарной диспозиции в оценке парных отношений.

Таблица 12

Приверженность традиционной гендерной норме, ориентирующей женщин на самообъективацию и мужчин на сексуальную объективацию женщин

Суждения, характеризующие отношение к сексуальной объективации партнеров	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия ϕ^* (Фишера)
Мужчины хотят в жены целомудренную женщину, а в любовницы – без комплексов – <i>полностью согласны и скорее согласны</i>	31%	32%	-
Сексуальная привлекательность женщины – ресурс, который может быть обменен на статус партнера – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	42%	51%	-

Суждения, характеризующие отношение к сексуальной объективации партнеров	Мужчины (n=109)	Женщины (n=320)	Значение критерия ϕ^* (Фишера)
Женская практика имитации оргазма – хороший способ сохранять нормальные отношения с партнером – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	50%	59%	-
Сексуальность – источник женской власти над мужчиной: «ночная кукушка всех перекукует» – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	33%	47%	(0,01) =2,344
Покупка сексуальных услуг может быть способом проявить власть над женщиной – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	53%	52%	-
У мужчин должна быть возможность покупать сексуальные услуги, если у них нет постоянной партнерши – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	44%	66%	(0,01) =3,76
Мужчины, покупающие сексуальные услуги, заслуживают осуждения – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	68%	49%	(0,01) =3,408
Женщины, оказывающие платные сексуальные услуги, заслуживают осуждения – <i>совсем не согласны и скорее не согласны, чем согласны</i>	52%	49%	-

Треть мужской выборки и треть женской согласились с суждением, характерным для традиционного сексуального сценария, в соответствии с которым в подсознании мужчины присутствует «расщепленное» влечение к двум ярким образам женщин: мягкой, доброй, порядочной – Мадонне / Матроне и яркой, соблазняющей и доступной – Блуднице.

С остальными суждениями, отражающими традиционную норму, допускающую объективацию в парных отношениях, многие респонденты не согласны.

В соответствии с традиционными гендерными нормами успешность мужчины определяется финансовой состоятельностью, успешность женщины – сексуальной привлекательностью. Однако больше половины студенток и 42% студентов не согласны с объективирующей женщин установкой о возможности приобщиться к успеху мужчины, выступая за счет соответствия внешности стандартам красоты приложением к его образу и удовлетворяя его сексуальные потребности. Результаты демонстрируют, что представители студенческой молодежи придают важное значение другим личностным и профессиональным достижениям женщин.

Половина мужской выборки и 69% женской не считают женскую практику имитации оргазма хорошим способом сохранения отношений с партнером. Эти результаты подчеркивают значение для молодежи

сексуального удовлетворения обоих партнеров. Такая эгалитарная диспозиция противоречит традиционной ориентации женщин на использование эротического манипулирования с целью проявления контроля и власти над мужчиной. Значимо большая по сравнению со студентами часть студенток не согласна с тем, что сексуальность – источник власти женщин над мужчинами. Треть выборки мужского пола тоже так не считает, но остальные сомневаются или в разной степени согласны.

И в мужской, и в женской частях выборки больше половины не считает, что покупка сексуальных услуг может быть для мужчины способом проявления власти над женщиной. Довольно большая часть – 44% респондентов мужского пола и статистически значимо большая часть респонденток – 66% не согласны с сексуально объективирующей женщин формулировкой, в соответствии с которой мужчины должны иметь возможность покупать сексуальные услуги, если у них нет постоянной сексуальной партнерши. При этом ни студенты, ни студентки не готовы осуждать мужчин, покупающих сексуальные услуги, и женщин, оказывающих сексуальные услуги. Респонденты мужского пола статистически значимо чаще респонденток занимают «понимающую» позицию по отношению к покупающим сексуальные услуги мужчинам.

В целом позиции студентов и студенток статистически значимо различаются в оценке мужского и женского поведения по следующим пунктам, характеризующим традиционные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений:

- 1) девушки чаще юношей не соглашались с тем, что инициатором в сексуальной активности должен быть мужчина;
- 2) юноши чаще, чем девушки, признают важность для мужчины обретения сексуального опыта в общении с разными женщинами;
- 3) юноши чаще, чем девушки, соглашались с тем, что мужчина не будет стремиться к постоянным отношениям с женщиной, демонстрирующей свои знания и опыт в сексуальных отношениях;
- 4) ответственность за использование презерватива юноши чаще, чем девушки, возлагают на мужчин;
- 5) большая часть выборки, особенно чаще девушки, признает, что гармоничные сексуальные отношения могут быть у вызывающих доверие и заботливых мужчин;
- 6) девушки чаще юношей не согласны с тем, что женщины должны подстраиваться под сексуальные интересы мужчин;
- 7) девушки чаще юношей отрицают, что для женщин в случае вопроса о сохранении отношений с партнером брачный статус важнее сексуальной удовлетворенности;
- 8) девушки чаще, чем юноши отрицают, что сексуальность является женским ресурсом влияния на мужчин;

9) девушки чаще юношей не признают необходимость в покупке сексуальных услуг для тех мужчин, у которых нет постоянных партнерш;

10) юноши чаще девушек не готовы осуждать мужчин, покупающих сексуальные услуги.

Приверженность студенческой молодежи диспозиции двойного стандарта в оценке поведения мужчин и женщин проявилась по следующим характерным для традиционного сексуального сценария ориентирам:

1) для мужчин секс – это базовая потребность, а для женщин романтическая сторона важнее чувственной;

2) молодым мужчинам важно накопить сексуальный опыт в общении с разными женщинами, а женщинам лучше не демонстрировать свою раскрепощенность и опытность;

3) мужчина должен осваивать и соблюдать принятые ритуалы ухаживания, а для женщины нравиться мужчинам – естественная потребность.

Перечисленные пункты, по которым наблюдается выраженная рассогласованность в оценках студентов и студенток сексуального взаимодействия мужчин и женщин, следует рассматривать при консультировании пар в качестве потенциальных источников разногласий и мишеней для исследования.

Обсуждение

Результаты изучения ориентаций студенческой молодежи на разные гендерные нормы в сфере сексуальных отношений показали выраженную тенденцию приверженности эгалитарному сексуальному сценарию. Приверженность традиционным нормам чаще проявляется в оценке поведения мужчин, чем в оценке поведения женщин, и больше ее демонстрируют студенты мужского пола. Большой вклад в «переоценку» традиционных норм и правил сексуального поведения вносят ответы студенток, особенно касающиеся поведения женщин.

Полученные данные дополняют и иллюстрируют обобщенные *результаты групповых интервью* со студентами, посвященных обсуждению изменяющихся гендерных норм, ожиданий и притязаний современных мужчин и женщин по отношению друг к другу в различных социальных ситуациях, в том числе в сфере сексуального взаимодействия.

О современных мужчинах молодые люди высказывались как о ставших более мягкими, творческими, заботливыми отцами, привлекательными и ухоженными. При этом отмечалось, что современные мужчины потеряли ориентиры в жизни, стали более меркантильными и стремящимися заработать как можно больше денег. В женщинах подчеркивалась независимость, уверенность в себе, соревновательность, способность на равных с мужчинами работать и строить карьеру. Критиковалось стремление женщин придавать слишком много значения

внешности как ресурсу в борьбе за внимание мужчин¹. При описании качеств и поведения современных женщин студенты и студентки были единодушны в том, что у них появилось больше возможностей и они стали более самоуверенными и самодостаточными: «Сейчас женщины могут позволить себе такие вещи, которые не могли позволить раньше», «Женщина теперь финансово может себя обеспечить. Она может стать независимой», «Раньше женщины ориентировались на нормы, а сегодня свободнее себя выражают в сексуальном плане».

Девушки чаще отмечали, что нет уже таких строгих правил как раньше, что нет страха остаться «старой девой», что возможность развестись меняет отношения в браке в сторону равноправия и что «появился мужчина более мягкий, более добрый». Студентки в основном придерживались толерантной позиции в оценке изменений в качествах и поведении современных мужчин: «Никто никому ничего не должен», «Кто-то следует стереотипам, кто-то нет», «Главное, чтобы всем было комфортно», «Если тебе нравится, тебе хочется, почему бы тебе это не делать. Главное, не навязывай другим или не живи со мной, если это мне не нравится». Девушки отмечали: «Если ему так хочется, пожалуйста. Дело в том, кого я выберу», «Брак сегодня возникает на основе личных качеств».

Юноши придерживались в обсуждении поведения современных женщин и консервативных диспозиций, и эгалитарных. Одни критиковали распущенность нравов и обвиняли в этом женщин: «Сегодня она не боится беременности, есть презервативы, таблетки всякие... и может творить что-хочет, заниматься сексом с кем хочет. Кто ей что скажет?» Другие призывали к равенству позиций в сексуальном сближении: «Многие соблюдают традиции. Так надо. Почему женщина не может проявить инициативу? Это не покажет ее с плохой стороны! Важно, как начинается взаимодействие. Важно само взаимодействие!»

Полученные на выборке студентов данные противоречат результатам исследования, которое в конце 2016 года проводилось в разных городах России по заказу Сбербанка совместно с агентством Validata, результатом которого стал отчет о жизни современной молодежи. Исследователи среди 30 фактов отметили, что у современных молодых людей преобладает традиционный взгляд на взаимодействие полов: девушки должны быть скромными, заниматься домом и воспитывать детей, молодые люди должны обеспечивать семью. В качестве иллюстрации авторы обобщают высказывания участников фокус-групп: «Мужчина должен быть строгим, со стержнем, но со своей девушкой должен быть мягким. Я не могу себе представить, что я дома с детьми сижу, а жена зарабатывает, это для меня

¹ Иоффе Е.В. Представления о современных мужчинах и женщинах у студенческой молодежи // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): 2018. № 12. <http://www.emissia.org/offline/2018/2676.htm>

моральная кастрация. Продвинутые девушки – эгоистичны»¹. Можно предположить, что более выраженная приверженность традиционным нормам связана с преобладанием среди респондентов тех, чья первичная социализация проходила в малых городах и селах. Студенты из провинции также чаще демонстрировали приверженность традиционным нормам в сфере сексуальных отношений.

На разницу в большей приверженности эгалитарным нормам у городской образованной молодежи и традиционным нормам – у молодых людей из «неблагополучных районов» указывают результаты зарубежных исследований². В них отмечается, что двойные сексуальные стандарты в подростковом возрасте имеют важное значение для сексуального развития и гендерного неравенства, поэтому необходимо уделять особое внимание гендерной и сексуальной социализации подростков.

Анализируя, по отношению к каким конкретно ситуациям социального взаимодействия мужчин и женщин, характеризующим традиционный сексуальный сценарий, меняются взгляды и диспозиции студенческой молодежи, можно выделить следующие. Изменилось отношение молодежи к традиционной гендерной норме, предписывающей мужчинам инициативность, а женщинам пассивность в сексуальном взаимодействии. Одобряется более активное выражение женщинами сексуальной заинтересованности и проявление инициативы в сексуальном сближении.

Полученные результаты сходны с данными других авторов, которые отмечают растущую тенденцию распространения «сценария сексуального равенства»³ и одобрения открытого выражения женщиной готовности самой проявлять инициативу в ухаживании и сексуальном взаимодействии⁴. Например, в результатах интервью подростков из бедных городских районов, которые чаще поддерживают стереотипные

¹ 30 фактов о современной молодежи. URL : <https://marketing-course.ru/wp-content/uploads/2019/04/30-facts-molodeg.pdf>. (Дата доступа: 20.11.2020).

² De Meyer S. et al. “Boys Should Have the Courage to Ask a Girl Out”: Gender Norms in Early Adolescent Romantic Relationships / Journal of Adolescent Health 61 (2017) S42-S47; Amin A. et al. Addressing Gender Socialization and Masculinity Norms Among Adolescent Boys: Policy and Programmatic Implications / Journal of Adolescent Health 62 (2018) S3-S5.

³ Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1, 2011. С. 51-65; O’Sullivan L.F., Byers E.S. College students’ incorporation of initiator and restrictor roles in sexual dating situations // The Journal of Sex Research. 1992. 29. P. 435–446.

⁴ Weerth C., Kalma A. Gender differences in awareness of courtship initiation tactics // Sex Roles. 1995. 32. P. 717–734. Clark R.D. and Hatfield E. Gender differences in receptivity to sexual offers // Journal of Psychology and Human Sexuality. 1989. 2. P. 39–55.

гендерные нормы в романтических отношениях, несколько историй иллюстрируют ориентацию на гендерное равноправие¹.

Приверженность традиционной гендерной норме, закрепляющей за мужчинами большую ответственность и компетентность в сексуальном взаимодействии, больше свойственна мужской части выборки. Сохраняется ориентация на двойной гендерный стандарт в оценке сексуального опыта и компетентности мужчин и женщин: для мужчин важно стать экспертом, а женщинам важно скрывать свой «сексуальный багаж». Западные исследователи подчеркивают, что уже в подростковом возрасте характерно распространение стереотипных и неравных гендерных норм². В этой возрастной группе сверстники в своей оценке разнообразной сексуальной активности друг друга ориентируются на традиционный сексуальный сценарий, для которого характерны двойные сексуальные стандарты. Соответственно, социальные реакции на сексуальные практики подростка со стороны сверстников могут быть стигматизирующими или поощряющими в зависимости от пола³.

Поменялось отношение молодежи к традиционной гендерной норме, определяющей разное значение для мужчин и женщин эмоциональной связи в сексуальных отношениях. Студенты обоих полов считают эмоциональную сторону сексуальных отношений не менее важной, чем физическую, и для женщин, и для мужчин. К мужчинам предъявляются такие же требования в проявлении эмоциональной чуткости и заботливости, что и к женщинам. «Эмоциональная измена» считается не менее опасной угрозой отношениям пары, чем «физическая измена».

Сохраняется двойное отношение студенческой молодежи к традиционной гендерной норме, ориентирующей женщин на самообъективацию и мужчин на сексуальную объективацию женщин. Многие студенты, особенно девушки, считают, что женщинам не стоит жертвовать своим сексуальным удовольствием и подстраиваться под сексуальные интересы партнера ради проявления контроля и власти в отношениях. Эта же тенденция отмечается в зарубежных исследованиях: современные женщины не склонны избегать решения эмоциональных

¹ De Meyer S. et al. «Boys Should Have the Courage to Ask a Girl Out»: Gender Norms in Early Adolescent Romantic Relationships / Journal of Adolescent Health. 61 (2017): 42-47.

² Amin A. et al. Addressing Gender Socialization and Masculinity Norms Among Adolescent Boys: Policy and Programmatic Implications / Journal of Adolescent Health 62 (2018) S. 3-5; Moreau C. et al. Measuring gender norms about relationships in early adolescence: Results from the global early adolescent study . SSM – Population Health 7 (2019).

³ Kreager et al. The Double Standard at Sexual Debut: Gender, Sexual Behavior and Adolescent Peer Acceptance. Sex Roles. 2016 October ; 75(7): 377–392.

проблем в паре, используя стратегию имитации оргазма¹. Среди опрошенной молодежи много тех, кто не поощряет покупку мужчинами сексуальных услуг, но и не осуждает ни покупателей, ни оказывающих сексуальные услуги женщин.

Выводы исследования

Итак, результаты исследования демонстрируют, что многие представители студенческой молодежи придерживаются эгалитарного сексуального сценария и либеральных диспозиций в оценке социально значимых проблем в сфере сексуальных отношений. Приверженность традиционному сексуальному сценарию и консервативным диспозициям чаще выражена у студентов, чем у студенток, а также у тех, чья первичная социализация проходила в малых городах и селах. У девушек по сравнению с юношами более выражены толерантные взгляды на проявление индивидуальности в сексуальном взаимодействии и предпочтениях людей и, особенно, на нормы сексуального поведения женщин.

Место первичной социализации не повлияло на ответы мужской выборки, а вот сравнение результатов женских подгрупп показало, что взросление девушек в больших городах и мегаполисах определяет формирование эгалитарных и либеральных диспозиций в оценке социально значимых проблем в сфере сексуальности и сексуального поведения мужчин и женщин. Первичная социализация в малых городах или селах способствует усвоению девушками традиционного сексуального сценария и консервативных диспозиций в оценке сексуального взаимодействия.

Отвечая на поставленные в начале исследования вопросы, можно заключить, что в студенческой среде выражена тенденция ориентации на эгалитарный сексуальный сценарий и либеральные диспозиции. Однако, сохраняется двойной стандарт в оценке поведения мужчин и женщин в ряде ситуаций сексуального взаимодействия, что указывает на преобладание приверженности смешанному типу гендерных норм в сфере сексуальных отношений: в одних ситуациях взаимодействия студенты придерживаются по-прежнему традиционных взглядов и установок, в других – эгалитарных. Большая часть «отступлений» от традиционного сексуального сценария касается поведения женщин и транслируется женщинами.

¹ Wongsomboon V. at Women's Orgasm and Sexual Satisfaction in Committed Sex and Casual Sex: Relationship Between Sociosexuality and Sexual Outcomes in Different Sexual Contexts // The Journal of Sex Research. Vol. 57, 2020: 285-295.

ГЛАВА 3. СОЦИУМ, СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАНИЕ – ВЕДУЩИЕ ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

3.1 Супружеские и родительские установки российской учащейся молодежи

Семья – важнейший социальный институт во всех обществах и во все временные эпохи. Она всегда привлекала к себе внимание и передовых деятелей, и общественных лиц, и ученых, и практиков со времен древних мыслителей до современных исследователей. Это обусловлено той ролью, которую семья играет в жизни каждого человека в отдельности и в целом – развития всей человеческой цивилизации. Ведь именно в семье закладываются основы личностного развития каждого из нас, овладения социальными ролями, освоения культуры, ценностей и традиций народа. Именно в семье формируются нормы поведения, раскрываются индивидуальные качества каждого из нас. Именно с семьи начинается самоутверждение и самореализация человека, проявление его творческой активности и талантов. Тесную связь с семьей человек ощущает на протяжении всей своей жизни.

Сегодня отмечается особый интерес к исследованию первичной «ячейки общества» в связи со значительными трансформациями, которые она переживает: изменение структуры семьи, разнообразие форм брака и типов семейных отношений, сокращение продолжительности жизни в одной семье, последовательное и параллельное сосуществование человека в разных семьях, перераспределение функций современной семьи и др.

Исследования последних лет продемонстрировали ряд тенденций в развитии института современной российской семьи, по оценкам экспертов преимущественно негативных: значительное увеличение количества разводов и неполных семей; ориентация современной молодежи на поздний и бездетный / малодетный брак; ограничение участия отцов, а иногда и матерей в семейной жизни с перекладыванием обязанностей по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства на поколение бабушек / дедушек, а также обслуживающий персонал; увеличение количества семей с явными признаками дисгармоничного воспитания детей и рост депривации у детей при «находящихся рядом» родителях; качественное изменение взаимоотношений между членами семьи, выражающееся в обеднении общения и взаимодействия, дефиците эмоционального тепла и поддержки, низкой информированности родителей о реальных потребностях и проблемах ребенка, недостатке сотрудничества и взаимопомощи в семье и др.¹ Как следствие – существенно меняются

¹ Жизненные миры современной семьи : монография / З. Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н. Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

представления и установки молодежи о семье и браке, супружеских отношениях мужчин и женщин, их роли и месте в семье¹.

Некоторые ученые бьют тревогу, говоря о кризисе семьи и полном распаде семейного уклада уже в самое ближайшее время. Другие исследователи утверждают, что происходящие изменения – закономерный ход истории, противостоять которому бессмысленно.

Категории «семьи» и «брака» в обыденном понимании очень часто отождествляются, тогда как они не являются синонимичными: семья может функционировать без брака (например, «гражданский брак» или сожитительство), а брак – без семьи («фиктивный брак»).

Как подчеркивают Н. Н. Посысов и И. А. Можаровская, в научной литературе достаточно много определений семьи, причем некоторые из них настолько давно проникли в массовое сознание, что уже трудно установить авторство этих дефиниций. В рамках психологического подхода семья рассматривается как пространство совместной жизнедеятельности, внутри которого удовлетворяются специфические потребности людей, связанных кровными и родственными отношениями. Это пространство представляет собой достаточно сложно устроенную структуру, состоящую из различных компонентов (ролей, позиций, коалиций и т. п.) и системы взаимоотношений между ее членами².

Необходимо отметить, что содержание понятия «семья», во многом зависящее от определенного исторического, культурного, нормативно-правового контекста, сейчас пересматривается. Современная жизнь вносит свои коррективы в устоявшееся понимание семьи. Например, активно развивается «гостевой» (регулярно – раздельный) брак, не подразумевающий совместное проживание супругов в течение длительного времени. Родственные связи в последнее время также не являются необходимой основой создания и функционирования семьи.

«Брак» часто определяется как исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству³. Социальным предназначением брака является воспроизводство, направленное на поддержание непрерывности жизни. Данная цель не всегда реализуется современными семьями (чайлд-фри – идеология, характеризующаяся сознательным нежеланием иметь детей).

Супружество понимается как психологическое содержание взаимоотношений, которые создают в браке партнеры. Выделение

¹ Васильева, О.С., Хомякова Ю.Ю. Исследование представлений современной молодежи об альтернативных формах брака // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 13/2. С. 5-11.

² Основы психологии семьи и семейного консультирования : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н. Н. Посысова. М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. С. 10.

³ Там же. С. 20.

супружества как структурной единицы в анализе семьи произошло в историческом аспекте сравнительно недавно в результате серьезных социальных и экономических преобразований современного общества, сформировавших условия для равноправного (социального, юридического, нравственного, психологического) брака мужчины и женщины, разделением ролей супругов от родительства в рамках семьи. Супружество – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое присущими им ценностями (Голод С. И., Лагонда Г. В.)¹.

Вступление в брачно-семейные отношения не ограничивает супругов в правах, свободах и обязанностях, предусмотренных «Семейным кодексом Российской Федерации»: вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и др. решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства; супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей (ст. 31)².

Впервые в истории равноправие мужчин и женщин провозгласила Французская революция 1793 г., когда были введены брак по взаимному согласию мужчины и женщины, процедура развода, ликвидация разделения детей на законных и незаконнорожденных (внебрачных). В настоящее время брачно-семейные отношения носят достаточно динамичный характер, меняются связанные с ними законы и правовые акты. Приемлемыми считаются разнообразные альтернативные формы брачно-семейных отношений; брак освобождается от религиозных, национальных, социально-демографических и других предрассудков; вводятся новые способы решения семейных проблем.

До конца XX века фактически единственной легитимированной формой организации близких личных и сексуальных отношений считался официально зарегистрированный в ЗАГСе брак, предполагавший верность супругов друг другу. Семья считалась прочной основой жизнедеятельности людей. Разводы рассматривались как негативное явление, резко осуждающееся обществом. В последнее время общественное мнение стало не столь категоричным: сексуальные связи до и вне брака стали считаться нормой, к разводам и повторным бракам стали относиться лояльно, появились браки, являющиеся альтернативами классической моногамии.

Традиционный семейный уклад постепенно демонтируется. «Ячейка общества», через которую веками передавались материальные и духовные

¹ Лагонда Г. В. Психология супружества: кому и зачем нужна новая теория брачных отношений // Парадигма. 2016. № 23. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-supruzhestva-komu-i-zachem-nuzhna-novaya-teoriya-brachnyh-otnosheniy>

² Семейный кодекс Российской Федерации (от 29.12.1995, N 223-ФЗ, ред. 03.08.2018), статья 31. URL : <http://stskrf.ru/31> .

ценности, традиции и культура общин и наций, уступает место более свободным отношениям мужчин и женщин. Этот процесс наиболее выражен в развитых странах Европы и Азии, где люди рожают все меньше и все меньше людей желают связывать себя узами брака. В отдельных странах под лозунгом прав человека и свободного гражданского общества активно внедряются новые подходы к пониманию половой идентичности человека. Их суть состоит в утверждении того, что человек может быть свободен в выборе гендерной самоидентификации и сексуальной ориентации. Происходит укрепление позиций сексуальных меньшинств в социуме, однополые браки, все чаще регистрируемые в ряде стран Европы, могут представляться как вариативная модель семьи. Супругам в новых типах семей разрешено оформлять опеку над детьми¹.

Изучение семьи и супружества в России вызывает особый интерес в силу уникального геополитического положения нашей страны (синтеза и переплетения восточного и европейского цивилизационных начал). Актуальность ее изучения продиктована также нарастающими проблемами в сфере брачно-семейных отношений и остротой демографической ситуации в обществе. Психологические и социологические исследования показывают, что этнокультурное многообразие России приводит к различным вариантам гендерных отношений в семье².

Изучение семьи с точки зрения гендерного подхода осуществляется в различных областях науки и практики; перечислим некоторые, наиболее полно раскрытые в современной литературе:

– психологическое содержание готовности молодежи к браку (А. С. Власенко, В. И. Добрынина, В. Н. Дружинин, Т. В. Ищенко, А. И. Ковалева, А. В. Мудрик, С. Д. Поляков, И. П. Подласый, Э. Г. Эйдемиллер, Л. Б. Шнейдер и др.);

– семейные ценности и установки разных групп населения (С. А. Ильиных, И. М. Ильинский, А. В. Петров, А. В. Соколов, И. О. Щербакова и др.);

– гендерные отношения в семье, культурных стереотипов социализации (И. С. Клецина, И. С. Кон, Н. Римашевская, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.);

¹ Farr R. H. Co-education of children in lesbian, homosexual and heterosexual foster families: a relationship with the relationship of spouses and the impact on children. Virginia: University of Virginia, 2011.; Panozzo D. Male homosexual couples who decide to become parents: motivation, distribution of care responsibilities, influence on relationships and life satisfaction. New York: New York University, 2010.; Watkins K. A. Characteristics of legal parenting: the intersection of gender and sexual identity in making decisions about custody of children in the United States for 2003-2009. Massachusetts: University of Massachusetts Amherst, 2011.

² Почебут, Л. Г. Гендерные отношения в разных этнических культурах России / Л. Г. Почебут, И. А. Шмелева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 66-75.

– трансформация социального института семьи в современной России (В. Н. Архангельский, А. Ф. Кусов, Г. В. Лагонда, Г. Г. Силласте, Ф. С. Тумусов, Ж. В. Чернова и др.);

– представления о семье современной молодежи (В. П. Букин, Е. С. Журавлева, Ю. С. Задворнова, Е. В. Иоффе, О. И. Ключко, Е. Б. Петрушихина, В. М. Поставнев, Е. В. Самосадова, Н. Ф. Сухарева, Е. Е. Сапожникова, Л. В. Штылева и др.).

В проведенных исследованиях подчеркивается сохраняющаяся высокая значимость ценности семьи в жизненных ориентирах россиян. При этом большинство исследователей склоняются к выделению двух наиболее распространенных моделей семейных отношений по характеру распределения ролей и вопросу доминирования в семье – традиционной и эгалитарной (В. Н. Дружинин, Е. В. Иоффе, И. С. Клецина, С. В. Ковалев, В. М. Целуйко, Л. Б. Шнейдер и др.). Первая модель характеризуется четким закреплением мужских и женских обязанностей: жена – «хранительница домашнего очага», заботящаяся о домочадцах и быте, муж – «добытчик», обеспечивающий материальную стабильность семьи, ответственность за принимаемые решения лежит на главе семьи. Вторая модель отличается равной ответственностью обоих супругов за быт и воспитание детей, роли мужа и жены становятся взаимозаменяемы и взаимодополняемы¹. Принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях уступает место принципу ориентации на партнерство и паритет.

Ряд исследователей выделяют следующие модели распределения гендерных ролей в современной российской семье: советская, патриархальная, бикарьерная, эгалитарная. Советская модель предполагает равное участие супругов в профессиональной деятельности, в то время как ведение домашнего хозяйства остается обязанностью жены. Глубинная характеристика данной модели – «двойная» занятость женщины. Патриархальная модель сохраняет главенство мужчины в экономической сфере, а жена исполняет роль домохозяйки. Возможен вариант неопатриархальной модели, в которой муж обеспечивает ресурсами семью, жена не работает, а хозяйственно-бытовая функция перекладывается на наемных работников. В бикарьерной семье супруги ориентированы на профессиональные достижения, а домашние обязанности возлагаются на родственников или наемный персонал. Эгалитарная модель означает равное участие мужа и жены в профессиональной деятельности и домашней работе².

¹ Гендерная психология и педагогика : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. О. И. Ключко. М. : Издательство Юрайт, 2020. С. 98.

² Петрушихина Е. Б. Распределение ролей в родительской семье: взгляд молодежи // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 21 апреля 2017 г. / под общ. ред. Л. Ю. Максимовой. М. : Физматкнига, 2018. С.398.

Противоречия в представлениях и реализуемых моделях поведения продемонстрировала Ю.С. Задворнова в своем исследовании, проведенном в Ивановской области. Она выявила, что эгалитарные установки преобладают примерно у 70% респондентов, однако на практике эгалитарную модель распределения ролей реализуют лишь 4% опрошенных. В качестве нормы продолжает выступать советская модель – ей привержены 69% респондентов, 16% действует в рамках неопатриархальной модели, 11% – бикарьерной¹.

Н. Ю. Егорова, проведя исследование в Нижегородской области, также выявила противоречивость в системе семейных ценностей россиян. С одной стороны, очевидна переориентация на нормы партнерской/эгалитарной семьи. С другой стороны, подобные изменения в среднестатистической семье происходят медленно и редко выходят за пределы традиционного восприятия гендерных ролей. Данная противоречивость отражается на поведении россиян: внешние / структурные изменения супружества (распространение сожительства, разводов, повторных союзов) принимаются быстрее, тогда как характер межгендерных отношений в семье остается практически неизменным².

В исследовании В. М. Поставнева 75,1% студентов, участвовавших в исследовании, показывают готовность ориентироваться на совместное принятие важных решений, 23,4% обозначают приоритет супруга в этом вопросе и 1,5% предписывают жене этот приоритет³. В данном исследовании у большего количества студентов выявлены эгалитарные представления о ролевых позициях супругов.

Студенчество – это одна из самых мобильных социальных групп, которая быстро улавливает новые тенденции в разных сферах жизнедеятельности, реагирует на малейшие социальные трансформации и стремится к прогрессивным преобразованиям в обществе. Это наиболее активная общность, имеющая свои социально-психологические позиции, взгляды, установки по наиболее актуальным проблемам современности, которые уже в ближайшее время будут транслированы в широкие массы населения. В связи с этим, изучение супружеских и родительских установок российской учащейся молодежи является весьма актуальным.

Исследование, проведенное Н. Ф. Сухаревой и Е. В. Самосадовой, с участием студентов Мордовского государственного педагогического

¹ Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 32-40.

² Егорова Н. Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 18-32.

³ Поставнев В.М. Представления студентов мегаполиса о браке // Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 12-13 апреля 2016 г., Москва, МГПУ / под ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2016. С. 747-752.

университета¹, продемонстрировало, что семейная жизнь – в различных ее формах – остается в сознании многих девушек и юношей основным образом их будущей жизни. В то же время мнения разделились по поводу отдельных сторон семейной жизни; в первую очередь, это касается института брака: часть студентов поддерживает его традиционную форму, другие полагают, что официально регистрируемый брак устарел. Первую точку зрения чаще высказывали девушки, вторую – юноши. Гораздо большее количество девушек и юношей, по сравнению с предыдущими поколениями, положительно рассматривают сожитительство, как реальную возможность лучше узнать своего будущего избранника / избранницу, после чего более уверенно узаконить свои отношения.

На вопрос, что способствует созданию и сохранению счастливой семьи, девушки и юноши единогласно перечислили следующие факторы: любовь, уважение, понимание, умение идти на компромисс, взаимодоверие, желание создать семью, немаловажен и материальный достаток. На вопрос, что может разрушить брак, практически единодушно, за небольшим исключением, было представлено относительно физического и психологического насилия, которого, по мнению студентов, ни при каких обстоятельствах не должно быть в семье.

В числе факторов, разрушающих брачно-семейные отношения, девушками чаще всего назывались: измены в браке, отсутствие / потеря доверия к супругу; употребление супругом алкоголя / наркотиков или другие дурные пристрастия (игромания, интернет-зависимость); бесплодие, невозможность иметь детей одного из супругов; отсутствие материального достатка и собственной жилплощади; неэкономные и бесполезные затраты денежных средств семьи; различие интересов, ценностных ориентаций, нравственных норм, жизненных позиций и др.

Юноши считают, что факторами, разрушающими семью, являются: материальная нестабильность; высокая профессиональная занятость женщины; невыполнение супругой своих «прямых» обязанностей; тяготы быта, однообразия в семейной жизни, привычки, «приедания»; обманы супругами друг друга; несовпадение циклов возникновения сексуального желания; отсутствие ласки, нежности, заботы внимания и понимания; перегрузки или усталость на работе; нереальные ожидания от брака и др.

Ответы на вопрос о распределении домашних обязанностей и обязанностей по уходу за ребенком в семье были противоречивы. Так, многие девушки (62%) и юноши (68%) полагают, что основную часть работы по дому и уходу за ребенком должна выполнять жена. Остальная часть девушек и юношей считают, что обязанности по дому не должны быть строго закреплены за женой или мужем, эти студенты выразили намерение создать эгалитарные отношения в своей семье. Готовность

¹ Sukhareva N.F., Samosadova E.V. Socio-psychological Ideas about Family and Parenthood in Modern Youth // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. 9(2). С. 1-13.

обсуждать и совместно принимать важные для семьи решения продемонстрировало значительное количество студентов: 59% девушек и 42% юношей.

По вопросу воспитания детей разного пола в семье мнения также разделились: чуть больше половины респондентов (57% девушек и 63% юношей) отметили, что девочек должна больше воспитывать мать, приучая ее к будущей хозяйственной деятельности, а мальчиков – отец, вырабатывая у него стремление к выполнению «мужской работы». Меньшая часть студентов считает, что в данном вопросе не должно быть никакого приоритета у матери либо отца.

По мнению студентов, большое значение в жизни имеют материальные ценности, карьера, личностная самореализация. Они считают, что в жизни ничего не добьешься, не имея таких характеристик, как предприимчивость, деловитость, «хваткость», конкурентоспособность, настойчивость, целеустремленность. Многие студенты (75% девушек и 89,5% юношей) подчеркивают, что каждая сфера жизни (семья, работа и др.) должна приносить положительные эмоции, удовлетворение, личную выгоду, при этом игнорируются, предположительно в силу возрастных особенностей, возможные возникающие трудности и проблемы. Самопожертвование во имя высоких целей в какой-либо сфере считается в настоящее время неприемлемым и «мешающим личностному росту» качеством.

Для подавляющего большинства девушек (94,6%) характерна ориентация на замужество: «моя цель в жизни – удачно выйти замуж». Большинству юношей (89,5%) свойственна ориентация, в первую очередь, на карьеру, высокооплачиваемую и интересную работу, семья же часто воспринимается ими как место отдыха и разгрузки.

Большинство студентов продемонстрировали положительное отношение к ребенку, материнству / отцовству, себе как будущему родителю. Они планируют создать семью, которая будет направлена на выполнение репродуктивных функций. Дети чаще всего воспринимаются студентами как объект ухода и заботы, а также воспитания и обучения, реже – как субъект, с которым общаются, играют, сотрудничают, т. е. преобладает видение операционально-технической стороны родительского отношения¹.

Последние данные (2020 г.) выявили достаточно большой процент студентов, причем как юношей, так и девушек, имеющих негативные установки к детям и будущему родительству: «дети – это обуза», «сначала нужно получить удовольствия от жизни, а потом рожать», «дети – это хорошо, но оно нам не надо», «дети – это что-то непонятное и я их не люблю», «дети – это организмы, не прошедшие стадию созревания», «дети

¹ Сухарева, Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации брачно-семейных отношений в представлениях молодежи провинции // Мир университетской науки: культура, образование. 2018. № 9. С. 97-106.

– это мини-люди», «дети – это бардак, хаос, вечно голодные, кричащие, неугомонные», «дети – это стресс», «дети – это радость бабушек и дедушек и всех окружающих», «дети – это бесполезно» и т.п.

В представлениях студентов качества, которыми должны обладать мать и отец, кардинально отличаются. В матери, как юноши, так и девушки, хотят видеть, в первую очередь, источник тепла, заботы, ласки, любви; ей они отводят роль психолога – должна уметь выслушать, сопереживать, сочувствовать. В отце студенты видят сильную личность, опору, надежного и уверенного человека; отводят ему роль защитника.

Таким образом, было выявлено, что в представлениях студентов о семье, супружестве, родительстве прослеживаются некоторые трансформации. Они указывают на то, что современные девушки и молодые люди имеют богатый сексуальный опыт до брака; они в более позднем возрасте создают семьи и рожают детей (после продвижения по карьерной лестнице); сожителство и рождение ребенка вне официальной регистрации брака является гораздо более распространенным явлением. Молодежь ощущает свои отличия как мужчин и женщин от старших поколений. Они считают, что современные семьи весьма разнообразны. Однако значительная часть юношей и девушек, живущих в провинции и воспитывающихся в детском возрасте в сельской местности, где вплоть до настоящего времени сильны традиционные представления о семье и ярко выражены гендерные стереотипы, чаще склоняются к традиционной модели семейного уклада. В то же время респонденты отмечают, что мужчина зачастую является главой семьи чисто формально, согласно сложившейся традиции.

Продолжением вышеназванного исследования было сравнение супружеских и родительских установок российской учащейся молодежи, проживающей в мегаполисе и провинции. В исследовании приняли участие 1001 студент, из них юноши, проживающие в городах-мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург) – 118 человек, в городах Российской Федерации (Саранск, Балашов) – 236, девушки из городов-мегаполисов – 187 человек, а из городов провинции – 460.

В ходе исследования использовалась анкета «Нормативные установки в сфере супружеских отношений» (авторы Е.В. Иоффе, И.С. Клецина)¹. Шкалы анкеты: «Доминантно-зависимая модель отношений», «Партнерская модель отношений», «Традиционный тип нормативных установок», «Эгалитарный тип нормативных установок».

Для определения типа нормативных установок в сфере супружеских отношений и модели отношений в паре сопоставляются значения по шкалам установок традиционного и эгалитарного типа. В случае сочетания

¹ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Методика изучения супружеских отношений на основе идей гендерного подхода // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Международной научной конференции. Москва-Иваново-Плес, 16-18 мая 2019 г. Иваново, 2019. С. 361-368.

значений «выше среднего» и «высокого» уровней по шкалам установок традиционного типа и значений «ниже среднего» и «низкого» уровней по эгалитарному типу, делается вывод о приверженности традиционному типу установок и/или модели отношений.

Соответственно, если сочетаются высокие значения по шкалам установок эгалитарного типа с низкими значениями по шкалам установок традиционного типа, делается вывод о приверженности эгалитарному типу установок и/или модели отношений. При сочетании средних значений («выше среднего» и «ниже среднего» или примерно равные значения) по шкалам с традиционными и эгалитарными установками можно заключить о приверженности респондента или группы (в случае анализа средних по группе значений) смешанному типу установок и/или модели отношений.

Результаты проведенного исследования и их интерпретация представлены ниже.

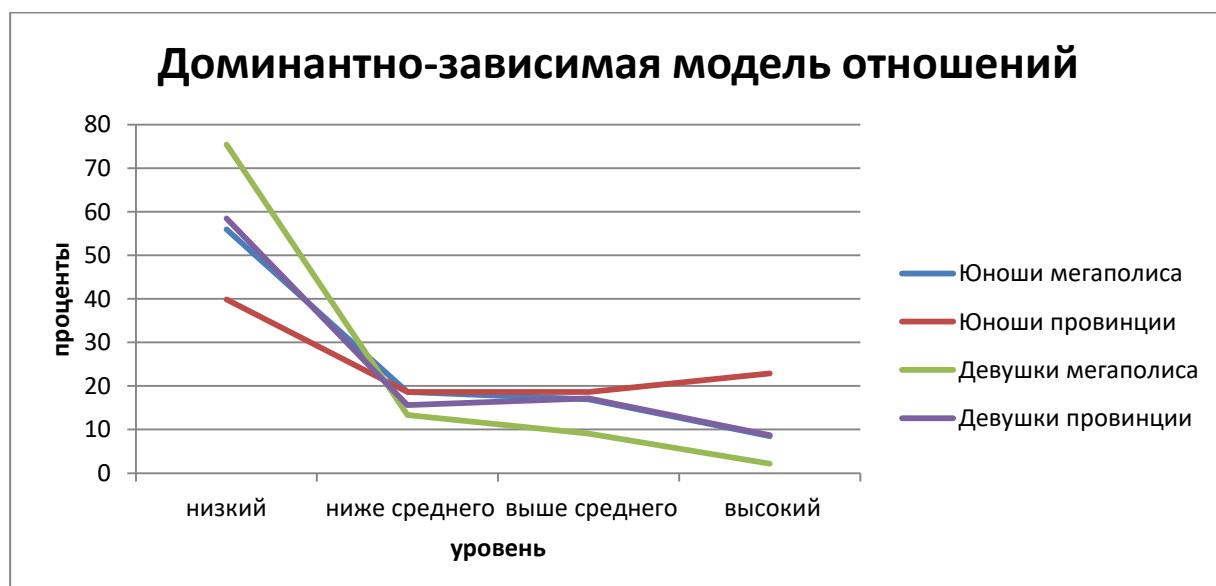

Рис. 1. Выраженность установок учащейся молодежи на доминантно-зависимую модель отношений в супружестве

Таблица 1

Процентное соотношение установок учащейся молодежи на доминантно-зависимую модель отношений в супружестве и родительстве

Уровень	Юноши		Девушки	
	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция
высокий	8,47	22,88	2,14	8,7
выше среднего	16,95	18,64	9,09	17,17
ниже среднего	18,64	18,64	13,37	15,65
низкий	55,93	39,83	75,4	58,48

Полученные данные подвергались математико-статистической обработке с помощью критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера. При этом проводился сравнительный анализ установок на доминантно-зависимую модель отношений в супружестве и родительстве: во-первых, студентов-юношей из мегаполиса и провинции; во-вторых, студентов-девушек из мегаполиса и провинции; в-третьих, студентов-юношей из мегаполиса и студентов-девушек из мегаполиса; в-четвертых, студентов-юношей из провинции и студентов-девушек из провинции. Результаты математико-статистического анализа представлены в таблицах 2–5.

Анализ таблицы 2 свидетельствует о наличии значимых различий в установках на доминантно-зависимую модель отношений студентов-юношей из мегаполиса и провинции. Несмотря на то, что значительная часть как юношей из мегаполиса (55,93%), так и юношей из провинции (39,83%) имеют низкий уровень ориентированности на данную модель, выявлены достоверно более высокие показатели в установках на доминантно-зависимую модель супружеских отношений в выборке юношей, проживающих в провинции и получающих высшее образование в региональных вузах.

Таблица 2

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении установок на доминантно-зависимую модель отношений студентов-юношей из мегаполиса и провинции

Уровень	Юноши		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 118 чел.	провинция 236 чел.	
высокий	8,47%	22,88%	3,601**
выше среднего	16,95%	18,64%	0,399
ниже среднего	18,64%	18,64%	0
низкий	55,93%	39,83%	2,874**

Примечание: $\phi_{\text{эмп}}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Таблица 3

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении установок на доминантно-зависимую модель отношений студентов-девушек из мегаполиса и провинции

Уровень	Девушки		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 187 чел.	провинция 460 чел.	
высокий	2,14%	8,7%	3,551**
выше среднего	9,09%	17,17%	2,79**
ниже среднего	13,37%	15,65%	0,749
низкий	75,4%	58,48%	4,174**

Примечание: $\phi_{\text{эмп}}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Данные таблицы 3 свидетельствуют о наличии достоверных различий в установках на доминантно-зависимую модель отношений студентов-девушек из мегаполиса и провинции. Во второй выборке уровень их выраженности выше. Однако, несмотря на это, большая часть как девушек из мегаполиса (75,4%), так и девушек из провинции (58,48%) имеют крайне низкий уровень ориентированности на данную модель.

Таблица 4

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении установок на доминантно-зависимую модель юношей и девушек из мегаполиса

Уровень	Мегаполис		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 118 чел., %	девушки 187 чел., %	
высокий	8,47	2,14	2,56**
выше среднего	16,95	9,09	1,99*
ниже среднего	18,64	13,37	1,208
низкий	55,93	75,4	3,53**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ таблицы 4 свидетельствует о наличии значимых различий в установках на доминантно-зависимую модель отношений юношей и девушек из мегаполиса. Несмотря на то, что большая часть как юношей (55,93%), так и девушек из мегаполиса (75,4%) имеют низкий уровень ориентированности на данную модель, выявлены достоверно более высокие показатели в установках на доминантно-зависимую модель супружеских отношений в выборке юношей из мегаполиса, нежели девушек.

Таблица 5

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении установок на доминантно-зависимую модель юношей и девушек из провинции

Уровень	Провинция		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 236 чел., %	девушки 460 чел., %	
высокий	22,88	8,7	4,983**
выше среднего	18,64	17,17	0,462
ниже среднего	18,64	15,65	0,961
низкий	39,83	58,48	4,708**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Данные таблицы 5 демонстрируют значимые различия в установках на доминантно-зависимую модель отношений юношей и девушек из

провинции. В выборке юношей эти установки выражены гораздо сильнее, нежели в выборке девушек. Нужно отметить, что из всех сопоставляемых выборок именно в выборке юношей из провинции процент респондентов, продемонстрировавших яркую приверженность данной модели, наиболее высок. Однако, несмотря на это, как уже отмечалось выше, многие как юноши (39,83%), так и девушки из провинции (58,48%) имеют низкий уровень ориентированности на доминантно-зависимую модель супружеских отношений.

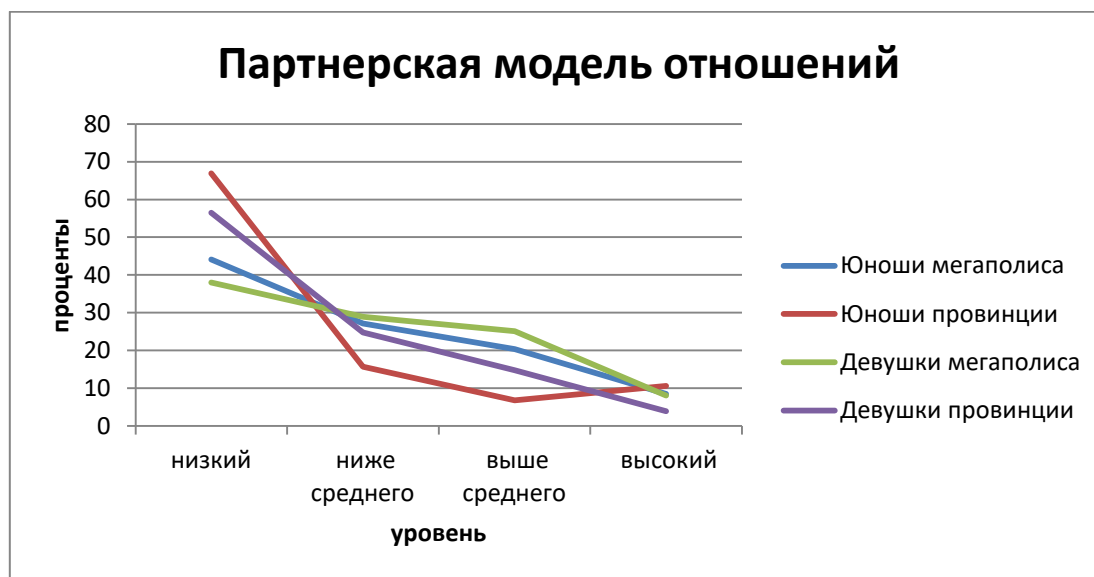

Рис. 2. Выраженность установок учащейся молодежи на партнерскую модель отношений в супружестве

Таблица 6

Процентное соотношение установок учащейся молодежи на партнерскую модель отношений в супружестве и родительстве

Уровень	Юноши, %		Девушки, %	
	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция
высокий	8,47	10,59	8,02	3,91
выше среднего	20,34	6,78	25,13	14,78
ниже среднего	27,12	15,68	28,88	24,78
низкий	44,07	66,95	37,97	56,52

Аналогичным образом проводился сравнительный математико-статистический анализ установок на партнерскую модель отношений в супружестве и родительстве: студентов-юношей из мегаполиса и провинции; студентов-девушек из мегаполиса и провинции; студентов-юношей из мегаполиса и студентов-девушек из мегаполиса; студентов-юношей из провинции и студентов-девушек из провинции. Результаты представлены в таблицах 7–10.

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера
при сопоставлении установок на партнерскую модель отношений
студентов-юношей из мегаполиса и провинции**

Уровень	Юноши		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 118 чел.	провинция 236 чел.	
высокий	8,47%	10,59%	0,63
выше среднего	20,34%	6,78%	3,61**

Окончание табл. 7

ниже среднего	27,12 %	15,68 %	2,484**
низкий	44,07 %	66,95 %	4,125**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ данных таблицы 7 свидетельствует о том, что крайне низкий уровень выраженности установок на партнерскую модель отношений в семейной жизни выявлен в выборке юношей, проживающих в провинции и получающих высшее образование в региональных вузах (66,95%). Между данной выборкой и выборкой студентов-юношей из мегаполиса обнаружены различия на однопроцентном уровне статистической значимости.

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера
при сопоставлении установок на партнерскую модель отношений
студентов-девушек из мегаполиса и провинции**

Уровень	Девушки		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 187 чел.	провинция 460 чел.	
высокий	8,02%	3,91%	2,029*
выше среднего	25,13%	14,78%	2,998**
ниже среднего	28,88%	24,78%	1,061
низкий	37,97%	56,52%	4,301**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ данных, представленных в таблице 8, свидетельствует о наличии достоверных различий в установках на партнерскую модель отношений девушек из мегаполиса и провинции. В первой выборке уровень их выраженности достоверно выше.

Таблица 9

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера
при сопоставлении установок на партнерскую модель отношений
юношей и девушек из мегаполиса**

Уровень	Мегаполис		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 118 чел.	девушки 187 чел.	
высокий	8,47%	8,02%	0,153
выше среднего	20,34%	25,13%	0,978
ниже среднего	27,12%	28,88%	0,340
низкий	44,07%	37,97%	1,063

Примечание: $\phi_{\text{эмп}}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ данных, представленных в таблице 9, свидетельствует об отсутствии достоверных различий в установках на партнерскую модель отношений в семейной жизни юношей и девушек из мегаполиса. На сегодняшнем этапе развития российского общества, так же как и западного, существует тенденция к построению отношений в семье на основе признания ценности и значимости каждого из ее членов, уважения и рассмотрения потребностей каждого при решении проблемных ситуаций. И эта тенденция в установках молодежи мегаполиса наиболее ярко выражена.

Таблица 10

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера
при сопоставлении установок на партнерскую модель отношений
юношей и девушек из провинции**

Уровень	Провинция		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 236 чел.	девушки 460 чел.	
высокий	10,59%	3,91%	3,309**
выше среднего	6,78%	14,78%	3,272**
ниже среднего	15,68%	24,78%	2,847**
низкий	66,95%	56,52%	2,71**

Примечание: $\phi_{\text{эмп}}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Сравнительный анализ уровней выраженности установок на партнерскую модель супружеских отношений юношей и девушек из провинции показывает, что в первой выборке крайние показатели (высокий уровень и низкий) встречаются достоверно чаще. В выборке девушек преобладают средние значения ориентированности на данную модель. По сравнению со студентами из мегаполиса (табл. 9) низкий уровень установок на партнерскую модель встречается гораздо чаще – приблизительно на 20%.

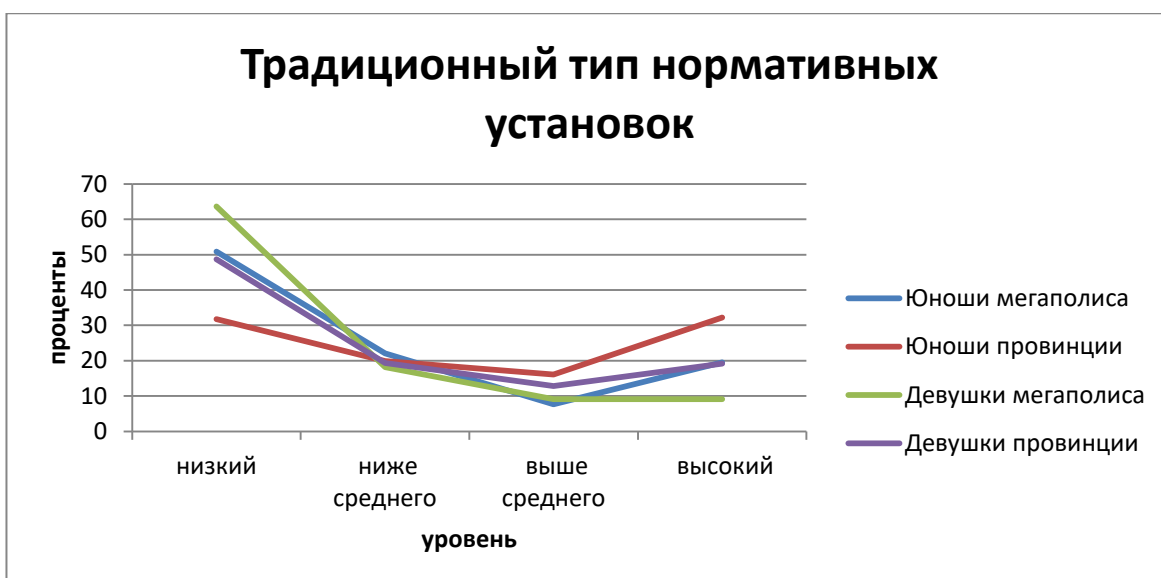

Рис. 3. Выраженность традиционных нормативных установок в супружестве учащейся молодежи

Таблица 11

Процентное соотношение традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве учащейся молодежи

Уровень	Юноши, %		Девушки, %	
	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция
высокий	19,49	32,2	9,09	19,13
выше среднего	7,63	16,1	9,09	12,83
ниже среднего	22,03	19,92	18,18	19,35
низкий	50,85	31,78	63,64	48,7

Далее перейдем к рассмотрению традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве. Результаты сравнительного математико-статистического анализа представлены в таблицах 12–15.

Таблица 12

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве юношей из мегаполиса и провинции

Уровень	Юноши		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 118 чел., %	провинция 236 чел., %	
высокий	19,49	32,2	2,59**
выше среднего	7,63	16,1	2,368**
ниже среднего	22,03	19,92	0,452
низкий	50,85	31,78	3,468**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ таблицы 12 свидетельствует о том, что примерно половина студентов-юношей из мегаполиса (50,85%) и треть студентов-юношей из провинции (31,78%) имеют низкий уровень выраженности традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве. Выявлены значимые различия между данными выборками – у юношей из провинции они сформированы на более высоком уровне.

Таблица 13

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве *девушек из мегаполиса и провинции*

Уровень	Девушки		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 187 чел.,%	провинция 460 чел.,%	
высокий	9,09	19,13	3,367**
выше среднего	9,09	12,83	1,372
ниже среднего	18,18	19,35	0,357
низкий	63,64	48,7	3,471**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Данные таблицы 13 свидетельствуют о наличии достоверных различий в уровне выраженности традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве девушек из мегаполиса и провинции. Во второй выборке уровень их выраженности выше. Однако, несмотря на это, значительная часть как девушек из мегаполиса (63,64%), так и девушек из провинции (48,7%) имеют низкий уровень сформированности данных установок.

Таблица 14

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве *юношей и девушек из мегаполиса*

Уровень	Мегаполис		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 118 чел.,%	девушки 187 чел.,%	
высокий	19,49	9,09	2,569**
выше среднего	7,63	9,09	0,459
ниже среднего	22,03	18,18	0,808
низкий	50,85	63,64	2,186*

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ таблицы 14 свидетельствует о наличии значимых различий в уровне выраженности традиционных нормативных установок юношей и девушек из мегаполиса. Несмотря на то, что большая часть студентов

(50,85% и 63,64% соответственно) имеют низкий уровень сформированности данных установок, выявлены достоверно более высокие показатели по этому типу в выборке юношей из мегаполиса, нежели девушек.

Таблица 15

Эмпирические показатели критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера при сопоставлении традиционных нормативных установок в супружестве и родительстве юношей и девушек из провинции

Уровень	Провинция		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 236 чел., %	девушки 460 чел., %	
высокий	32,2	19,13	3,21**
выше среднего	16,1	12,83	1,174
ниже среднего	19,92	19,35	0,162
низкий	31,78	48,7	4,334*

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Таблица 15 демонстрирует значимые различия в уровне выраженности традиционных нормативных установок в супружестве юношей и девушек из провинции. В выборке юношей эти установки выражены гораздо сильнее, нежели в выборке девушек. Примечательно, что из всех сопоставляемых выборок именно здесь процент респондентов, продемонстрировавших яркую приверженность установкам на главенство мужчины, распределение обязанностей на «чисто мужские» и «чисто женские», единоличное принятие решений мужем и т.п., наиболее высок (32,2%).

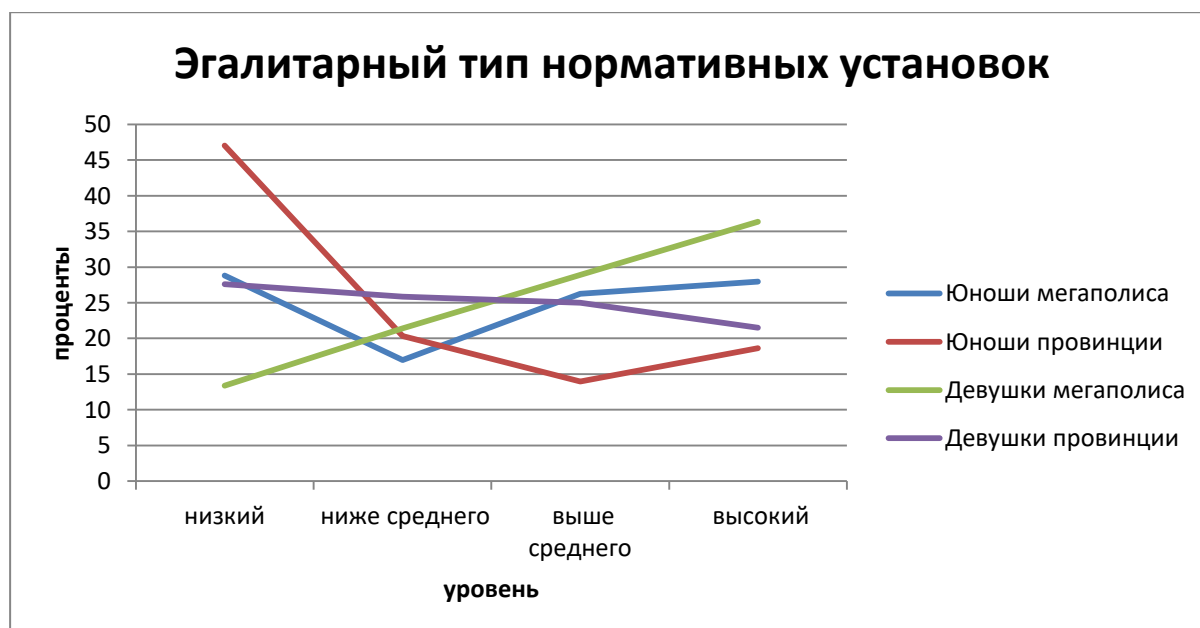

Рис. 4. Выраженность эгалитарных нормативных установок в супружестве учащейся молодежи

**Процентное соотношение эгалитарных нормативных установок
в супружестве и родительстве учащейся молодежи**

Уровень	Юноши		Девушки	
	мегаполис	провинция	мегаполис	провинция
высокий	27,97	18,64	36,36	21,52
выше среднего	26,27	13,98	28,88	25
ниже среднего	16,95	20,34	21,39	25,87
низкий	28,81	47,03	13,37	27,61

Перейдем к рассмотрению последней шкалы методики – выраженности эгалитарных нормативных установок в супружестве. Результаты сравнительного математико-статистического анализа представлены в таблицах 17–20.

Таблица 17

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера
при сопоставлении эгалитарных нормативных установок в супружестве
и родительстве юношей из мегаполиса и провинции**

Уровень	Юноши		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 118 чел.,%	провинция 236 чел.,%	
высокий	27,97	18,64	1,978*
выше среднего	26,27	13,98	2,75**
ниже среднего	16,95	20,34	0,754
низкий	28,81	47,03	3,353**

Примечание: $\phi_{\text{эмп}}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{эмп}}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ таблицы 17 свидетельствует о том, что между выборками студентов-юношей из мегаполиса и провинции существуют достоверные различия в эгалитарных нормативных установках в супружестве и родительстве. В первой выборке они сформированы на более высоком уровне, т.е. юноши из мегаполиса больше ориентированы на выстраивание отношений, при которых ни один из супругов не претендует на безусловную власть, строгое распределение социальных ролей и бытовых обязанностей.

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении эгалитарных нормативных установок в супружестве и родительстве *девушек из мегаполиса и провинции*

Уровень	Девушки		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	мегаполис 187 чел.,%	провинция 460 чел.,%	
высокий	36,36	21,52	3,816**
выше среднего	28,88	25	1,015
ниже среднего	21,39	25,87	1,222
низкий	13,37	27,61	4,105**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ данных, представленных в таблице 18, свидетельствует о наличии достоверных различий в эгалитарных нормативных установках девушек из мегаполиса и провинции. В первой выборке уровень их выраженности достоверно выше. Девушки, проживающие и получающие высшее образование в мегаполисе, более ориентированы на создание равноправных отношений в своей будущей семье.

Таблица 19

Эмпирические показатели критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера при сопоставлении эгалитарных нормативных установок в супружестве и родительстве *юношей и девушек из мегаполиса*

Уровень	Мегаполис		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 118 чел.,%	девушки 187 чел.,%	
высокий	27,97	36,36	1,531
выше среднего	26,27	28,88	0,493
ниже среднего	16,95	21,39	0,952
низкий	28,81	13,37	3,258**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Результаты математико-статистического анализа, представленные в таблице 19, показывают различия между юношами и девушками из мегаполиса лишь по низкому уровню выраженности эгалитарных нормативных установок в супружестве, который чаще фигурирует в выборке юношей. В целом, у современной молодежи установки на равный брак, предполагающий взаимозаменяемость ролей, умение каждого из супругов быть как лидером, так и ведомым и т. д., достаточно широко распространены.

**Эмпирические показатели критерия ϕ^* -Фишера при сопоставлении
эгалитарных нормативных установок в супружестве и родительстве
юношей и девушек из провинции**

Уровень	Провинция		Эмпирические показатели критерия ϕ^*
	юноши 236 чел.,%	девушки 460 чел.,%	
высокий	18,64	21,52	0,899
выше среднего	13,98	25	3,497**
ниже среднего	20,34	25,87	1,661*
низкий	47,03	27,61	5,058**

Примечание: $\phi_{эмп}^*$ – при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ – при $p \leq 0,01$ (2,31).

Анализ данных, представленных в таблице 20, свидетельствует о том, что в выборке студентов-юношей из провинции эгалитарные нормативные установки в супружестве и родительстве гораздо менее представлены, нежели в представлениях девушек. Юноши, проживающие в селе или небольшом городе и получающие образование в местном вузе, более консервативны в вопросах семейного уклада.

Таким образом, сравнительное исследование супружеских и родительских установок российской учащейся молодежи, проживающей в мегаполисе и провинции, позволяет сделать следующие выводы:

1) студенты-юноши из мегаполиса, по сравнению со студентами-юношами из провинции, имеют более выраженные установки на партнерскую модель отношений и эгалитарные нормативные установки в супружестве и родительстве; юноши, проживающие в селе или небольшом городе и получающие образование в местном вузе, более склонны к доминантно-зависимой модели отношений и традиционному типу нормативных установок;

2) студенты-девушки из мегаполиса, по сравнению со студентами-девушками из провинции, также имеют более выраженные установки на партнерскую модель отношений и эгалитарные нормативные установки; они больше ориентированы на выстраивание отношений, при которых ни один из супругов не претендует на безусловную власть, строгое распределение социальных ролей и бытовых обязанностей;

3) студенты-юноши из мегаполиса, по сравнению со студентами-девушками из мегаполиса, менее склонны к партнерской модели отношений и эгалитарным нормативным установкам в супружестве и родительстве; у девушек чаще фигурируют установки на равный брак, предполагающий взаимозаменяемость ролей, умение каждого из супругов быть как лидером, так и ведомым и т. д.;

4) студенты-юноши из провинции, по сравнению со студентами-девушками из провинции, более склонны к доминантно-зависимой модели

отношений и традиционному типу нормативных установок в супружестве и родительстве.

Таким образом, выборкой, наиболее консервативной в сфере супружеских и родительских установок, являются юноши из провинции. Данный вывод подтверждает результаты предыдущих наших исследований: студенты, проживающие в городах Российской Федерации (Саранск, Балашов) и воспитывающиеся в детском возрасте в сельской местности или небольшом городе, где вплоть до настоящего времени сильны традиционные представления о семье и ярко выражены гендерные стереотипы, чаще склоняются к традиционной модели семейного уклада. В представлениях многих студентов существует смешанный тип брачно-семейных отношений, в котором уживаются элементы как традиционной, так и новых моделей семьи.

3.2 Образование как инструмент формирования гендерной ментальности

Образование, с точки зрения современной науки, – это подсистема культуры, которая в любом государстве является важным социально-идеологическим механизмом формирования гендерной идентичности каждого обучающегося и гендерной ментальности нации в целом. Полоролевая социализация молодого поколения осуществлялась задолго до того, как появилось образование в современном смысле слова. Испокон веков взрослые обучали мальчиков и девочек полоспецифическим правилам поведения (ролям) в семье и обществе, женскому и мужскому труду, используя традиционный подход, основанный на «здоровом смысле» и принципе «делай, как я». Но когда образование выделилось как подсистема и институт, необходимый обществу и государству для «внегенетической» (И.Е. Видт) и *контролируемой передачи новому поколению* ценностей, норм и правил жизни, наследование гендерного уклада, идеалов маскулинности и феминности сразу стало его неотъемлемой частью.

Исследование традиций полоролевой социализации молодого поколения в контексте отечественного образования показало, что, с одной стороны, становление образования как социального института (его масштабы и уровни, доступность, идеалы и содержание) изначально обуславливалось и нормировалось гендерной идеологией и гендерным укладом российского общества, а с другой – через образование как подсистему культуры и элемент государственного устройства новому поколению целенаправленно передавались ранее сложившиеся и / или предлагались новые идеалы маскулинности и феминности, моделировалось поведение мужчин и женщин различных сословий, классов и слоев населения¹.

Показательным примером изменения культуры российского общества через моделирование в образовательных учреждениях гендерной социализации молодого поколения стал знаменитый проект «воспитания новой породы отцов и матерей» Екатерины Великой и И.И. Бецкого. Основная задача проекта состояла в том, чтобы учредить в России (хотя бы только в семьях правящего сословия дворян и высших чиновников) более цивилизованный уклад жизни, релевантный канонам просвещенного западноевропейского общества второй половины XVIII в. Результат известен всему миру и описан в романах русских писателей XIX века, в которых представлен духовный мир и культура российского дворянства, воспитанного в кадетских корпусах и институтах благородных девиц, основанных в XVIII в.

¹ Штылева Л.В. Гендерная социализация школьников в российском образовании: теория, история и современная практика : монография. СПб. : НИЦ АРТ, 2018. 320 с.

В одном ряду с проектом Екатерины Великой (по влиянию и масштабам изменений, как в гендерных нормах социализации молодого поколения, так и в жизни общества в целом) стоит советский образовательный проект XX в. под названием «единая трудовая политехническая школа с совместным обучением мальчиков и девочек». В рамках советского проекта произошли кардинальные изменения социально-педагогических идеалов гендерной социализации, как мальчиков, так и девочек, но девочек и молодых женщин в особенности.

Результатом этого проекта, по свидетельствам современников, уже в 1930-е гг. стало высвобождение колоссального потенциала талантов и творчества женской половины населения страны, включение женщин в общественное производство, изменение ментального и духовного облика российской женщины, гендерных отношений в семье и обществе.

С тех пор в массовом сознании россиян (и самих женщин, прежде всего) прочно укоренился образ женщины, неразрывно связанный с образованностью, культурой, сочетанием семейной и профессиональной ролей, с активным участием в общественной жизни и творчеством.

Таким образом, влияние образования на формирование *гендерной ментальности* молодого поколения, под которым подразумевается огромный спектр феноменов, «...включенных во все аспекты онтологии и психологии человека и общества, касающихся понимания людей как представителей того или иного пола, и следующих из этого когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих паттернов»¹ является бесспорным.

Основными компонентами гендерной ментальности, по мнению авторов пособия «Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности» (2019), являются следующие: гендерная идентичность и самосознание, гендерные отношения, гендерные установки в разных сферах жизни, гендерные стереотипы и нормы. Основными механизмами усвоения гендерной ментальности являются идентификация и социализация в основных институтах общества – в семье, образовании и пр.

При этом важно обращать внимание на содержание и направленность различных факторов и механизмов гендерной социализации молодого поколения. Так, исследованиями зарубежных и отечественных ученых неоднократно доказано, что образование обладает как позитивным, так и негативным потенциалом гендерной социализации.

¹ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / под науч. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

В 1990-х гг. психологом Л.В. Поповой на примере учащихся специализированных московских школ было установлено, что даже высокоразвитые способности не являются гарантией будущих успехов девочек в условиях гендерно асимметричной образовательной среды. Как выяснилось, «...несмотря на высокие способности и перспективы учиться в наиболее престижных вузах страны, девочек-подростков отличала склонность к выбору профессий более низких по социально-экономическому статусу (оператор ЭВМ, но не программист), имеющих исполнительский или обслуживающий характер (секретарь-референт), они чаще, чем мальчики, видели трудности, стоящие на их профессиональном пути»¹.

Заниженная самооценка одаренных девочек, по заключению Л.В. Поповой, обуславливалась влиянием ряда факторов школьной среды, наиболее значимыми среди которых оказались следующие: *сексизм отечественных школьных учебников, стереотип о невозможности совмещения женщиной успешной профессиональной деятельности и счастливой семейной жизни, полоролевые стереотипы учителей, воспроизводящих патриархатные взгляды на жесткое разграничение функций полов в семье и обществе и др.* В заключении отмечалось, что «...под влиянием полоролевых стереотипов девочки с ярко выраженными способностями не выделяют активную, деятельную жизнь, уверенность в себе, высокие притязания и образованность в качестве ценностей, обеспечивающих самореализацию. Ориентированность девочек на обслуживание семьи в определенной степени предопределяет их будущий заниженный статус»².

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что в психологическом исследовании 1999 г. речь шла о влиянии гендерного компонента педагогической культуры на формирование жизненных стратегий одаренных школьников и школьниц. Поэтому не случайно гендерные исследования образования в педагогике, в первую очередь, направлены на выявление социально-педагогических факторов, которые обуславливают формирование гендерных представлений и идеалов обучающихся, определяют специфику «маршрутизации» познавательных интересов мальчиков и девочек, способствуют формированию гендерной идентичности каждого ученика и каждой ученицы и, в конечном итоге, определяют направленность гендерной ментальности молодого поколения.

Как показали наши исследования, исследования предшественников и коллег-современников, к основным факторам гендерной социализации детей и подростков в рамках любой образовательной модели относятся следующие:

¹ Попова Л.В. Некоторые тенденции в ценностных ориентациях девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 35-38.

² Там же. С. 38.

– гендерные идеалы педагогов и руководителей ОУ, особенности их педагогического взаимодействия с учащимися женского и мужского пола;

– ученические коллективы и группы сверстников как субъекты и проводники гендерных ценностей и отношений, доминирующих в семье и обществе;

– гендерный контекст содержания образования и учебно-методических комплексов ОУ (целей и задач образования мальчиков и девочек, программ, учебников и учебно-методических пособий, хрестоматий, визуальных средств обучения и др.);

– гендерный контекст воспитательных мероприятий (внеклассных и внешкольных);

– гендерные характеристики организационной среды образовательного учреждения в целом (гендерный состав педагогов и их статусные диспозиции; учет (или его отсутствие) специфики пола в оборудовании специальных помещений и учебных аудиторий; гендерный аспект наглядного оформления классов и других помещений ОУ и др.)¹.

Совокупность вышеперечисленных факторов, репрезентирующих отражение гендерных характеристик типа культуры в социально-педагогическом идеале, в институте и в процессе образования, непосредственно в педагогической практике образует гендерный компонент педагогической культуры и образования.

Ядром педагогической культуры любой эпохи является социально-педагогический идеал образования (в широком смысле слова), который, по заключению И.Е. Видт, представляет идеал воспитания индивида, способного реализовать себя в условиях актуальной культуры и обеспечить ее потенциальное развитие.

Гендерный компонент социально-педагогического идеала образования, соответствующего типу культуры, выражается в представлениях (педагогических взглядах) педагогов и родителей о нормативной маскулинности и фемининности, о месте и ролях мужчин и женщин в семье и обществе, о сферах и стратегиях их самореализации, о полотилических личностных качествах и способах их воспитания и др.

Эти представления, как показали исследования, влияют на определение целей, содержания и условий образования мальчиков и девочек, обуславливают особенности ежедневного педагогического взаимодействия между учащимися и учителями, между обучающимися и их одноклассниками, как во время уроков, так и во внеурочной деятельности.

В процессе взаимодействия гендерного компонента образования и личности ученика(-цы) происходит непрерывное конструирование и

¹ По данным нашего исследования и исследований наших предшественников (И.С. Кон, И.С. Клецина, О.И. Ключко, Л.В. Попова, А.В. Смирнова, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.).

изменение гендерной идентичности как системообразующего элемента Я-концепции «ключевого субъекта культуры» (И.Е. Видт), происходит развитие гендерного аспекта миропонимания будущих мужчин и женщин, которым, в свою очередь, обуславливается выбор жизненных стратегий, целей и сфер самореализации выпускников, их отношения к школьным дисциплинам и к учению в принципе.

Таким образом, как показали наши исследования, среди всех элементов гендерного компонента педагогической культуры наиболее значимыми являются *гендерные представления и идеалы педагогов*, положенные в основу социально-педагогических идеалов воспитания мальчиков и девочек и специфики ежедневного педагогического взаимодействия учителя с учащимися женского и мужского пола. Согласно современным подходам, мальчикам и девочкам в образовании должны быть созданы равные условия для раскрытия их способностей и задатков, для чего в случае гендерного разрыва должны приниматься меры, способствующие выравниванию условий.

Исследования 1990–2000-х гг., показали, что практика отечественного образования далека от идеалов гендерного равенства, которые подразумевают равенство доступа к образованию, равенство обращения с мальчиками и девочками в процессе образования и равенство результатов образования для обучающихся обоего пола.

О неравенстве обращения с обучающимися, основанном на признаках пола, свидетельствуют следующие результаты исследований:

– российские педагоги подразделяют школьные дисциплины и занятия на «женские» и «мужские», как правило, относя математику, физику и информатику, работу с техникой и инструментами к сфере предпочтительной для мальчиков, а девочек ориентируя на гуманитарные дисциплины и обслуживающие сферы труда (О.А. Воронина, 1998; Н.В. Осетрова, 2002; Л.В. Попова, 1999 и др.);

– учителя необоснованно приписывают мальчикам априори более высокий уровень способностей к математике, физике и информатике и не ожидают проявления способностей к этим предметам у девочек, не мотивируют их к углубленным занятиям естественно-математическими дисциплинами;

– успехи и неудачи мальчиков и девочек, по данным исследований психологов (Л.В. Попова, 2003), педагоги объясняли разными причинами: успехи мальчиков объяснялись одаренностью, а неудачи – разгильдяйством и ленью. В то же время успехи девочек интерпретировались исключительно как результат упорства, трудолюбия и усидчивости, а неудачи – как естественное следствие более низкого уровня способностей;

– незаинтересованность учителей в ориентации девочек на математические и естественнонаучные дисциплины, как показали исследования, была обусловлена их собственными представлениями о

различиях между женским и мужским предназначением, между женским и мужским трудом. В неформальном общении педагогами в учительских неоднократно высказывалась точка зрения, что «мальчики станут мужчинами и им придется овладеть «серьезной» профессией, чтобы «кормить семью», а девочки «родят и математику забудут».

По мнению ученых, именно «...вера в то, что есть «мужские» и «женские» профессии» – наиболее вредоносный гендерный стереотип, который «...негативно сказывается, как на мужчинах, так и на женщинах»¹. Таким образом, при активном участии педагогов в школьном (и не только) образовании длительное время поддерживаются фактически неравные условия для самоактуализации и развития личностного потенциала мальчиков и девочек.

На наш взгляд, основной причиной приверженности российских педагогов традиционной парадигме в воспитании молодого поколения является отсутствие критической рефлексии психолого-педагогической сущности и социальных последствий стихийного полоролевого подхода, укорененного в практиках школьного и дошкольного образования. В современных условиях в его основе лежит гендерная необразованность учителей и педагогов, недостаточная разработанность в отечественной педагогике внятной теории гендерного компонента педагогической культуры и образования.

С целью изучения современного состояния гендерных представлений педагогов нами было проведено два исследования по единой методике с интервалом в 16 лет.

В исследованиях мы исходим из убеждения, что гендерные представления учителей и воспитателей обуславливают их дифференцированный подход к обучению и воспитанию мальчиков и девочек в рамках как совместного, так и отдельного образования.

В основу теоретико-методологической платформы исследований положены социоконструктивистский (гендерный) подход и гендерный анализ, классификация гендерных стереотипов (И.С. Клецина, 1998) и теория гендерных норм (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе, 2017). Под гендерным подходом имеется в виду научная методология, в содержании которой главной является идея *социокультурной детерминации социального неравенства полов*. Гендерный подход акцентирует внимание на том, что традиционно считающиеся «естественными» социальные различия и неравенство между полами имеют под собой не биологические, а социокультурные основания, поэтому многие из них могут быть устранены при изменении условий, детерминирующих развитие личности. При этом, согласно конструктивистскому подходу, полоспецифические различия в поведении мужчин и женщин (мальчиков и девочек) обуславливается

¹ Яковлева Ю. Дискриминация по половому признаку: мифы и реальность. URL : <http://www.eawfpress.ru/press-tsentr/news/jen/diskriminatsiya-po-polovomu-priznaku-mify-i-realnost/> (дата обращения: 26.02.2018).

гендерными нормами, которые представляют собой «...правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп»¹. Следовательно, гендерный анализ исходит из того, что различия в поведении мужчин и женщин (мальчиков и девочек) обуславливаются скорее социокультурными нормами, нежели физиологическими или биологическими особенностями полов.

Первое исследование проведено в 2000–2001 гг. среди педагогов г. Мурманска и Мурманской области, слушателей факультета повышения квалификации руководителей образования Мурманского государственного педагогического университета. В качестве генеральной совокупности выступили педагоги детских садов и средних школ, руководители образовательных учреждений, которые обучались в тот период гендерному подходу к образованию на факультете повышения квалификации и участвовали в образовательно-исследовательских проектах по дошкольному и школьному образованию (2000–2001 гг.). Объем исследовательской выборки – 166 респондентов, 164 из которых – лица женского пола. Все участники исследования имели высшее педагогическое образование. Четверть всех опрошенных – педагоги дошкольного образования. Возраст респондентов находился в интервале от 28 до 52 лет, педагогический стаж – от 5 до 25 лет.

Второе исследование проведено в феврале – апреле 2017 г. в Москве среди педагогов ФГКОУ Московского Кадетского корпуса – Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ (далее – Пансион). В исследовании приняли участие 105 педагогов (учителя-предметники, воспитатели и методисты, психологи), в том числе 2 педагога мужского пола. Возраст респондентов находился в интервале от 24 до 55 лет. Все участники имели высшее педагогическое образование и стаж педагогической работы от 3 до 25 лет.

Сбор данных осуществлялся посредством письменного анкетирования респондентов по варианту опросника «Что я думаю о женском и мужском в образовании?», а также в результате анализа тематических эссе участников цикла семинаров по гендерному подходу в образовании². Гендерные представления педагогов, исследуемые опросником, касались двух важных и связанных между собой аспектов гендера в образовании: восприятия педагогами гендерных различий между полами и гендерных идеалов воспитания молодого поколения. В частности, исследовалось восприятие педагогами следующих проблем:

¹Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Проспект, 2017. С. 13.

² Штылева Л.В. Исследование гендерных характеристик студентов // Гендерная психология : практикум / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 46-55.

- феномена различий между полами (п. 1, 3, 5);
- гендерных различий в профессиональных ролях (п. 2);
- причин (обусловленности) различий между мальчиками и девочками в обучении и воспитании (п. 4).

Одновременно исследовались:

- содержание гендерных идеалов работников образования (п. 1, 2);
- источники их представлений о различиях между мальчиками и девочками в образовании (п. 6).

Обработка эмпирических данных исследования 2000–2001 гг. осуществлялась методом контент-анализа (все количество выборов в каждом вопросе взято за 100%) и сравнительного анализа текстов. Обработка данных второго исследования (2017 г.) велась методами группировки и типологизации данных, ранжирования, сравнения средних чисел, частотного анализа и анализа соответствий.

Интерпретация результатов исследования 2000–2001 гг.

Первый пункт опросника – «Что значит быть «настоящей женщиной» или «настоящим мужчиной»? Какие женские и мужские качества ассоциируются у Вас с этими понятиями?» – ориентирован на выявление представлений педагогов об идеалах маскулинности и фемининности, о сходствах и различиях в их характеристиках, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности женщин и мужчин. Респондентам было предложено продолжить неоконченные предложения («Быть настоящей женщиной – означает быть...» и «Быть настоящим мужчиной – означает быть...»), вписав не более 6 «женских» и «мужских» качеств в соответствующие разделы таблицы.

В результате анализа полученных ответов было выявлено несколько сфер репрезентации женского и мужского, в которых, по мнению респондентов, наиболее заметны отличия, и сравнить их соотношение в идеальных образах женщин и мужчин (см. табл. 1). Сравнение содержательных характеристик репрезентации идеальной маскулинности и фемининности показало, что идеальная женщина, по мнению педагогов, должна, в первую очередь, быть матерью, хозяйкой и женой. При этом она должна уделять много внимания своей внешности (следить за собой, быть обаятельной, красивой, привлекательной, элегантной и т.д.), одновременно быть умной и мудрой, образованной и независимой. В отношениях с другими людьми у «настоящей женщины» должны преобладать такие качества, как доброта, нежность, любовь, ласка и терпение.

Настоящий мужчина, по оценкам педагогов, должен быть, прежде всего, умным, добрым, надежным, мужественным, порядочным и хорошим отцом. Образ идеального мужчины в представлениях женщин-педагогов – это образ высокоинтеллектуального семьянина, заботящегося о женщине, у которого на первом месте находится интеллектуальная, т.е. профессиональная, сфера, а уже потом семья и все остальное (см. табл. 1).

Вопрос № 1. Идеалы маскулинности и фемининности

Быть «настоящей женщиной», это быть...(какой?)	Количество во выборах, %	Быть «настоящим мужчиной», это быть...(каким?)	Количество выборов, %
Внешность и манера поведения			
Обаятельная	2,8		
Красивая	1,6		
Привлекательная	1,4		
Элегантная	1,2		
Отношение к браку, семье, детям			
Любящая (хорошая) мать	5,6	Любящий (хороший) отец	4,1
Любящая (хорошая) жена	2,9	Умеющий материально обеспечить семью	3,4
Хозяйственная, домовитая	4,7		
Интеллектуальная сфера			
Умная	5,3	Умный	9,2
Мудрая	2	Образованный	6,1
Образованная	1,8		
Отношение к себе			
Женственная	5,1	Мужественный	4,1
Независимая	2,2	Уверенный в себе	3,1
Сфера межличностных отношений			
Добрая	6,8	Добрый	6,3
Нежная	3,4	Надежный	5,5
Любящая	3	Заботливый	3,5
Ласковая	2,5	Ответственный	3,4
Терпеливая	2,5	Внимательный	2,9
Коммуникабельная	2,4	Любящий	1,8
Любимая	2,4	Порядочный	4,3

Представления педагогов о полотиических и полоролевых различиях между женщинами и мужчинами нашли свое подтверждение и в ответах на следующий вопрос о правомерности разделения профессий на «женские» и «мужские». Все респонденты, ответившие на вопрос: «Как вам кажется, существуют ли по-настоящему «женские» и «мужские» профессии? Если «да», то приведите примеры», дали утвердительный ответ и указали профессии. При этом примеров мужских профессий оказалось в два раза больше, чем женских, что подтвердило ориентацию «мужского» образа и доминирующей сферы жизни мужчины на профессиональную деятельность (см. сравнительную табл. 2).

Женские профессии распределились по следующим сферам: наука и образование, торговля и бытовое обслуживание, медицина, промышленность (легкая и пищевая), государственная и муниципальная служба, культура и искусство, сельское хозяйство, строительство, связь,

сфера управления и др. Наибольшее количество выборов получили следующие сферы и профессии: *образование* (воспитатель ДООУ, помощник воспитателя ДООУ, учитель, педагог); *сфера обслуживания* (продавец, уборщица, портниха, парикмахер); *медицина* (медсестра и врач); *легкая промышленность* (швея, ткачиха). Среди «типично женских профессий», получивших наибольшее количество выборов, – воспитатель (13,1%), продавец (7%), медсестра (6,2%), помощник воспитателя (4.5%), учитель (4.3%), секретарь-референт (4%).

Мужские профессии, помимо названных сфер, дополнились новыми: тяжелая промышленность, силовые структуры (милиция, МЧС, армия), транспорт, политика, коммерческая деятельность (бизнес). Отличительной характеристикой перечня мужских профессий от перечня женских стало преобладание профессий, связанных с тяжелым физическим трудом и с опасностью (риском) для жизни. Наибольшее количество выборов среди сфер профессиональной самореализации мужчин получили следующие: *тяжелая промышленность* (в т.ч. добывающая – горнодобыча и рыбодобыча), *транспорт, строительство, силовые структуры* (в т.ч. вооруженные силы). Среди «типично мужских профессий» наибольшее количество выборов получили: шахтер (7.8%), моряк (5.5%), военнослужащий (5.2%), летчик (4.8%), водитель (4.4%), слесарь (3.4%).

Таблица 2

Вопрос № 2. О «женских» и «мужских» профессиях

№ п/п	Категории / Профессиональные сферы	Количество выборов (в %)	
		Женские профессии	Мужские профессии
1	Наука и образование	29,5	2,4
2	Сфера обслуживания	25	1,1
3	Коммерческая деятельность, сфера бизнеса	0	0,6
4	Медицина	14	2,7
5	Промышленность (легкая / тяжелая)	12,3	31,4
6	Силовые структуры в целом (МВД, МЧС, МО)	0	13,9
7	В т.ч. Армия	0	10,1
8	Сельское хозяйство	1	1,7
9	Служащие	8,8	1,4
10	Культура и искусство	5,4	0,3
11	Домоводство, быт	2,7	0,1
12	Транспорт	0	16,7
13	Строительство	0,3	18,7
14	Связь	0,5	0
15	Политика	0	0,5
16	Сфера управления	0,5	1,2
17	Другие отрасли и профессии	2,9	4,4
18	Руководящие должности в разных сферах	0,5	2,7
	Итого:	100	100

По мнению педагогов, у мужчин, во-первых, гораздо больше сфер (и возможностей) профессиональной самореализации, чем у женщин, что, на наш взгляд, объясняется укорененными в культуре представлениями о главном предназначении мужчины – быть добытчиком, а также представлениями об универсальности мужского потенциала, способного реализоваться практически в любой сфере деятельности (перечни мужских и женских профессий, за небольшими исключениями, совпадают).

Во-вторых, перечисленные в ответах «типично женские» профессии, в отличие от большинства «типично мужских» профессий, не связаны с техникой и технологиями, требующими высокого уровня образования и профессиональной подготовки, характеризуются как обслуживающие и вспомогательные (за исключением профессии «учитель»).

Наконец, «типично мужские» профессии в представлениях учителей и педагогов ДООУ на рубеже XX–XXI веков, как правило, были связаны с тяжелыми физическими и психологическими нагрузками, предполагающими использование «типично мужских качеств» (ловкость, сила, умение быстро концентрироваться, сосредотачиваться, долго сохранять пристальное внимание, быстро ориентироваться в ситуации и принимать решения и др.).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что педагогам присущи стереотипные представления о «настоящей женщине» и «настоящем мужчине», разделении профессий по признаку пола, свойственные традиционной культуре XIX – первой половины XX вв. Образ «настоящей женщины» в представлениях педагогов ассоциировался, прежде всего, с образом женщины-матери и хранительницы домашнего очага, наделенной соответствующими морально-нравственными качествами, позволяющими ей заботиться о членах семьи, поддерживать психологический комфорт в доме. Современность добавила к набору традиционных качеств «нормативной женственности» обязательное сочетание красоты, образования и интеллектуального развития. «Настоящий мужчина» описан педагогами, прежде всего, как умный и образованный профессионал, способный обеспечить материально семью и заботиться о благополучии ее членов. Типично женские профессиональные сферы в представлениях педагогов также были связаны с обслуживанием, уходом и вспоможением, воспитанием и обучением детей, а мужские – с современной техникой, сложным производством и военными технологиями.

Наше исследование подтвердило обусловленность социально-педагогических идеалов гендерной социализации мальчиков и девочек в образовании гендерными идеалами и представлениями педагогов. Так, размышляя над вопросом о различиях в воспитании девочек и мальчиков, педагоги видели свою задачу в подготовке девочек к семейной жизни, роли матери и ведению домашнего хозяйства (42% всех выборов против 13,2%

по тем же позициям в воспитании мальчиков), в воспитании соответствующих этим задачам качеств: доброты, ласки, нежности, аккуратности, мягкости и др.

В воспитании мальчиков приоритетной задачей названа подготовка к трудовой деятельности и образованию (21,7% против 0,8% по той же позиции у девочек), а среди наиболее значимых качеств – ответственность, сила воли, выносливость, смелость, целеустремленность, умение принимать решения и др.

Как следовало из ответов на соответствующий вопрос анкеты, во взглядах на различия в обучении и воспитании мальчиков и девочек более половины педагогов руководствовались гендерными стереотипами обыденного сознания, которые они отнесли к категориям «здоровый смысл», «традиции и обычаи». Лишь каждый пятый педагог считал, что пользовался сведениями из институтского курса педагогики, психологии или современной научно-методической литературы.

Обобщая результаты первого исследования, подчеркнем, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. ключевой элемент гендерного компонента педагогической культуры, обуславливавший формирование гендерных стратегий школьников и школьниц, как в образовании, так и при выборе будущей профессии, в целом не способствовал поощрению девочек к занятиям естественнонаучными дисциплинами и подготовке к STEM-профессиям, а мальчиков – к выбору профессий из более широкого спектра, включая профессии социогуманитарной направленности. В социально-педагогическом идеале воспитания девочек доминировали матримониальные установки, которые резко диссонировали как с социально-экономической реальностью перехода России к рыночным отношениям (тотальным снижением уровня жизни абсолютного большинства семей, безработицей и усилением конкуренции за рабочие места), так и с появлением новых сфер и направлений самореализации выпускников (предпринимательство, IT-индустрия и др.).

Интерпретация результатов исследования 2017 г.

Приступая в 2017 г. к исследованию гендерных представлений педагогов столичного образцово-показательного учреждения общего образования федерального уровня¹, мы предполагали, что за 16 лет с момента первого исследования ситуация изменилась. Наши надежды основывались на том, что за минувшие годы бурно развились гендерные исследования, гендерная проблематика активно обсуждалась на федеральных каналах ТВ и в Интернете, в печати появилось множество публикаций по вопросу гендерного равенства полов в семье и обществе. Наконец, в педагогической печати также появилось немало трудов по

¹ ФГКОУ «Московский кадетский корпус – Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ»

вопросам гендерной социализации школьников и гендерного подхода к образованию, были защищены десятки диссертаций, проводились тематические конференции, издавались монографии и методические пособия. Но наши ожидания не оправдались.

Ответы педагогов Пансиона на вопрос: «Что значит быть «настоящей женщиной» или «настоящим мужчиной»? Какие женские и мужские качества ассоциируются у Вас с этими понятиями?» – распределились аналогично ответам первого исследования (см. табл. 3, в. 1). Среди женских характеристик лидирующее положение сохранили эмоционально-чувственные, а среди мужских характеристик – интеллектуально-волевые.

Таблица 3

Вопрос № 1. Идеалы маскулинности и фемининности (2017)

№ п/п	Быть «настоящей женщиной», это быть... (какой?)	Количество (%)	Быть «настоящим мужчиной», это быть... (каким?)	Количество (%)
1	Заботливой, нежной	47,5	Ответственным	42
2	Доброй	33,5	Сильным	37
3	Женственной	22,0	Умным	27,5
4	Мудрой	19,5	Мужественным	25,5
5	Красивой, привлекательной	15,5	Надежным	20
6	Любящей	14,5	Смелым	20
7	Хозяйственной	13,0	Добрым	13,5
8	Терпеливой	12,0	Целеустремленным	12
9	Отзывчивой	9,1	Щедрым	9
10	Образованной	9,1	Внимательным	7,5
11	<i>Хорошей матерью</i>	7,8	Справедливым	6,5
12	Ответственной	7,5	Работающим	6
13	Аккуратной	6,5	Честным	4,5
14	Ласковой	6,2	<i>Хорошим отцом</i>	3
15	Внимательной	5,5	Оптимистом	2,5
16	Мягкой	5,5	Благородным	2
17	Понимающей	5,0	Хозяйственным	2
18	Романтической	4,5	Веселым	1
19	Воспитанной	4,0	Рациональным	1
20	Стильной	3,5		
21	Самодостаточной	3,5		
22	Целеустремленной	3,5		
23	Ухоженной	3,0		
24	Энергичной	3,0		
25	Сдержанной	2,0		
26	Самоотверженной	1,5		

Показательно сравнение характеристик «настоящей женственности» и «настоящей мужественности» в первом и втором исследованиях,

ранжированных, в соответствии с условиями опросника, по первым шести позициям (см. табл. 4).

Таблица 4

Сравнительные данные опросов 2001 и 2017 гг. по п. 1.

№ п/п	Быть «настоящей женщиной», это быть... (какой?)		Быть «настоящим мужчиной», это быть... (каким?)	
	2001	2017	2001	2017
1	Доброй	Заботливой, нежной	Умным	Ответственным
2	<i>Хорошей матерью</i>	Доброй	Добрым	Сильным
3	Умной	Женственной	Образованным	Умным
4	Женственной	Мудрой	Надежным	Мужественным
5	Хозяйственной	Красивой, привлекательной	Порядочным	Надежным
6	Нежной	Любящей	<i>Хорошим отцом</i>	Смелым

В общем списке характеристик идеальной женщины в исследовании 2017 г. оказалось значительно меньше качеств, связанных с образованностью и интеллектом, в то время как в списке характеристик идеального мужчины эти качества сохранились в приоритетной группе. (Под «мудростью» женщины, судя по контексту ответов, подразумевалась не образованность и высокий интеллект, а умение поступать в соответствии с житейским опытом). Учитывая, что опрос 2017 г. проходил среди педагогов элитарного столичного учебного заведения с идеальными материально-техническими условиями, высоким уровнем научно-технического и информационного обеспечения учебно-воспитательного процесса и высокими требованиями к результатам обучения и воспитания пансионеров, мы затруднились в интерпретации полученных результатов. Тем более, что воспитанницы Пансиона с большим успехом участвовали в конкурсах и олимпиадах, в том числе по математике и естественнонаучным дисциплинам. Среди них оказалось немало победительниц всероссийских турниров и олимпиад.

Если обобщить результаты исследования гендерных представлений педагогов Пансиона по первому вопросу, то на передний план объединенного портрета «идеальной женственности» выходят характеристики «идеальной современной домохозяйки», находящейся на содержании (мужа) и сочетающей уход за собой и мужем с другими внутрисемейными обязанностями. Характеристики, присущие современной работающей женщине (самодостаточная, целеустремленная, энергичная, самоотверженная), оказались в конце списка и получили самый низкий рейтинг.

При этом среди приоритетов в списках женских и мужских характеристик (1–6 позиции) в ответах педагогов Пансиона, в отличие от результатов предыдущего опроса педагогов Мурманской области, не

упомянуты материнство и отцовство. Так, в рейтинге женского списка 2017 г. характеристика «быть хорошей матерью» находится на 11 месте (из 26) против 2 места (из 17) в опросе 2001 г. Характеристика «быть хорошим отцом» в перечне желательных мужских качеств 2017 г. оказалась в последней трети списка (на 14 месте из 19) против 6 места (из 13) в опросе 2001 г.

Мы предположили, что гендерный аспект социально-педагогического идеала воспитания девочек и девушек в представлениях педагогов Пансиона сформировался под давлением традиционалистского дискурса, легитимированного вначале 2000-х гг. государством в союзе с РПЦ и активно подхваченного телевидением и другими СМИ. С нашей точки зрения, идеал воспитания «традиционной женственности», ставящий во главу угла домашнюю сферу жизни и репродуктивную функцию женщины, противоречит идеалам личностного подхода в образовании и установке на максимальное развитие талантов и способностей каждого, независимо от половой принадлежности, диссонирует с Целями тысячелетия ООН и другими международными документами по гендерному равенству и правам человека. И, наконец, он совсем не отвечает задачам привлечения женщин к участию в технологическом прорыве XXI в., от решения которых зависит и качество нашей жизни, и место России в постиндустриальном мире.

Портрет «настоящего мужчины» в представлениях педагогов Пансиона, как и в предыдущем опросе, противопоставлен идеалу фемининности, характеризуется перечнем традиционных качеств мужчины, занятого профессиональной деятельностью. В отличие от результатов предыдущего опроса, профессиональная занятость идеального мужчины в значительно большей степени ассоциируется с принадлежностью к силовым структурам. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что из 6 личностных характеристик приоритетной части списка 5 – производные воли (ответственность, сила, мужество, надежность, смелость). Иными словами, по сравнению с представлениями педагогов начала 2000-х гг. об идеальном мужчине как интеллигентном профессионале и заботливом отце, образ «настоящего мужчины» в представлениях педагогов 2017 г. изменился и стал соответствовать идеалу брутального героя-воина. Можно предположить, что на представления педагогов об «идеальной мужественности» в последние годы повлияли взаимоисключающие и противоборствующие силы: с одной стороны – не умолкающая в нашем обществе дискуссия о «феминизации маскулинности», а с другой – растиражированный и активно продвигаемый отечественным кинематографом образ «мачо», решительно и безжалостно сметающего все на своем пути. И, наконец – всплеск гомофобии и «гендерной паники» (А.А. Темкина) в российском обществе 2010-х гг. на общем фоне утверждения культа силы (насилия) и нарастания традиционализма в государственной идеологии в целом.

Отвечая на вопрос «Как Вам кажется, существуют ли по-настоящему «мужские» и «женские» профессии? Если ваш ответ «да», приведите примеры (до 6–8 позиций в каждом подразделе)», педагоги вновь согласились с тем, что профессии делятся по половому признаку и привели примеры (см. табл. 5).

Таблица 5

Ответы на вопрос о «женских» и «мужских» профессиях

№	Женские профессии	Выбор, %	Мужские профессии	Выбор, %
1	Воспитатель, няня	29,0	Шахтер	23,0
2	Швея, ткачиха	11,0	Пожарный	19,0
3	Педагог, учитель	10,5	Водитель	18,5
4	Медсестра	9,5	Военный	17,5
5	Косметолог	8,5	Летчик	15,5
6	Библиотекарь	7,5	Машинист	11,5
7	Врач	7,0	Спасатель	9,5
8	Бухгалтер	6,5	Грузчик	9,0
9	Секретарь	9,0	Строитель	8,5
10	Стюардесса	3,5	Сантехник	8,0
11	Парикмахер	3,5	Слесарь	7,5
12	Доярка	3,0	Полицейский	5,5
13	Психолог	3,0	Сталевар	5,0
14	Флорист	2,0	Лесоруб	5,0
15	Повар	1,5	Металлург	4,0
16	Сиделка	1,5	Инженер	3,5
17	Администратор	1,0	Космонавт	3,0
18	Маляр	0,5	Врач	3,0
19			Токарь	2,0
20			Капитан	1,5
21			Механик	1,5
22			Дипломат	1,5
23			Священник	1,5
24			Президент	1,0
25			Директор	1,0
26			Актер	0,5

Как и в исследовании 2001 г., перечень мужских профессий, указанных педагогами (Пансиона), оказался на 30% длиннее списка женских профессий. В основу большинства перечисленных женских профессий положены функции ухода, заботы, обслуживания витальных и культурно-образовательных потребностей. Сравним ранжированные результаты опросов 2001 и 2017 гг. по второму пункту (см. табл. 6).

Сравнительные данные опросов 2001 и 2017 гг. о «женских» и «мужских» профессиях

№ год	Женские профессии		Мужские профессии	
	2001	2017	2001	2017
1	Воспитатель ДОУ	Воспитатель ДОУ, няня	Шахтер	Шахтер
2	Продавец	Швея, ткачиха	Моряк	Пожарный
3	Медсестра	Учитель	Военнослужащий	Водитель
4	Помощник воспитатели (няня)	Медсестра	Летчик	Военный
5	Секретарь/референт	Косметолог	Водитель	Летчик
6	Учитель	Библиотекарь	Слесарь	Машинист
7	Врач	Врач	Сталевар	Спасатель
8	Швея	Бухгалтер	Строитель	Грузчик

Среди женских профессий лидирующее положение, как и в 2001 г., заняла профессия педагога дошкольного образования, включая самую низшую ступень профессиональной лестницы – помощницы воспитателя (няня). Если в 2001 г. результаты опроса по данному пункту объяснялись тем, что среди респондентов не меньше четверти составляли педагоги дошкольного образования, то результаты опроса 2017 г. поставили нас в тупик. За минувшие годы значительно расширился список профессий, в которых женщины нашли себя и достигли выдающихся результатов, равно как и стали общеизвестными примеры профессиональной занятости мужчин в ранее «традиционно женских» профессиях и сферах труда. Все это, на наш взгляд, должно было, как минимум, поколебать уверенность педагогов в целесообразности деления профессий по половому признаку.

Как уже отмечалось ранее, представления о «типично мужских» профессиях у педагогов Пансионата соответствовали идеалу брутальной маскулинности. Ведущие признаки «мужских» профессий – физическая тяжесть, опасность, высокий риск для жизни и ответственность – коррелировали с морально-волевыми характеристиками «идеальной маскулинности», описанной педагогами в ответах на первый вопрос.

Из вышеизложенного следует, что гендерные представления педагогов первой четверти 2000-х гг. не вышли за рамки традиционных гендерных стереотипов, противопоставляющих «женские» и «мужские» личностные качества, подразделяющих сферы занятости и профессии не по способностям и стремлению людей к самореализации, а по половому признаку. Примечательно, что высокотехнологичные профессии, связанные с информатикой и новыми технологиями не упомянуты педагогами ни в 2001, ни в 2017 гг.

Как свидетельствовали ответы на вопрос: «Чем Вы руководствуетесь во взглядах на половые различия в обучении и

воспитании школьников?», 40% педагогов руководствовались «здравым смыслом», 13% – «знаниями из институтского курса психологии», 9% – «сведениями из институтского курса педагогики», 6% – «традициями», 3,5% – «данными из современной научно-педагогической литературы», 3% – «примерами из своего детства». Но, как показали последние исследования теоретико-методологического обеспечения профессиональной подготовки педагогов, гендерный компонент педагогической культуры и образования так и не представлен в стандартах, программах и учебниках высшего психолого-педагогического образования, а большинство современных статей и пособий по «гендерной педагогике» на самом деле написано на основе квазигендерного (то есть биодетерминированного полоролевого) подхода¹.

Сравнивая результаты исследований 2001 и 2017 гг., приходим к заключению, что, несмотря на фундаментальные социокультурные и экономические сдвиги в жизни российского общества, ожидаемых изменений в традиционных гендерных идеалах и представлениях педагогов не произошло. Гендерное мировоззрение учителей и воспитателей в большей степени соответствует традиционной культуре XIX – середины XX вв., нежели эпохе цифровой и технологической революций первой четверти XXI века. Руководствуясь гендерными стереотипами традиционной культуры, педагоги, как показали опросы учащихся, создают невидимые, но вполне действенные барьеры на пути развития гендерно не схематизированной социополовой идентичности современных мальчиков и девочек, формируют гендерную ментальность, не отвечающую реалиям постиндустриальной культуры XXI века, провоцируют межличностные и внутриличностные конфликты на гендерной почве.

Эти выводы подтверждаются нижеизложенными результатами исследований гендерной ментальности обучающихся Пансиона (2018) и данными исследования проблем гендерной социализации школьников в современном образовании (2020).

Исследование гендерной ментальности воспитанниц кадетского образовательного учреждения «Пансион воспитанниц МО РФ» (г. Москва, 2018г.)

Как известно, социально-конструктивистский подход, признающий основополагающую роль за социальными конструктами в познании, в качестве предмета исследования декларирует *социальные представления, нормы и традиции, регламентирующие поведение мужчин и женщин*. При этом для изучения взглядов, мнений, усвоенных норм и моделей поведения

¹ Ключко О.И. Развитие гендерного подхода в российском образовании // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Физматкнига, 2016. С. 10-21.

чаще всего используется опрос¹. В нашем исследовании для выявления гендерных представлений школьников мы использовали разработанный для этой цели опросник «Что я думаю о женском и мужском» (Штылева Л.В., Петрушихина Е.Б., 2017). Методология опросника основана на классификации гендерных стереотипов, разработанной И.С. Клециной (1998), которые фактически играют роль гендерных норм и подразделяются на: 1) стереотипы маскулинности / фемининности; 2) стереотипы закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с половой принадлежностью человека и, наконец, 3) гендерные стереотипы, связанные с полоролевыми различиями в содержании труда. В качестве основного признака ориентации личности на традиционные гендерные нормы мы, как и многие наши коллеги, считаем приверженность респондента(-ки) идее «естественного предназначения полов», согласно которой исключительным уделом женщины является забота о членах семьи, роли жены, матери и «хранительницы очага», а уделом мужчины – забота о материальном обеспечении домохозяйства, налаживание связей между семьей и обществом, роли «добытчика», защитника и общественного деятеля. При этом подразумевается жесткая дифференциация женских и мужских ролей, видов и содержания труда, норм поведения.

Ориентация личности на эгалитарные нормы, согласно парадигме гендерного подхода, характеризуется принятием идеологии социального равенства полов при их естественных различиях, принятием современных принципов социокультурного конструирования, взаимозаменяемости, гибкости и лабильности женских и мужских ролей, равноправного партнерства женщин и мужчин в семье и обществе.

Сбор данных проводился с помощью индивидуального анкетирования. В опросе участвовали 72 ученицы выпускного (11-го) класса Пансиона воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации (Москва). Для повышения достоверности ответов вопросы, включенные в анкету, разделены на основные и вспомогательные.

Так, вопрос № 1 является основным для выявления идеалов маскулинности и фемининности, а вопрос № 8, ориентированный на выявление представлений о гендерных различиях в ценностях и жизненных целях женщин и мужчин, – вспомогательным. Представлениям о гендерных нормах семейных и профессиональных ролей посвящены вопросы № 2 и 6. Вспомогательным по отношению к ним является вопрос № 5, который направлен на выявление представлений учащихся о природе гендерной дифференциации женских и мужских ролей, а также должен побуждать воспитанниц задуматься об этом. На выявление гендерных представлений, связанных с полоролевыми различиями в содержании

¹ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Проспект, 2017. С. 101.

труда женщин и мужчин, ориентированы вопросы № 3 и 4. Вспомогательную роль играют п.п. 3 и 4 вопроса № 8.

Результаты анкетирования должны были не только выявить вышеперечисленные гендерные представления старшеклассниц, но и помочь в решении социально-педагогической задачи – определить референтные источники их формирования. На решение этой задачи ориентирован пункт № 9, содержащий перечень из 10 факторов, с которыми, предположительно, взаимодействуют девочки-подростки в пансионе и за его пределами.

Основной метод, использованный в обработке анкет, – анализ, сравнение и методологическая интерпретация результатов. Обобщение количественных и качественных данных позволяет, по нашему мнению, определить приверженность школьниц традиционным или эгалитарным нормам мужского и женского поведения, определить вектор изменений и наиболее проблемные области гендерного мировоззрения представительниц молодого поколения, которое, по сути, релевантно гендерной ментальности личности.

Интерпретация результатов исследования

Образы маскулинности и фемининности описывались школьницами в ответах на вопрос № 1: «Какие женские и мужские качества ассоциируются у тебя с выражениями «быть настоящей женщиной» или «настоящим мужчиной»? Продолжи предложение, впиши по 5–7 «женских» и «мужских» качеств в соответствующий раздел таблицы». Анализ и ранжирование результатов выявили общую направленность гендерных представлений старшеклассниц (см. табл. 7).

Таблица 7

Идеалы маскулинности и фемининности

Быть настоящей женщиной – означает быть...	Быть настоящим мужчиной – означает быть...
1. Заботливой – 83,3%	1. Сильным – 68%
2. Нежной – 63,8%	2. Заботливым – 44,4%
3. Умной – 61,1%	3. Умным – 40,28%
4. Красивой – 44,4%	4. Мужественным – 38,9%
5. Доброй – 34,7%	5. Ответственным – 29,17%
6. Образованной – 23,6%	6. Решительным – 27,8%
7. Скромной, хозяйственной – по 22,2%	7. Веселым, внимательным, уверенным в себе, храбрым – по 20,8%

Таким образом, из *восьми* преобладающих в ответах старшеклассниц характеристик «настоящей женственности» *шесть* соответствуют гендерным нормам консервативной модели фемининности. Две характеристики – ум и образованность – связанные, на наш взгляд, не

только и не столько со сферой домашнего образа жизни, сколько с личностным развитием и профессиональной занятостью, скорее всего, свидетельствуют о ментальных изменениях, которые произошли в общественном сознании и гендерных нормах в результате модернизации российского общества в XX в.

При этом гендерные представления старшеклассниц об идеальной маскулинности комплиментарны по отношению к идеалам фемининности. Из десяти самых упоминаемых качеств семь соответствует нормам традиционной модели маскулинности, то есть тренд традиционности в гендерных представлениях и ментальности старшеклассниц подтверждается. Вместе с тем следует обратить внимание, что вторым в рейтинге качеств идеальной маскулинности указана *заботливость* (44,4%), а заключает топовую часть рейтинга *внимательность* (20,8%), которые больше соотносятся с характеристиками «новой маскулинности», ориентированной на взаимопонимание и партнерство, нежели на иерархию и доминирование в отношениях между полами.

Тем не менее можно заключить, что в целом гендерные представления старшеклассниц пансиона о нормативной фемининности и маскулинности в большей степени соответствуют гендерным нормам традиционных моделей и являются комплиментарными. Этот вывод подтверждается ответами на вспомогательный вопрос № 8, где требовалось продолжить неоконченные предложения: «Каждая женщина в своей жизни должна сделать ...», «Каждый мужчина в своей жизни должен сделать...». Ответы свидетельствуют о противопоставлении в сознании респонденток ценностей и жизненных целей женщин и мужчин в духе традиционализма (см. табл. 8).

Таблица 8

Гендерный аспект жизненных ценностей и целей женщин и мужчин

Ценности и цели женщин	Ценности и цели мужчин
1) Родить ребенка – 35%	1) Сделать удачную карьеру – 33%
2) Сделать карьеру – 26%	2) Завести семью – 22%
3) Выйти замуж – 19%	3) Построить дом – 21%
4) Получить образование, иметь счастливую семью – по 13%	4) Обеспечить свою семью – 10%
	5) Получить образование – 7%

Так, если на первом месте среди жизненных целей женщины, по мнению старшеклассниц, находится ценность деторождения – *родить ребенка* (35%), и при этом три из пяти ответов о «женских» ценностях относятся к матримониальным (выйти замуж, родить ребенка, иметь счастливую семью), то среди «мужских» ценностей лидирует *удачная карьера* (33%).

В иерархии «мужских» ценностей три из пяти позиций (завести семью, построить дом, обеспечить свою семью) также относятся к

матримониальным, на основании чего можно было бы предположить, что в представлениях современных старшеклассниц гендерные нормы маскулинности трансформируются в сторону гармоничного сочетания в жизни мужчины профессиональной и семейной ролей. Но формулировки ответов, на наш взгляд, свидетельствуют о приверженности респонденток гендерным нормам традиционной маскулинности, следуя которым, роль мужчины фокусируется на материальном обеспечении семьи (роль «добытчика»).

В то же время, если сравнить ответы современных старшеклассниц с ответами их ровесниц – гимназисток конца XIX – начала XX вв., можно заметить не только сходства (мечты о замужестве, счастливой семейной жизни, о материнстве), но и значительные различия. Как показали исследования (Котлова Т.Б., 2000), немногие гимназистки рубежа XIX–XX вв. мечтали продолжить образование и, за очень редким исключением, планировали построить карьеру, имея в виду не тривиальную задачу учительствовать или лечить, зарабатывая своим трудом на жизнь до замужества, а возможность профессионального роста и развития независимо от матримониального статуса. Именно с учетом этого *ментального изменения в гендерных представлениях молодого поколения* особое значение приобретают представления старшеклассниц о различиях между женщинами и мужчинами в семейных и профессиональных ролях.

На вопрос «Как тебе кажется, существуют ли по-настоящему «мужские» и «женские» профессии? Если твой ответ «да», приведи примеры (до 6–8 позиций в каждом подразделе)» около пяти процентов старшеклассниц одного из самых передовых учебных заведений страны ответили отрицательно, остальные участницы опроса, как оказалось, придерживались иной точки зрения и привели примеры (см. табл. 9).

При этом почти 14% опрошенных назвали женской профессией сферу деятельности, которая по факту не имеет профессионального статуса – «домохозяйка» – и в традиционном понимании подразумевает незанятость в общественном производстве, т.е. в профессиональной деятельности за пределами дома. Скорее всего, школьницы таким образом выразили свои представления о дифференциации женской и мужской занятости в условиях гендерного контракта «муж – работник, жена – домохозяйка», когда женщина выполняет различные виды труда, связанные с бытовым обслуживанием и уходом за домочадцами, исключительно в границах домохозяйства.

Разумеется, большинство указанных позиций может быть легко оспорено примерами из современной практики, когда, в силу разных причин, мужчины работают швеями, парикмахерами, педагогами и пр., а женщины – юристами, служат в вооруженных силах, охраняют, строят, врачуют, программируют и пр. Нет сомнений, что участницы опроса также имеют об этом представление, но, тем не менее, в их сознании доминируют традиционные гендерные стереотипы, которые могут

препятствовать их собственной профессиональной самореализации, могут мешать в выборе профессии не «по полу», а по способностям и призванию.

Таблица 9

Гендерные представления старшеклассниц о делении профессий на «женские» и «мужские»

Женские профессии	Мужские профессии
1. Учитель – 37,5%	1. Слесарь – 40,3%
2. Воспитатель – 30,6%	2. Строитель – 31,9%
3. Косметолог – 30,6%	3. Юрист, охранник – по 25%
4. Врач, швея – по 18,05%	4. Инженер, водопроводчик – по 16,7%
5. Парикмахер – 15,3%	5. Военнослужащий – 15,3%
6. Домохозяйка – 13,9%	6. Врач, грузчик – по 13,8%
7. Медсестра – 12,5%	7. Программист – 12,5%
<i>НЕ СУЩЕСТВУЕТ</i> – 4,2%	<i>НЕ СУЩЕСТВУЕТ</i> – 5,6%

Укорененность традиционалистских гендерных норм профессиональной сегрегации в сознании молодого поколения подтвердили ответы на вспомогательный вопрос № 3: «Можно ли сказать, что в каких-то областях женщины оказываются успешнее мужчин, а мужчины успешнее женщин? Если да, то в каких?». Женщины, по мнению участниц опроса, успешнее мужчин в педагогике (18%) и психологии (7%), а мужчины успешнее женщин в политике (14%), военной сфере (13%), физическом труде (11%) и технических специальностях (10%). Как видно из вышеизложенного, в сознании старшеклассниц доминируют традиционалистские представления о «женщинах – гуманитариях» и «мужчинах – технарях».

Чтобы выявить представления девушек о гендерных нормах распределения ролей между мужем и женой в семье, им предлагался выбор из 6 вариантов (вопрос № 6). Абсолютное большинство респонденток отдало предпочтение варианту «оба супруга работают и совместно ведут домашнее хозяйство» (63 %), каждая пятая согласилась с вариантом «оба супруга работают, домашние дела выполняет преимущественно жена» (20%), десятая часть опрошенных проголосовала за вариант «оба супруга работают, а уход за детьми и ведение домашнего хозяйства берут на себя другие члены семьи, родственники (бабушки, дедушки, братья и сестры, другие родственники)».

Менее традиционные варианты «жена работает, муж ведет домашнее хозяйство» и «оба супруга работают, а для ведения домашнего хозяйства нанимают помощников (за деньги)», как и самый традиционалистский вариант «контракта домохозяйки» – «муж работает, жена ведет домашнее хозяйство», набрали по 1% голосов. На наш взгляд, формулировки некоторых вариантов оказались недостаточно конкретными, что помешало полной ясности по исследуемому вопросу.

Так, лидирующий в ответах вариант «оба супруга работают и совместно ведут домашнее хозяйство» не раскрывает сути «совместного ведения», которое на деле может оказаться как паритетом и взаимозаменяемостью по ситуации, так и традиционным делением обязанностей супругов в семье, при котором львиная доля домашнего труда выполняется женщиной.

Тем не менее из полученных ответов можно сделать несколько выводов. Во-первых, практически все школьницы являются сторонницами двукарьерной семьи, т.е. в будущем видят себя и мужа в роли работников, совмещающих семейные и профессиональные обязанности.

Во-вторых, большинство из них в принципе поддерживает идею равноправного участия супругов в ведении домашнего хозяйства. Представления старшеклассниц о возможностях распределения ролей между супругами в их будущей семье чрезвычайно важны. В дальнейшем они будут определять возможность или гармоничного совмещения нескольких ролей (жена, мать, профессионал), или поставят девушек перед выбором и ограничат развитие (как личностное, так и профессиональное) известным феноменом «двойной занятости», сопровождающимся глубокими внутриличностными гендерными конфликтами (*ролевой конфликт работающей женщины, экзистенциально-гендерный конфликт*)¹.

Закljučая рассуждения по данному вопросу, можно сказать следующее: ответы старшеклассниц свидетельствуют, что на сегодняшний день они в большей степени привержены традиционалистским гендерным нормам распределения ролей в семье и пока не готовы использовать более современные и гибкие варианты, связанные с учетом конкретной ситуации и / или эгалитарными взглядами на равную ответственность работников с семейными обязанностями за ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, уход за пожилыми или немощными членами семьи и др. Если их взгляды и представления не изменятся в студенческие годы, скорее всего, это приведет к гендерному неравенству результатов образования, снижению эффективности его использования (женской частью молодого поколения) и, как результат, к неполной реализованности интеллектуального и личностного потенциала в будущем.

Представления школьниц о гендерных различиях в содержании женского и мужского труда и природе этих различий оказались релевантны ранее отмеченным тенденциям. Несмотря на то, что с утверждением: «Между мужчинами и женщинами есть различия (в восприятии, мышлении, личностных особенностях), но они не существенны», в той или иной степени согласились 83% респонденток, а не согласились 17%, более 90% ответивших согласились с делением сфер

¹ Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 80-88.

труда и профессий на «женские» и «мужские», при котором содержание женского труда подразумевает функции обслуживания, заботы, удовлетворения познавательных, эстетических, витальных потребностей других, а содержание мужского труда носит созидательный, инструментальный, волевой и интеллектуальный характер. Описанные различия соответствуют традиционалистским гендерным стереотипам содержания женского и мужского труда, что подтверждается также представлениями о сферах наиболее успешной профессиональной самореализации женщин и мужчин (см. ранее, вопрос № 3). Наконец, как следует из ответов на п.п. 3 и 4 вопроса № 8, для достижения успехов в профессиональном труде женщине необходимо «быть собранной и целеустремленной» (иначе говоря – терпеть, надеяться и ждать), а мужчине «усердно работать, быть решительным и упорным» (то есть требовать и добиваться).

Из вышеизложенного следует, что современные старшеклассницы элитарного образовательного учреждения сознательно или неосознанно исповедуют наиболее архаичную идею «природного предназначения» полов, на которой фундируется вся конструкция традиционалистских гендерных норм маскулинности и фемининности.

Попытка прояснить обусловленность традиционализма во взглядах старшеклассниц (вопрос № 5) показала, что каждая десятая из опрошенных вообще не задумывалась над вопросом «Чем обусловлены различия в социальных ролях мужчин и женщин в семье и обществе: природой, воспитанием или культурой?», а принимала их как данность. Лишь четверть опрошенных считает, что социальные различия – результат исключительно воспитания (24%), то есть социокультурного конструирования, подверженного изменениям. В той или иной степени объясняли наличие социокультурных различий между полами природной (эссенциалистской) обусловленностью две трети (66%) старшеклассниц.

Исходя из теории гендерной социализации молодого поколения, гендерные идеалы и представления старшеклассниц обусловлены их опытом взаимодействия с окружающим миром, содержанием полоролевой социализации в семье, открытом социуме, образовательных учреждениях, влиянием средств массовой информации и др. Специфика исследуемой группы старшеклассниц заключалась в том, что с 5 по 11 класс они обучались в учреждении закрытого типа (пансион воспитанниц Министерства обороны РФ) в условиях отдельного образования.

Разумеется, условия обучения в современном девичьем пансионе по степени изолированности обучающихся от окружающего мира ни в какое сравнение не идут с условиями обучения и воспитания воспитанниц Института благородных девиц XIX, а тем более – XVIII вв. Пансионерки XXI века, в отличие от сверстниц предыдущих столетий, активно общаются с родителями и знакомыми посредством современных коммуникаций, имеют свободный доступ к разнообразной информации и

литературе, участвуют в огромном количестве мероприятий городского, всероссийского и международного масштаба. План учебно-воспитательной работы Пансиона изобилует тематическими неделями, экскурсиями, конкурсами и олимпиадами, встречами с интересными людьми, среди которых выдающиеся современницы (женщины – предпринимательницы, ученые, политики, офицеры Вооруженных сил, полиции и МЧС, артистки, режиссеры, писательницы, политики), представители разных профессий обоих полов и др. Система дополнительного образования девичьего Пансиона предлагает обучающимся широкий спектр занятий по интересам.

Тем не менее, следует признать, что условия полоролевой социализации пансионеров в наиболее сензитивном возрасте формирования их гендерной ментальности и индивидуальной гендерной идентичности (подростковый и юношеский), когда наиболее активно формируются и переосмысливаются гендерные идеалы и представления, отличаются от обычных.

Исходя из вышеизложенного, в анкету был включен вопрос, направленный на выявление основных источников формирования гендерных идеалов школьниц: «У большинства людей, живущих в мире, особенно в юном возрасте, есть образы (их условно можно назвать «идеальными моделями», образцами для подражания и т.п.), на которые они стремятся походить внутренне и/или внешне. Как ты думаешь, что и кто сегодня в большей степени влияет на твои представления об идеале женщины (поставь соответствующий балл по каждой позиции и/или впиши недостающий, на твой взгляд, ответ)?» (см. табл. 10). (Варианты ответов разрабатывались с учетом условий полоролевой социализации обучающихся в современном закрытом образовательном учреждении).

Как следует из полученных ответов, абсолютные аутсайдеры влияния на гендерные идеалы, по мнению старшеклассниц, – их педагоги, знакомые женщины-домохозяйки, героини произведений школьного курса литературы, а также известные спортсменки и женщины-политики. Заметное влияние на свои гендерные идеалы девочки признали только за женщинами из близкого круга родственниц (мать, сестра, тетя, бабушка). Втрое меньшее влияние – за женщинами – успешными предпринимательницами, известными актрисами и другими медийными фигурами.

Таблица 10

**Оценка факторов формирования гендерных идеалов старшеклассниц
(в % к общему количеству опрошенных по каждому пункту)**

Фактор формирования гендерных идеалов	Совсем не влияет	Влияет, но незначительно	Заметно влияет	Очень сильно влияет
образ героини из произведений, которые изучаются в рамках школьного курса	43	49	7	0

Фактор формирования гендерных идеалов	Совсем не влияет	Влияет, но незначительно	Заметно влияет	Очень сильно влияет
образ героини из других произведений художественной, исторической, публицистической литературы	25	54	18	3
образы и примеры поведения героинь из современных кинофильмов, телесериалов, специальных передач и ток-шоу	24	48	22	6
пример известной женщины-политика	37	36	19	7
пример известной актрисы, ведущей передачи на ТВ, эстрадной / оперной певицы, известной писательницы	28	40	21	10
пример успешной женщины-предпринимательницы	28	39	21	12
пример известной спортсменки	43	33	18	6
пример знакомой женщины, занятой, в основном, воспитанием своих детей и заботой о муже	49	36	9	6
пример конкретной учительницы или воспитательницы, сотрудницы твоего учебного заведения	49	36	9	6
пример женщины из круга твоих близких родственников (мать, сестра, тетя, бабушка и др.)	9	24	34	33

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие предположения:

1) основополагающие гендерные идеалы фемининности сформировались у девочек в семье в раннем детстве, в пансионе они приобрели особую ценность и идеализировались в связи с тоской по дому;

2) в изучении школьного курса литературы, как с точки зрения репрезентации гендерного аспекта культуры и гендерного прочтения образов героев и героинь классических литературных произведений, так и с точки зрения выбора и гендерного анализа образов героев современных произведений, имеют место существенные методологические просчеты. Гендерные исследования произведений школьного курса литературы свидетельствуют, что ключевые женские образы, представленные в русских народных и авторских сказках, произведениях литературы XVIII и XIX вв., отражают идеалы патриархатной фемининности, ориентированной на иерархичные отношения между полами в семье, воспевающие подчинение, терпение, уничижение, покорность судьбе и зависимость;

3) гендерные нормы сугубо традиционалистского типа (женщина-домохозяйка) отвергаются школьницами как не соответствующие современности, о чем свидетельствует их более позитивное отношение к образам женщин в профессиональных и публичных ипостасях;

4) низкий рейтинг педагогических сотрудников Пансиона как образцов для подражания может означать, с одной стороны, наличие латентных проблем в отношениях между педагогами и воспитанницами, обусловленных дисциплинирующими и надзорными функциями учителей и воспитателей, а также индивидуальными особенностями их исполнения; с другой – низким статусом педагогической профессии и педагогов в нашем обществе в целом и, наконец, недостатком яркой личностной, в том числе и гендерной, репрезентации женщин – педагогических работников в общении и взаимодействии с воспитанницами Пансиона.

В пользу последнего предположения свидетельствует тот факт, что старшеклассницы среди заметно и сильно влияющих на идеалы фемининности на второе место после родственниц поставили образы успешных женщин-предпринимательниц, краткое знакомство с которыми на творческих встречах в стенах Пансиона произвело на них, судя по результату, неизгладимое впечатление. На третьем месте после них – яркие образы известных актрис, ведущих передач на ТВ, известных эстрадных певиц, писательниц.

Следует заметить, что низкий рейтинг педагогов как образцов для подражания совершенно не означает, что они не влияют на гендерную ментальность и идентичность воспитанниц, скорее наоборот: приверженность педагогов традиционалистским гендерным идеалам обусловила тот факт, что в характеристиках идеалов и моделей для подражания, отмеченных воспитанницами, традиционные гендерные репрезентации фемининности (семейные, артистические и пр.) преобладают над нетрадиционными (в предпринимательстве, политике, спорте).

Релевантность наших выводов подтверждена результатами исследований самих педагогов Пансиона (Мазелецкая Ю.Б., 2018)¹ и исследованиями специалистов психологической службы учебного заведения (Куренкова М.В., Соколова Е.И., 2018)². Психологи сравнили убеждения и установки в сфере женских ролей и фемининности той же группы одиннадцатиклассниц и выпускниц прошлых лет пансиона по опроснику «Нормы женского поведения» (И.С. Клещина, Е.В. Иоффе)³. Их исследование показало, что четверть учениц 11-ого класса и практически треть ранее окончивших обучение выпускниц демонстрируют приверженность традиционалистской модели норм женского поведения, что свидетельствует об устойчивой тенденции в гендерной социализации пансионеров.

¹ Мазелецкая Ю.Б. Представления о гендерных идеалах воспитанниц 11 класса // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании. М., 2018. С. 474–485.

² Куренкова М.В., Соколова Е.И. Сравнение убеждений и установок в сфере женских ролей и фемининности воспитанниц 11 курса и выпускниц пансиона // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании. М., 2018. С. 465–473.

³ Клещина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М. : Прспект, 2017. 144 с.

Как отметили авторы исследования, несмотря на то, что каждая шестая из опрошенных продемонстрировала направленность на эгалитарную модель фемининности, интерпретация подуровней выявила статистически значимый уклон, означающий смещение установок в сторону традиционалистской модели женского поведения¹.

Каким образом, за счет каких методов, приемов и средств осуществляется влияние педагогов на формирование гендерных представлений обучающихся? Как сами обучающиеся воспринимают гендерные репрезентации в учебно-воспитательном процессе, как их оценивают и относятся? Ответы на эти и другие вопросы можно получить только от самих обучающихся.

Оценка влияния педагогов на формирование гендерной ментальности молодого поколения в современном образовании (2020)

Импульсом к проведению данного исследования послужили автобиографические эссе студентов педагогического университета, которые весной 2020 года обучались на элективном курсе «Гендерный подход в образовании». В середине модуля, когда студенты уже познакомились с основами методологии гендера и теориями гендерной социализации, с социально-психологическими механизмами конструирования гендерной идентичности, они получили задание написать гендерную автобиографию.

Методическая цель задания состояла в актуализации и включении в учебный процесс собственного опыта обучающихся, в рефлексии ключевых факторов и условий гендерной социализации ребенка в современном российском обществе. (Задание основано на методике И.С. Клециной «Гендерная автобиография», описанной в практикуме по гендерной психологии²).

Исследовательскую базу составили 39 сочинений «Гендерная автобиография». Возраст респондентов – 19–20 лет, т.е. все они являются представителями поколения Z, которое характеризуется высокой информационной и социальной мобильностью, обучаемостью, известной долей нигилизма и др. Работы представили 38 девушек и один юноша. Поскольку сравнивать результаты исследования женских и мужских автобиографий не представлялось возможным, мы исключили работу юноши из общего массива исследуемых источников. Таким образом, в актуальную базу исследования вошли 38 гендерных автобиографий

¹ Куренкова М.В., Соколова Е.И. Сравнение убеждений и установок в сфере женских ролей и фемининности воспитанниц 11 курса и выпускниц пансиона // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании. М., 2018. С. 472.

² Гендерная психология. 2-е изд. / под ред. И.С. Клециной. СПб. : Питер, 2009. С. 201–210.

девушек-второкурсниц разных факультетов университета. Следовательно, результаты исследования, в первую очередь, отражают факторы, условия и проблемы гендерной социализации современных девочек и девушек – жительниц мегаполиса, но косвенным образом они дают информацию и об условиях гендерной социализации мальчиков в образовании.

Исследование проведено в русле гендерного подхода, который понимается нами как методологический угол зрения, направленный на изучение содержания, механизмов, проблем и результатов социального конструирования «мужского» и «женского» в современном обществе и культуре¹.

Теоретико-методологическую основу исследования образует комплекс взаимодействующих теорий, концепций и подходов, среди которых теория социального конструирования гендера К. Уэст и Д. Зиммерман², теория гендерной схемы С. Бэм³ и концепция гендерных норм И.С. Клециной и Е.В. Иоффе⁴, а также сравнительный, структурный и нормативный подходы.

Для обработки данных использовались методы качественного анализа – контент-анализ авторских текстов с последующей интерпретацией результатов. В ходе исследования выявлена иерархия и содержание ведущих факторов гендерной социализации молодого поколения в современном российском обществе, проблемы гендерной социализации в семье и общеобразовательных организациях, направленность изменения гендерной ментальности юных женщин XXI века в целом.

Как следует из текстов гендерных автобиографий всех студентов (39), ключевую роль в формировании широкого спектра представлений о различиях между полами и гендерном порядке отношений в семье и обществе играют социальные институты (*семья, дошкольное образовательное учреждение и школа*) и непосредственно субъекты полоролевой социализации в лице родителей и прародителей, воспитателей детских садов, старших и младших братьев, школьных учителей и сверстников из дворовых компаний. Семья является лидером

¹ Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева ; под науч. ред. О.И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

² Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (Doing gender). Пер с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные тетради. Вып. 1. Труды филиала ИС РАН. СПб., 1997. С. 94-120.

³ Бем С. Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 331 с.

⁴ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.

по количеству упоминаний (34 из 39) в качестве института полоролевой социализации детей.

Почти половина респондентов (47,6%; 19 из 39) указали на *детский сад как активный институт полоролевой социализации* (а точнее – типизации) детей. С посещением детского сада в возрасте 4–5 лет связываются первые осознанные впечатления о гендерных различиях между девочками и мальчиками.

Наибольший вклад в формирование представлений дошкольниц о нормативной маскулинности и фемининности, как следует из текстов девушек-студенток, внесли *педагоги-воспитатели*, которые активно использовали все известные способы конструирования гендерных ролей своих подопечных. В каждой второй автобиографии указывается разница в отношении воспитателей к мальчикам и девочкам, которая выразилось в том, что *«...в детском саду девочек заставляли убирать игрушки и за собой, и за мальчиками»*, *«...когда плакала девочка, ей говорили – «Тише-тише, успокойся, все хорошо»*. *Когда плакал мальчик, ему говорила – «Ну хватит ныть! Тебе не стыдно? Ты же мальчик»*.

По воспоминаниям одной из студенток, *«...в детском саду к поведению мальчиков и девочек предъявлялись разные требования. Мальчики должны были сидеть на стульях и не разговаривать, а от девочек требовалось только сильно не шуметь»*.

Другой студентке запомнился случай, когда воспитательница отчитала ее за драку с мальчиком, хотя зачинщиком был мальчик. Судя по воспоминаниям повзрослевших воспитанниц детских садов, воспитатели в повседневном общении с детьми часто обращались к признаку пола, повторяя в самых разных ситуациях *«ты же мальчик»*, *«ты же девочка»*, манипулировали детским сознанием, организовывали разные игры и игровые среды для мальчиков и девочек.

«Любимой игрой в детском саду у меня была игра в дочки-матери или в настоящую семью. – Написала одна из студенток. – В детском саду у меня был «настоящий муж», которого я выбрала за чувство юмора. Играли мы очень серьезно: у каждого была своя роль, я всегда была мамой и готовила всем кушать, а также стирала вещи. ...Я четко запомнила слова воспитателей, что девочек нужно пропускать первыми при входе в помещение и что нужно им помогать, если они не могут что-то отодвинуть, достать и т.д.»

Судя по многочисленным примерам из гендерных автобиографий, воспитатели противопоставляли девичью и мальчиковую модели поведения, говоря, например, *«Девочки так себя не ведут! Девочки должны быть аккуратнее и спокойнее! Ты что как мальчишка носишься и возишься во всякой грязи!»*, *«девочки делают это и не делают того»* или, напротив *«ты что ревешь, как девчонка? Мужчина не должен показывать, что ему больно, он должен быть сильным!»* и др.

Из приведенных примеров следует, что педагогическими средствами воспитатели формировали гендерную ментальность детей младшего возраста, основанную на противопоставлении женского – мужскому как слабого – сильному, как эмоционального – рациональному и волевому, на противопоставлении сфер жизни и самореализации будущих мужчин и женщин.

Еще больше примеров агрессивного участия педагогов в формировании гендерной идентичности и ментальности молодого поколения связано с воспоминаниями о школе.

32 респондентки из 38 (84,2%) отметили, что именно в школе они получили наглядные уроки гендерного неравенства, что большинство педагогов транслировало гендерные стереотипы и активно навязывало их обучающимся словом и делом.

В 80% гендерных автобиографий приведены примеры гендерной социализации обучающихся через манипуляцию со стороны педагогов фактором пола, через вербальную апелляцию к половой принадлежности. Чаще всего упоминаются различия в требованиях педагогов к мальчикам и девочкам, как в начальной, так и в средней школе:

- *В начальной школе девочки считались более умными и способными. Мальчикам спускалась шумливость, а девочек за шум наказывали.*

- *Учителя считали, что девочкам непозволительно бегать по коридорам, шуметь и проказничать, а для мальчиков это считалось естественным.*

- *Требования к девочкам всегда были выше, чем к мальчикам, как в плане успеваемости, так и поведения.*

- *От всех девочек требовали красивый почерк, мальчикам плохой почерк прощался.*

- *Классная была лояльна к девочкам и строже к мальчикам. И так все учителя.*

- *В старших классах комментарии учителей касались не только поведения, но и внешнего вида: неопрятная прическа – для девочек не положено, спортивные штаны вместо юбки – тоже плохо, однако к мальчикам придирались меньше, ведь «они же мальчики», они должны быть неопрятными и шумными. Также плохая успеваемость мальчиков никого не смущала, но от девочек всегда требовались высокие показатели*

По мнению большинства участниц исследования, «...Учителя оказались первыми людьми, которые насаждали определенные модели поведения, различные для мальчиков и девочек. Мальчикам в классе позволялось гораздо больше, чем девочкам, многие шалости им сходили с рук. От девочек же всегда ожидалась высокая успеваемость по всем школьным дисциплинам и примерное поведение, а также помощь учителям в «воспитании» мальчиков».

Одновременно, по свидетельству респонденток, педагоги канализировали развитие интересов мальчиков и девочек, транслировали специфические гендерные стереотипы об интеллектуальных и моральных различиях между полами:

- Не раз приходилось слышать от учителей, что девочки более способны к гуманитарным наукам, а мальчики – к точным, что девочкам точные науки не нужны, т.к. маловероятно, что пригодятся в жизни

- С девочкой за парту обязательно сажали мальчика со словами: «Помогай и воспитывай, с тобой он станет спокойнее». Но если у девочки не шла математика, то говорили – «Ты же девочка, это нормально».

- Некоторые учителя насаждали стереотипы: «Девочкам не дано понять математику и физику, этот предмет понимают только мальчики».

- Учитель ИЗО очень придиралась к мальчикам, хотя их работы были ничуть не хуже.

- В начальной школе педагоги подчеркивают границы между мальчиками и девочками: рассаживают учеников не по желанию, кто с кем дружит, а по полу – девочку с мальчиком, при этом подчеркивают, что девочки более дисциплинированы и лучше усваивают материал, поэтому обязаны помогать мальчикам.

Как показало исследование, распространенным способом конструирования педагогами гендерных различий между полами является демонстрация различий в деятельности:

- В школе учительница поручала мальчикам двигать мебель, а девочкам – присмотреть за первоклашками. От девочек требовали больше ответственности, доверяли им нести журнал в учительскую.

- На внеклассных мероприятиях по указке классной (руководительницы – Л.Ш.) парты двигали мальчики, а накрывали на столы девочки.

- Классная дает задания Д. – протирать пыль и поливать цветы, а М. – двигать парты и стулья.

- В младших классах на продленке девочек учили вязать, а мальчишки гонялись друг за другом.

- В начальной школе классная поручала девочкам протирать пыль и поливать цветы, а мальчикам – двигать парты и стулья.

- Уроки технологий явно демонстрировали различия между полами. Девочки шили и варили, а мальчики занимались в слесарной и столярной мастерских.

- В 12 лет от классной я услышала: «Девочкам нельзя поднимать тяжести, потому что им еще рожать» и поняла, что мое главное дело в будущем – родить ребенка.

- После уроков у нас были кружки по интересам. Некоторые мальчики тоже хотели заниматься в кружке шитья, но их выгнали, и они просто носились по школе.

- *В школе учительница отказалась сделать меня капитаном команды на смотре строя и песни, потому что, по ее мнению, это было «не женское дело».*

- *В 9 классе меня единогласно выбрали старостой, но классная отменила это решение, так как, по ее мнению, руководить классом должен мальчик. Я тогда очень переживала.*

В ходе исследования обнаружено небольшое количество примеров равного, по мнению респондентов, отношения педагогов к мальчикам и девочкам в образовании. Примечательно, что авторы квалифицировали это как «счастливый случай»:

- *В старших классах различий в подходе к учащимся разного пола со стороны учителей практически не было. Мне повезло с коллективом и преподавательским составом.*

- *Мне повезло, что в школе не насаждали поведенческих моделей. Мальчики таскали столы, не потому, что они мальчики, а потому, что они чувствовали себя более сильными и уверенными, чем девочки, а я таскала столы вместе с ними.*

- *В начальной школе учительница призывала всех ребят дружить, сама относилась ко всем равно и требования ко всем были одинаковыми. Когда мы перешли в 5 класс, то вскоре поняли, что четыре предыдущих года прожили, действительно, единым и дружным коллективом.*

На основе вышеизложенного можно сделать следующие заключения:

- школа является мощным фактором формирования гендерной идентичности и ментальности обучающихся, в учебно-воспитательном процессе репрезентируются модели гендерных отношений между полами, которые могут приниматься или отвергаться обучающимися;

- ведущая роль принадлежит учителю, который, исходя из своих гендерных представлений и идеалов, использует различные способы конструирования гендерных ролей и представлений обучающихся, канализирует их жизненные планы и стратегии по социополовому признаку;

- основная проблема гендерной социализации девочек и мальчиков в современном образовании, как показало исследование, – засилье традиционных гендерных стереотипов, воспроизводимых педагогами;

- традиционалистские установки педагогов в гендерной социализации обучающихся обуславливают, на наш взгляд, с одной стороны – недосамореализацию интеллектуально-волевого потенциала девочек (исследования Л.В. Поповой, О.И. Ключко и др.) и избыточную гендерную схематизацию эмоционально-личностного развития мальчиков, а с другой стороны – провоцируют развитие многочисленных трудноразрешимых внутриличностных и межличностных конфликтов на гендерной почве;

– наиболее остро воспринимается обучающимися гендерное неравенство в требованиях педагогов, предъявляемых к девочкам и мальчикам;

– патриархатные гендерные стереотипы педагогов в общении с девочками и девушками провоцируют сопротивление, чреватые межличностными и внутриличностными гендерными конфликтами, которые тяжело переживаются девочками-подростками.

Выводы исследования

Важнейший результат проведенных нами исследований – обоснование объективности и значимости гендерного компонента педагогической культуры и образования (сокращенно – ГКПК) как важного социально-педагогического фактора становления и развития гендерной идентичности индивида, выявление их структуры и содержания, системных связей с гендерным компонентом культуры в целом, проблематизация влияния ГКПК на процесс и результаты образования каждого человека как субъекта культуры, на формирование гендерного аспекта мировоззрения личности, то есть гендерной ментальности каждого человека и нации в целом.

Исходя из сущностных характеристик образования как подсистемы культуры, оценка влияния гендерного компонента педагогической культуры на формирование гендерной идентичности и ментальности обучающихся исходит из следующих идей:

1. Образование – авторитетный социальный институт и социальная технология формирования гендерной идентичности каждого ученика(-цы), гендерных отношений в обществе в целом и его отдельных институтах в частности (семья, ученический, студенческий, трудовой коллектив и др.)

2. Образование, обладая мощным организационным и психолого-педагогическим потенциалом и отражая гендерные стереотипы культуры, не только направляет гендерную социализацию мальчиков и девочек в определенное русло, но и активно использует «фактор пола» в ежедневном педагогическом взаимодействии.

3. Гендерная идеология, из которой исходит и которую реализует образование, влияет на положение мальчиков и девочек в школе, на их отношение к себе, к учебе и на результаты обучения, на выбор профессии и определение индивидуальных жизненных стратегий выпускников, на гендерную ментальность нового поколения.

4. Убежденность в том, что различия в поведении мальчиков и девочек, в их отношении к учебе, различия в их способностях и интересе к тем или иным предметам объясняются естественными половыми различиями, представляет устаревший взгляд на проблему различий между мальчиками и девочками в образовании, который ведет к фундаментальным педагогическим ошибкам, становится препятствием на

пути развития самоактуализирующейся и самореализующейся личности каждого обучающегося.

5. Отношение педагога к детям, основанное на преувеличении и подчеркивании половых различий, способствует выработке у детей гендерно схематизированного мышления и представления о себе, ограниченного рамками поло-ролевых стереотипов, которые препятствуют раскрытию и всестороннему развитию индивидуальности (С. Бем, Ш. Берн, Л.В. Попова, И.С. Клецина, Э. Маккоби и др.)

6. Гендерное равенство является универсальной ценностью. Нельзя относиться к людям по-разному лишь в силу их половой принадлежности, тем более, что в целом половые различия невелики, и представители обоих полов гораздо ближе друг к другу, нежели противоположны (Ш. Берн, Л. Берк, Э. Гидденс, Д. Гилмор, Д.С. Милль, И.С. Кон, И.С. Клецина, Д. Шеффер и др.).

Эти идеи характеризуют сущность *гендерного подхода* к образованию, основанного на социоконструктивистской методологии гендера¹. Речь идет о том, что восприятие и исследование обоснованных нами социо-конструктивистских моделей гендерного подхода в образовании требует от педагога соответствующего «методологического угла зрения», т.е. аналитического подхода, а также основанного на современных социоконструктивистских парадигмах и теориях гендера. Культурологический подход как конкретно-научная методология исследования образования, в совокупности с теориями социального конструирования реальности и гендера, образуют несущий каркас конструктивистской методологии гендерного исследования педагогической теории и практики образования.

Интеграцию гендерного образования в профессиональную подготовку педагогов необходимо рассматривать как системную, стратегическую *социальную инновацию*, направленную как внутрь (на само образование и развитие личности в контексте образования), так и во вне (на гендерный уклад и жизнь общества в целом) с пролонгированными и диффузными, т.е. распространяемыми на многие объекты результатами. Под социальной инновацией в данном случае подразумевается изменение педагогической культуры вследствие пересмотра устаревших культурных норм отношений между полами и внедрения концепции гендера в педагогику. Гендерная инновация в образовании является социальным процессом, сопровождающимся кардинальным пересмотром устаревших представлений о роли и значении «фактора пола» в образовании и вооружением этим знанием нового поколения педагогов.

Спектр изменений, обусловленных гендерной инновацией, весьма широк. Он касается как изменений профессиональных, так и личностных характеристик обучающихся (в педвузах и колледжах). Следствием этих

¹ Воронина О. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9-19.

изменений являются изменения условий образования и личностного развития детей и подростков в детских садах и школах, учреждениях дополнительного образования, в детских организациях и клубах по месту жительства. Отдаленным результатом внедрения гендерной инновации в подготовку педагогов должно стать изменение культуры гендерных отношений в российских семьях и обществе в целом, укоренение гуманистических эгалитарных идеалов, кратное увеличение интеллектуального потенциала страны и др.

Об изменениях, которые происходят в профессиональных представлениях и сознании педагогов в результате обучения, можно судить по их отзывам и суждениям, изложенным в итоговых эссе, примеры которых представлены в приложении.

Приложение 3

**Примеры эссе школьных учителей на тему
«Зачем современному педагогу знать
о гендерном подходе к обучению и воспитанию школьников?»**

Любой вопрос, начинающийся со слов «зачем», заставляет обратиться к мотивам, побуждающим нас на решение задачи или достижение какой-либо цели. В качестве мотива может выступать интерес, потребность или просто нужда в чем-либо. Что же дает импульс современному педагогу на изучение вопроса о гендерном подходе к обучению и воспитанию? На мой взгляд, это несколько вещей.

Во-первых, представление о гендерном равенстве тесно связано с проблемой прав человека. В ряде документов, определяющих права человека и государственную политику, направленную на их обеспечение, декларируются равные права мужчин и женщин. В том числе это касается и сферы образования. Поэтому педагог в своей деятельности должен понимать - любое ограничение в процессе образовательной деятельности, формирующееся по признаку пола, есть не что иное, как дискриминация, противоречащая букве закона.

Во-вторых, задача педагога заключается не только в том, чтобы передать подрастающему поколению накопленный опыт, но и обеспечить развитие общества в целом. Ее успешное решение, без понимания грядущих перемен, невозможно. Образование всегда должно быть направлено в будущее. В условиях современного, быстро меняющегося мира, социальные роли мужчин и женщин подвергаются серьезным изменениям. Независимость женщины растет, а вместе с ней появляются новые возможности и перспективы. К сожалению, сознание людей меняется значительно медленнее, чем окружающая их реальность. В обществе продолжают господствовать гендерные стереотипы, воздвигающие непреодолимые преграды на пути самореализации представительниц женского пола, более того, зачастую оправдывающие гендерное неравенство. Понимание сущности гендерного подхода позволяет преодолеть косность мышления относительно места и роли женщин в обществе. Не владеть этим знанием, значит не понимать масштабы решаемых в процессе

образования задач, не быть способным адекватно оценить последствия своей педагогической деятельности.

В-третьих, каждый педагог – это человек, который является мужчиной или женщиной, живет в социуме, взаимодействует с другими людьми, имеет детей, мечтает о счастье. Понимание принципов гендерной социализации, истоков формирования и роли гендерных стереотипов, способность спрогнозировать последствия тех или иных действий с точки зрения гендерного подхода (не только в сфере образования), вооружает нас мощным инструментом, позволяющим сделать собственную жизнь и жизнь наших детей более гармоничной, а значит и более счастливой.

И, наконец, лично для меня, наряду со всеми выше перечисленными потребностями, серьезным мотивом является интерес. Изначально было интересно узнать, почему так несправедливо устроен мир, отчего у мужчин возможностей больше, чем у женщин. По мере погружения в материал появилось чувство удивления, значительно усилившее мой интерес. Удивление от того, как незаметны были очевидные проявления гендерного неравенства, как я, человек достаточно независимый, смиренно принимала реальность, которая оказывается несправедлива! Возникший ситуативно, интерес перерос в устойчивый мотив – желание продолжить свое образование по проблеме гендерного подхода в образовании. Ведь если мир несправедлив, то с этим надо бороться! А кто как не педагог, оказывающий огромное влияние на сознание детей, может добиться в этом успеха?

Учительница начальных классов, 43 года

Нужно ли современному педагогу знать о гендерном подходе к обучению и воспитанию школьников? Считаю, что, конечно нужно! Ведь традиционный императив о доминантно-зависимой модели отношений, который не предполагает равноправия позиций (одна сторона занимает доминантную позицию, другая – подчиненную, зависимую) в последнее время (и, с моей точки зрения, обоснованно) подвергается сомнению и пересмотру. Появляются разумные альтернативы традиционному подходу. А именно речь идет о партнерских отношениях, которые характеризуются направленностью участников взаимодействия на согласование целей, интересов и позиций друг друга.

Действительно, не существует отдельных задач для мальчиков и девочек. А существуют задачи для «продвинутых» школьников, которые можно решить при правильном подходе к проблеме (не делая скидку на «гендерность»). И я считаю, что современный педагог должен уделить должное внимание, чтобы донести до школьников эту мысль – задача не имеет «гендерной» принадлежности, задача имеет правильное решение, которое будет найдено учеником вне зависимости от их половой принадлежности. Именно к этому ученик и должен стремиться, не взирая на (все еще) традиционное отношение к «разделению» проблем на мужские и женские. Любая задача, сколь бы она ни была сложна, может быть решена как школьником, так и школьницей. Главное, чтобы у учеников не возникла идея о «невозможности» и «ненужности» решать сложную задачу изначально, опираясь на гендерный стереотип женского и

мужского предназначения. Нужно уделить особое внимание тому, что «сложная» задача – это не задача для мальчика, а задача, которую может решить любой подготовленный школьник. А «объемная» задача – не задача для усидчивой аккуратной девочки, это задача для грамотного ученика, желающего познать истину в ее первоначальной инстанции, как бы долго и упорно ни потребовалось бы идти к ответу.

Считаю, что «стирание граней» между различными подходами, связанными с фактором пола в образовании, могут действительно дать положительный эффект – сформируется опыт партнерских отношений между мальчиками и девочками, между разными, но равноправными и равноценными членами сообщества, способными совместно добиваться желаемого результата. И современному педагогу необходимо знать и уделять должное внимание гендерному подходу к обучению и воспитанию школьников. Это, возможно, приведет к большей гибкости в развитии личностных черт, в создании условий, при которых маскулинность и фемининность будут развиваться как два взаимосвязанных измерения каждой личности. Это может привести к психологической устойчивости личности – способности изменять поведение в зависимости от ситуации, приобрести устойчивость к стрессам и способствовать достижению наилучших результатов в различных сферах жизнедеятельности.

Поэтому я считаю, что современному педагогу нужно, как минимум, иметь базовые знания о социальном конструировании реальности и гендерном подходе к обучению и воспитанию школьников. Это поможет привести к нейтрализации и смягчению традиционных полоролевых стереотипов, поможет избавиться от наследия прошлого в этом вопросе. Свое эссе я бы хотела закончить цитатой Дж. Батлер: «На мой взгляд, гендер формирует культура, но он также зависит от свободного выбора человека, и поэтому важнее всего – уметь противостоять насильственному навязыванию идеальных гендерных норм, особенно в отношении гендерно-неконформных людей».

Учительница математики, 32 года

3.3 Аттitudes патриотизма и социальные установки юношей и девушек

Патриотизм как феномен, природа патриотизма, условия развития и становления патриотизма, споры о содержании патриотизма – все это темы многочисленных дискурсов, обсуждений в разных областях научного знания – педагогике, социологии, психологии, культурологии. С этой проблематикой особую значимость обрели и такие вопросы, как мировоззрение патриота, структура гражданственности, гражданское мировосприятие, гражданская идентичность, личностные особенности, ценности, установки людей, приписывающих себя к патриотам, возрастные особенности в проявлении патриотизма, связь городской и сельской идентичности личности с патриотическими переживаниями и действиями. При всем многообразии исследований в этой области, проблема взаимосвязи патриотических и социальных установок у юношей и девушек сохраняет научную новизну. В данной работе сделана попытка раскрыть специфику аттитюдов патриотизма у юношей и девушек.

Статистический анализ литературы, посвященной вопросу патриотических установок в гендерном аспекте, показал, что научных теоретических и эмпирических исследований за последние 20 лет не так и много, всплеск интереса к этой проблематике наблюдается с 2015 года. Подсчет велся на основе данных сайта scholar.google.com. Данные представлены в таблице.

Таблица 1

Количество научных источников, посвященных изучению патриотических установок в гендерном аспекте с 2015 по 2020 гг. в отечественных и зарубежных исследованиях

	Аттitudes патриотизма	Патриотизм и гендер
Россия	421	6680
Зарубежные исследования	1737	17

Из таблицы видны приоритеты в исследованиях. Ниже мы представим качественный анализ работ по данной тематике.

Проблема патриотизма рассматривается в разных науках (культурологии, психологии, социологии, философии) и в разнообразных смыслах и контекстах. Мы проанализировали работы, посвященные проблеме патриотизма, зарубежных авторов из США, Китая, Сингапура, Англии и др. Анализ зарубежных источников за последние 15 лет (2005–2020) позволил выделить ряд закономерностей и сложившихся традиций.

1. Колоссальное внимание уделяется вопросу формирования патриотизма в условиях образования, особенно четко эта тенденция просматривается в странах Азии (Сингапур, Китай)¹.

Авторы выделяют следующие компоненты гражданского (патриотического) образования: гражданское воспитание, нравственное воспитание, гражданские навыки и развитие гражданских привычек. Zhu and Feng, 2006² заключили, что такое образование не должно сводиться лишь к теории, молодой гражданин должен принимать активное участие в реальной жизни государства, подчеркивается, что школы и университеты не должны играть авторитарную роль в формировании гражданственности через разработку учебников и жестких обучающих программ³.

В работе Gong K. анализируется, какие цели и задачи ставит система образования в западных странах и Китае в области воспитания патриотизма и гражданственности. В Китае следующие приоритеты: моральные качества граждан (верность, трудолюбие, учеба, честность, мужество, скромность, строгость, простота, чувство социальной ответственности, самоуважения и коллективной чести), политические установки и правосознание граждан (патриот озабочен национальными делами, устанавливает правильные политические убеждения, любит социалистическую систему, поддерживает воссоединение Родины и обладает интернациональным духом), гражданственность (основные навыки, связанные с социальной жизнью, включая хорошие коммуникативные навыки). В США в области воспитания гражданственности следующие приоритеты: познавательная цель, эмоциональная цель, развитие способностей и привычек правильного поведения. Прямой целью гражданского образования является повышение качества жизни граждан и повышение их гражданской сознательности. Воспитание гражданственности – это ни в коем случае не воспитание народа, а содействие построению демократической политики⁴.

В Великобритании в 2002 году в систему обучения в средней школе была введена программа «Гражданское образование», она широко обсуждалась в обществе и было проведено исследование, направленное на фиксацию изменений в гражданской идентичности тех учащихся, которые

¹ Chua S., Sim J. B.Y. Rethinking critical patriotism: a case of constructive patriotism in Social Studies teachers in Singapore // *Asia Pacific Journal of Education*. 2017. Т. 37. № 1. С. 1–13.

² Zhu XM and Feng XJ (2006) Zhongguo gongming jiaoyu guan fazhan mailuo tanxi [Exploration on the developmental track of Chinese civil education outlook]. *Jiaoyu Yanjiu* // *Educational Research* 12: 3–11.

³ Zhang C., Fagan C. Examining the role of ideological and political education on university students' civic perceptions and civic participation in Mainland China: Some hints from contemporary citizenship theory // *Citizenship, Social and Economics Education*. 2016. Т. 15. №. 2. С. 117–142.

⁴ GONG K. Comparative Study of Goals of University Civic Moral Education between China & Western Countries // *Canadian Social Science*. 2019. Т. 15. №. 4. С. 26–29.

проходили обучение по этой программе. В исследовании отмечается, что молодые люди, прошедшие обучение по этому курсу, более критично подходили к оценке деятельности властей, занимали активную гражданскую позицию, выразили желание участвовать в политических выборах¹. В исследовании подчеркиваются положительные результаты данной обучающей дисциплины.

2. Существуют различия в понимании природы и видов патриотизма в научных исследованиях США и Азии. Азиатские исследователи выделяют виды патриотизма: космополитический, националистический, социально-движимый и лично ориентированный. Космополитический патриотизм — любовь к своей нации и к миру в целом (космополиты могут быть патриотами); националистический – патриотизм, направленный на само государство, связан с гражданственностью, эта разновидность патриотизма ассоциируется с военной службой и жертвенностью ради интересов государства; социально-движимый патриотизм проявляется в единении ради общего блага или в «борьбе и самопожертвовании ради общего дела» (Dietz, 2002)²; лично ориентированный патриотизм включает в себя ответственность каждого отдельного человека за свои действия и помощь другим людям. Одна из главных черт такого гражданина – нравственность³.

В исследованиях, проведенных в США⁴, отмечается влияние феномена «двойного сознания», которое было введено в научный оборот Дю Буа в 1903 году. Раскрывается феномен «черного патриотизма»: темнокожие привыкли воспринимать себя через доминирующее общество, в котором они находятся, черное сообщество – это «нация внутри нации». Johnson M. E. выделил альтернативные патриотические идентичности: сторонний наблюдатель, подхалим, ниспровергатель и сознательный Патриот. Сторонний наблюдатель – человек, оторванный от Америки, не ощущающий привязанности к ней, отстранены от ее ценностей и истории, текущих событий, обычно не питают патриотических чувств к США, отвергают идею о социальном неравенстве, воспринимают ее как страну определенных возможностей. Подхалим искажает реальность и преуменьшает расовое неравенство и поддерживают американскую исключительность. Ниспровергатель оторван от Америки, но ощущает

¹ Pontes A.I., Henn M., Griffiths M.D. Youth political (dis) engagement and the need for citizenship education: Encouraging young people's civic and political participation through the curriculum // Education, Citizenship and Social Justice. 2019. Т. 14. №. 1. С. 3-21.

² Dietz, M.G. Patriotism: a brief history of the term”, in Primoratz, I. (Ed.), Patriotism, Humanity Books, New York, NY, 2002, pp. 201-215. p.208.

³ Chua S., Sim J. B. Y. Postmodern patriotism: teachers' perceptions of loyalty to Singapore // Asian Education and Development Studies. 2017.

⁴ Johnson M. E. The paradox of black patriotism: double consciousness // Ethnic and Racial Studies. 2018. Т. 41. №. 11. С. 1971–1989.

социальное неравенство и притеснение чернокожих. Он привязан к альтернативной родине, например Африка. Обычно такие люди выступают за радикальное решение проблем и конфликтов. Сознательный патриот (Мартин Лютер Кинг-младший) тесно связан с Америкой как с родиной, но трезво оценивает ситуацию с социальным неравенством и активно критикует те или иные действия, наполнен чувством долга и верой в то, что в Америке может установиться справедливость и расовое равенство. С точки зрения авторов, «истинные» американцы должны придерживаться сознательного патриотизма, так как их национальная идея заключается в стремлении к свободе и борьбе с неравенством ¹.

Для западной ментальности понятен и приемлем т.н. «критический патриотизм», который подразумевает борьбу и отстаивание прав и свобод, предполагает наличие радикальных действий (Busey C. L., Walker I.) Ученые Азии описывают «конструктивный патриотизм», который предполагает постепенное разрешение споров и достижение консенсуса (делается акцент на том, что навыки «конструктивного патриотизма» можно и нужно развивать в системе образования) ² (Chua S., Sim J.)

3. В странах Запада понятия гражданственность и патриотизм разводятся, в то время как в странах Азии эти понятия взаимозаменяемы. В исследовании Lee и Fouts ³ используется понятие «истинной гражданственности» («good citizenship»), под которым понимают совокупность качеств: Moral – моральное поведение, Fulfillment – выполнение семейных обязательств, Concern – беспокойство о благополучии других людей, Make Wise – способность принимать мудрые решения, Tolerance – толерантность, Acceptance – принятие возложенной ответственности, Ability – возможность подвергать что-то сомнениям, Authority – принятие тех, на кого возложены властные полномочия, Participation – участие в общественных делах, Knowledge – знание основных событий, Government – знание правительства / руководства, World – знание о мировом сообществе, Patriotism – патриотизм. Учителя США, Австралии, Англии, Китая, Сингапура и России должны были проранжировать эти качества с точки зрения их значимости в конструкте «good citizenship». Учителя из Англии, США и Австралии не считали патриотизм важным аспектом гражданственности. А российские и китайские учителя напротив придавали особое значение патриотизму как компоненту гражданственности. Ментальность западного мира разделяет

¹ Busey C. L., Walker I. A dream and a bus: Black critical patriotism in elementary social studies standards // *Theory & Research in Social Education*. 2017. Т. 45. №. 4. P. 456–488.

² Chua S., Sim J. B. Y. Rethinking critical patriotism: a case of constructive patriotism in Social Studies teachers in Singapore // *Asia Pacific Journal of Education*. 2017. Т. 37. №. 1. С. 1–13.

³ Lee, W.O. and Fouts, J.T. (2005), *Education for Social Citizenship: Perceptions of Teachers in the USA, Australia, England, Russia and China*, Hong Kong University Press, Hong Kong. 2005. 136 p.

гражданственность и патриотизм, а для ментальности восточного мира вполне приемлемо сочетание этих феноменов. В состав «good citizenship» наряду с патриотизмом входят такие качества, как выполнение семейных обязательств, знание основных событий.

Анализ отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию патриотических установок в гендерном разрезе с 2001 по 2020 гг.

1. В исследованиях зарубежных авторов ставится вопрос о том, кто более патриотичен – мужчины или женщины. Р. Мусави и Р. Рошан (2010)¹ установили, что патриотическая идентичность дифференцирована в пользу женщин. Дж. Лэй и Дж. Пурта (2001) отмечают, что мужчины более патриотичны в США и России². Тартаковский пришел к выводу, что у мужчин чувство более сильной идентичности по отношению к своей стране (Tartakovsky, 2010)³. Исследования, проведенные в Университете Ататюрка (Турция), показали, что студентки склонны к конструктивному патриотизму, студенты мужского пола склонны к так называемому «слепому патриотизму»⁴.

2. В отечественных исследованиях, проведенных в различных регионах нашей страны, отмечается, что гражданская идентичность студентов занимает лидирующую позицию в структуре социальной идентичности. Гражданская⁵ и этническая⁶ идентичность оказались для юношей более актуальными, чем для девушек. Исследование, проведенное в 2015 году Т. В. Пискуновой и Т. Ю. Криворотовой, показало, что общей для юношей и девушек является мысль о том, что патриотом надо стать, одних положительных чувств и эмоций явно недостаточно, чтобы быть патриотом, следует также эффективно трудиться на благо Родины.

¹ Mousavi, R., & Roshan, R.. Investigating different aspects of identity among the students of tehran universities: the role of sex differences. *Procedia social and behavioral sciences*, 5, 2010. P. 1884–1889.

² Lay J.C., & Purta, J.T. Patriotism and political participation among russian and american adolescents. 2001. Available at Web: <http://www.bsos.umd.edu/gvpt>.

³ Tartakovsky, E. National identity of high-school adolescents in an era of socio-economic change: Russia and Ukraine in the post-perestroika period. *Journal of youth and adolescence*, 2010. Available at Web: <http://www.pubget.com>.

⁴ Bas M. The evaluation of the university students patriotism levels according to gender, age, family structure and sports activities // *European Journal of Education Studies*. 2016.

⁵ Гришина Е.А. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х годов: дис. ... д-ра социологических наук : 22.00.04. – М., 2000. 320 с.

⁶ Иванова С.Ю., Шульга М.М. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий // *Вестник Южного научного центра РАН*. 2010. Т. 6. № 4. С. 96–104.

Девушки чаще, чем юноши, демонстрируют связь собственного чувства патриотизма с любовью к родному городу, краю и родной природе¹.

3. Особый интерес представляет изучение концепта «патриотизм» у юношей и девушек. В исследовании К. А. Масловой респондентам нужно было описать словами (существительными, глаголами, прилагательными) ассоциации на слово-стимул «патриотизм». В сознании юношей концепт патриотизм закреплен как неотъемлемая нравственно-идеологическая составляющая (армия, солдат, долг, защита). Девушки ассоциировали патриотизм, используя абстрактные имена существительные (любовь, преданность, мир, достоинство, героизм, самопожертвование)².

4. Исследование аттитюдов патриотизма и их гендерных особенностей проводилось Л. Б. Шнейдер. Автор описала такие аттитюды, как «выраженный патриотизм», «невалидный патриотизм», «отвергаемый патриотизм», «нулевой патриотизм». Проведенное ею исследование показывает, что для юношей характерен такой аттитюд, как «отвергаемый патриотизм» (не могу уехать из страны, но хочу), а для девушек – «выраженный патриотизм» (могу уехать из страны, но не хочу)³.

Выше мы проанализировали подходы и традиции в изучении феномена патриотизма в гендерном аспекте в зарубежной и отечественной литературе. Далее дано описание исследования, проведенного в 2019 году, посвященного рассмотрению проблемы аттитюдов патриотизма у юношей и девушек, а также изучению групповых ценностей, мотивов и социальных установок, которые входят в структуру данных аттитюдов.

В отечественной литературе активно обсуждается тема патриотизма. С подробным обзором по этому вопросу можно ознакомиться в работах Л.Б. Шнейдер, И.В. Егорова и др. Так, Л.Б. Шнейдер дала следующее определение патриотизма: «... как способа создания и воссоздания конструктивных многообразных связей с миром посредством познания, прежде всего, своей страны, установления для себя ее значимости, проявляющейся как любовь к Родине, принятие на себя личной ответственности за ее государственное благополучие»⁴.

В нашем исследовании мы будем придерживаться подхода, предложенного Л.Б. Шнейдер и О.Л. Сташкевич. Авторы предлагают рассматривать данный феномен в антропологическом контексте как решение личностью социальных дилемм, конфликтов в виде противостояния «...личностных ценностей, обеспечивающих

¹ Пискунова Т.В., Криворотова Т.Ю. Деятельностный характер патриотизма: гендерный аспект // Гендерные ценности в XXI веке : материалы конф. М.: 2015. С.135.

² Маслова К.А. Свободный ассоциативный эксперимент как инструмент исследования концепта «патриотизм» // *Linguistica Juvenis*. 2017. №. 19. С.158–167.

³ Шнейдер Л.Б. Аттитюды патриотизма в оценке желания и возможности отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // *Актуальные проблемы психологического знания*. № 3 (48). 2018. С.101–112.

⁴ Шнейдер Л.Б. Патриотизм и профессионализация: взаимосвязь и взаимовлияние : монография / Л.Б. Шнейдер. М. : ИИУ МГОУ, 2019. С.15.

индивидуальное выживание и благополучие, и общечеловеческих, ориентированных на выживание ... рода человеческого»¹. Например, перед каждой личностью в тех или иных условиях стоит дилемма между личным (обособление) и общественным (сотрудничество), дилемма ресурсов и т.д.

Авторы утверждают, что разрешение этих дилемм личностью зависит от конкретных политических, социальных, экономических условий. В условиях, когда ресурсы ограничены, патриотические установки менее выражены, так как начинают работать механизмы, направленные на достижение личного благополучия и выживание, тогда антипатриотические модели доминируют. Если же существует угроза ресурсам извне, начинают работать механизмы сотрудничества и «...патриотические модели масштабируются»².

В обыденном сознании патриотизм представлен как жесткая, ригидная установка, бескомпромиссное противостояние «друг-враг», «свой-чужой». В данном подходе (Шнейдер Л.Б., Сташкевич О.Л.) патриотизм рассматривается как живая система, подверженная изменениям, чутко реагирующая на ситуацию и условия. Навешивание ярлыков и клише (например, предатель Родины) оказывается бессмысленным и даже антигуманным. В этом смысле уже по-другому оцениваются диаметрально противоположные высказывания о патриотизме выдающимися представителями культуры (слова Л.Н. Толстого о безнравственности патриотов или слова А. Островского о том, что у человека есть выбор либо быть патриотом, либо – мерзавцем).

Предложенный вариант анализа феномена патриотизма позволяет избежать крайностей, позволяет говорить о вариативности и ситуативности проявления патриотизма. Мы должны отдавать отчет тому, что патриотизм тесно связан с гражданственностью, мировоззрением, гражданским мировосприятием, этим можно объяснить, почему исследователи, начиная говорить о гражданственности, используют тезаурус из сферы патриотизма и наоборот.

Вслед за авторами термина У. Томасом и Ф. Знанецким мы понимаем аттитюд как предрасположенность личности к каким-либо групповым ценностям, которая связана с поведением³. Многочисленные исследования показали, что не всегда аттитюд приводит к поведению, часто социальная установка и конкретное действие даже противоречат друг другу. Кроме того, часто поведение предшествует аттитюду, человек сначала совершает действие, осмысливает его и на этой основе формируется установка. Вместе с тем аттитюд является открытым проявлением внутренних, скрытых, проблем личности. Л.Б. Шнейдер

¹ Шнейдер Л.Б., Сташкевич О.Л. Социальные дилеммы и антропология патриотизма // Традиции и инновации гражданского воспитания в современном образовательном пространстве. М.: Когито-Центр, 2019. С. 24.

² Там же, с. 25.

³ Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке. М., 2018.

предлагает выделить четыре аттитюда патриотизма, которые определяются желанием-нежеланием человека уехать из страны.

В работах Л.Б. Шнейдер¹, И.В. Егорова², Д.В. Наумовой³ и других были проанализированы особенности этих установок. С результатами этих исследований можно ознакомиться в многочисленных статьях, по теме исследования издано три монографии. Акцент в анализе аттитюдов ставился на изучение таких переменных, как культура, национальность, регион проживания, возраст, профессия, гендер.

Методики исследования

В работе были применены следующие методики:

- анкета ОВР: отъезд как возможность и реальность (Л.Б. Шнейдер);
- тест изучения общественного мнения Адорно;
- тест на гражданскую идентичность Р. Борисова;
- анкета по изучению различных убеждений и воззрений молодежи (Л.Б. Шнейдер);
- опросник по изучению уровня притязаний личности В. Гербачевского;
- методика «Маскулинности-Фемининности» С. Бем;
- методика С. Баднер, измеряющая толерантность-интолерантность личности к неопределенности;
- «Якоря карьеры» Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова;
- тест на профессиональную идентичность (Л.Б. Шнейдер).

Подробно эти методики описаны в учебном пособии Егорова И.В. и Наумовой Д.В.⁴ Как было указано, патриотизм является сложным, многокомпонентным феноменом, который включает эмоциональный, когнитивный, конативный компонент, определяется различными социальными установками (профессиональными, гражданскими), личными установками и воззрениями. Диагностический инструментарий подобран таким образом, чтобы получить богатую палитру содержания мотива отъезда из страны у юношей и девушек.

¹ Шнейдер Л.Б. Патриотизм и профессионализация: взаимосвязь и взаимовлияние : монография. М. : ИИУ МГОУ, 2019. 126 с.

² Егоров И.В., Наумова Д.В. Гражданское мировосприятие личности и аттитюды патриотизма: теория и методы диагностики. М. : ИУУ МГОУ, 2018. 110 с.

³ Наумова Д.В. Кросс-культурное исследование социальных установок студенческой молодежи // Традиции и инновации гражданского воспитания в современном образовательном пространстве. М. : Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2019. С. 82–90.

⁴ Егоров И.В., Наумова Д.В. Гражданское мировосприятие личности и аттитюды патриотизма: теория и методы диагностики : учебное пособие. М. : ИИУ МГОУ, 2018. 110 с.

Обоснование выбранных методик

Опросник «ОВР: отъезд как возможность и реальность» (Л.Б. Шнейдер)¹ позволил разделить всю выборку на четыре группы с соответствующими аттитюдами патриотизма («могу и хочу уехать из страны» («нулевой патриотизм»), «могу, но не хочу уехать из страны» («выраженный патриотизм»), «не могу, но хочу уехать из страны» («отвергаемый патриотизм»), «не могу и не хочу уехать из страны» («невалидный патриотизм»).

Методика Т. Адорно направлена на выявление авторитарного синдрома. Мы предполагаем, что одной из составляющих мотива отъезда из страны у молодых людей лежит стремление познать и покорить мир, это имеет успех при низких показателях авторитаризма и интолерантности к другим. А также это связано с низким уровнем интолерантности к неопределенности (методика С. Баднера).

Методика Р. Борисова, направленная на изучение гражданской идентичности, позволяет проанализировать, можно ли говорить о связи вида гражданской идентичности с мотивом отъезда из страны. Тест на изучение воззрений молодежи (Л.Б. Шнейдер) позволяет наполнить описание личности с определенным мотивом отъезда из страны содержанием, связанным с оценкой респондентами событий, происходящих в стране.

Методики, направленные на изучение профессиональных, карьерных особенностей ценностно-смысловой сферы респондентов («Якоря карьеры», профессиональная идентичность (Л.Б. Шнейдер), уровень притязаний (В. Гербачевский)), позволят ответить на вопрос о том, связан ли мотив отъезда из страны с карьерными ориентациями и профессиональной идентичностью личности.

Описание выборки

Общее количество респондентов 503 человека, средний возраст 20,1 год. Все респонденты являются студентами вузов страны (г. Москва, г. Екатеринбург, г. Севастополь, г. Омск, г. Томск), обучаются гуманитарным наукам (педагогическое образование), естественным наукам (медицинское образование), техническим наукам (военное образование). В таблице указано, как распределилась выборка по группам.

¹ Шнейдер Л. Б. Аттитюды патриотизма в оценке желания и возможности отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. Вып. 3(48). С.101–113.

Распределение выборки по группам

Пол / возраст	Группы				Итого
	могу и хочу «нулевой патриотизм»	могу, но не хочу «выраженный патриотизм»	не могу, но хочу «отвергаемый патриотизм»	не могу и не хочу «невалидный патриотизм»	
Девушки	49 чел., 20 лет	141 чел., 21,4 года	78 чел., 20 лет	107 чел., 22,2 года	375 чел.
Юноши	12 чел., 18,9 лет	40 чел., 21,4 года	43 чел., 18,8 лет	33 чел., 18,8 лет	128 чел.
Итого	61 чел.	181 чел.	121 чел.	140 чел.	503 чел.

Описание результатов

Для исследования андрогинности, фемининности, маскулинности респондентов была применена методика С. Бэм. Данные представлены в виде диаграмм, сравниваются средние значения.

Рис. 1. Показатели F, M, IS в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм»)

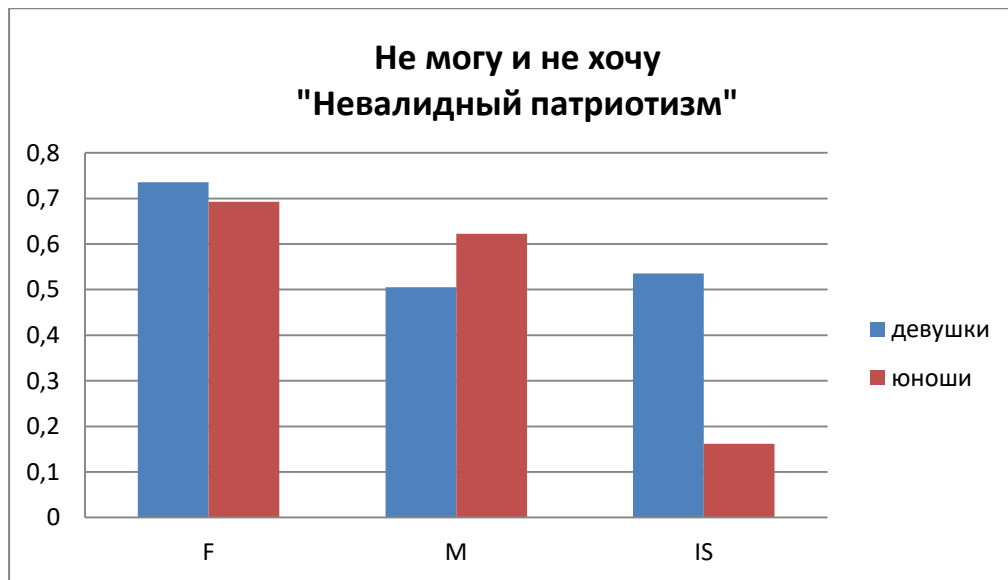

Рис. 2. Показатели F, M, IS в группе «могу и не хочу» («невалидный патриотизм»)

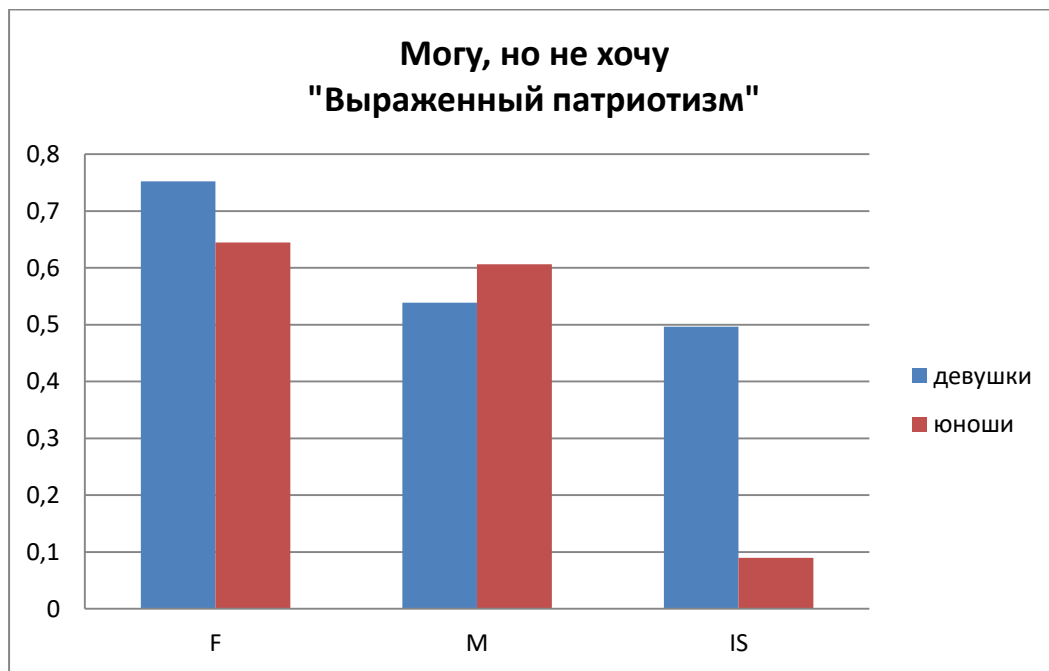

Рис. 3. Показатели F, M, IS в группе «могу, но не хочу» («выраженный патриотизм»)

Рис. 4. Показатели F, M, IS в группе «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»)

Анализируя полученные данные, можно прийти к выводу о том, что в группе «Могу и хочу уехать» показатели маскулинности как у мужчин, так и у женщин, выше в средних значениях, чем в других группах. Для определения значимых различий между группами, мы применили t-критерий Стьюдента. Это отражено в таблицах.

Таблица 3

Т-критерий Стьюдента при сравнении по шкале M между группами в мужской выборке

	Могу, но не хочу «выраженный патриотизм»	Не могу, но хочу «отвергаемый патриотизм»	Не могу и не хочу «невалидный патриотизм»
Могу и хочу «нулевой патриотизм»	$t_{Эмп} = 1.2$, при $p \leq 0.05$ незначимость	$t_{Эмп} = 1.7$, при $p \leq 0.05$ незначимость	$t_{Эмп} = 0.2$ при $p \leq 0.05$ незначимость

Т-критерий Стьюдента при сравнении по шкале М между группами в женской выборке

	Могу, но не хочу «выраженный патриотизм»	Не могу, но хочу «отвергаемый патриотизм»	Не могу и не хочу «невалидный патриотизм»
Могу и хочу «нулевой патриотизм»	$t_{Эмп} = 4.2$, при $p \leq 0.01$ значимость	$t_{Эмп} = 3.2$, $p \leq 0.01$ значимость	$t_{Эмп} = 4.6$ при $p \leq 0.01$ значимость

Таким образом, в группе «могу и хочу уехать» на уровне средних значений маскулинность в мужской и женской выборках выражена сильнее по сравнению с другими группами, в женской выборке шкала М в этой группе имеет значимые различия с респондентами из других групп. Если свести к общему знаменателю представления о маскулинности-фемининности в различных теориях (С. Бэм, Г. Хофстеде и т.д.), то маскулинность в структуре личности сводится к таким характеристикам, как исполнительность, амбициозность, независимость, мотивация к достижению, способность к напряженной работе, общественное признание, победа в конкурентной борьбе, стремление к материальному благополучию.

Можно выдвинуть гипотезу о том, что для людей, которые хотят и могут уехать из страны, своеобразным внутренним двигателем является маскулинная установка, потребность победить в любых условиях, добиться успеха несмотря ни на что. Интересно, что шкала М наименьшее значение имеет для женской выборки в группе «не могу и не хочу уехать» (ср.з.=0,5). Самый высокий показатель шкалы F женской выборки в группе «могу, но не хочу» (ср.з.=0,75) Для фемининных установок характерны скромность, застенчивость, соборность, взаимозависимость.

Вывод: гендерные установки могут определять модели поведения респондентов с различными аттитюдами патриотизма. Так, для аттитюда «могу и хочу уехать из страны» («нулевой патриотизм») характерна гендерная установка на доминирование, обладание и победу, а для аттитюда «могу, но не хочу уехать из страны» («выраженный патриотизм») работает гендерная установка на коллективность, сотрудничество, взаимодействие, учет положения других, общинность, общественность.

Тест-опросник общественного мнения (Т. Адорно и др.). В этой методике выделяется 9 шкал: конвенционализм (консерватизм), авторитарное раболепие, авторитарная агрессия, антиинтрацепция, стереотипизация, культ силы, деструктивность, проективность, сексуальное морализаторство. В диаграммах представлены средние значения по шкалам.

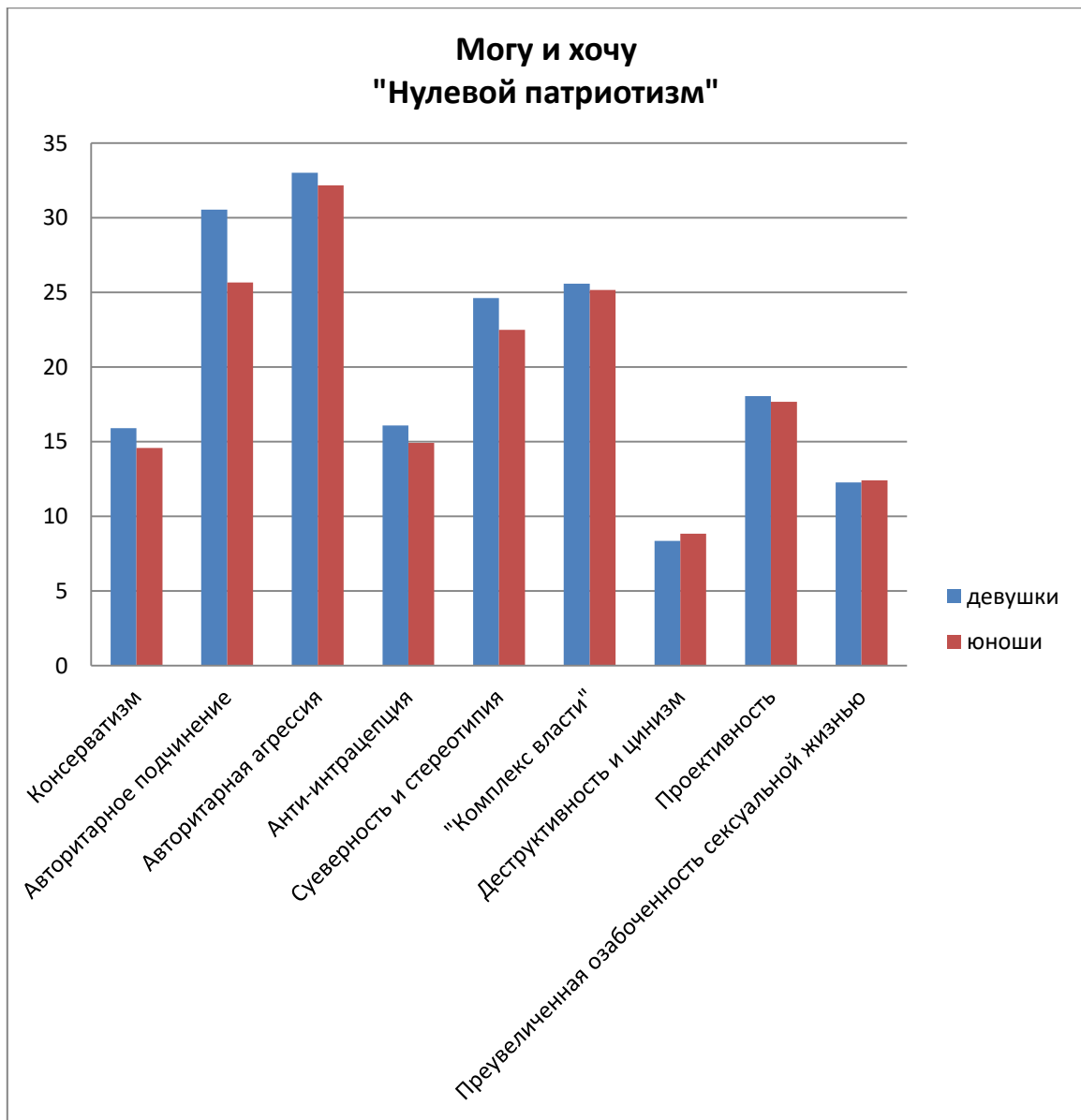

Рис. 5. Результаты опроса по методике Т. Адорно в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм»)

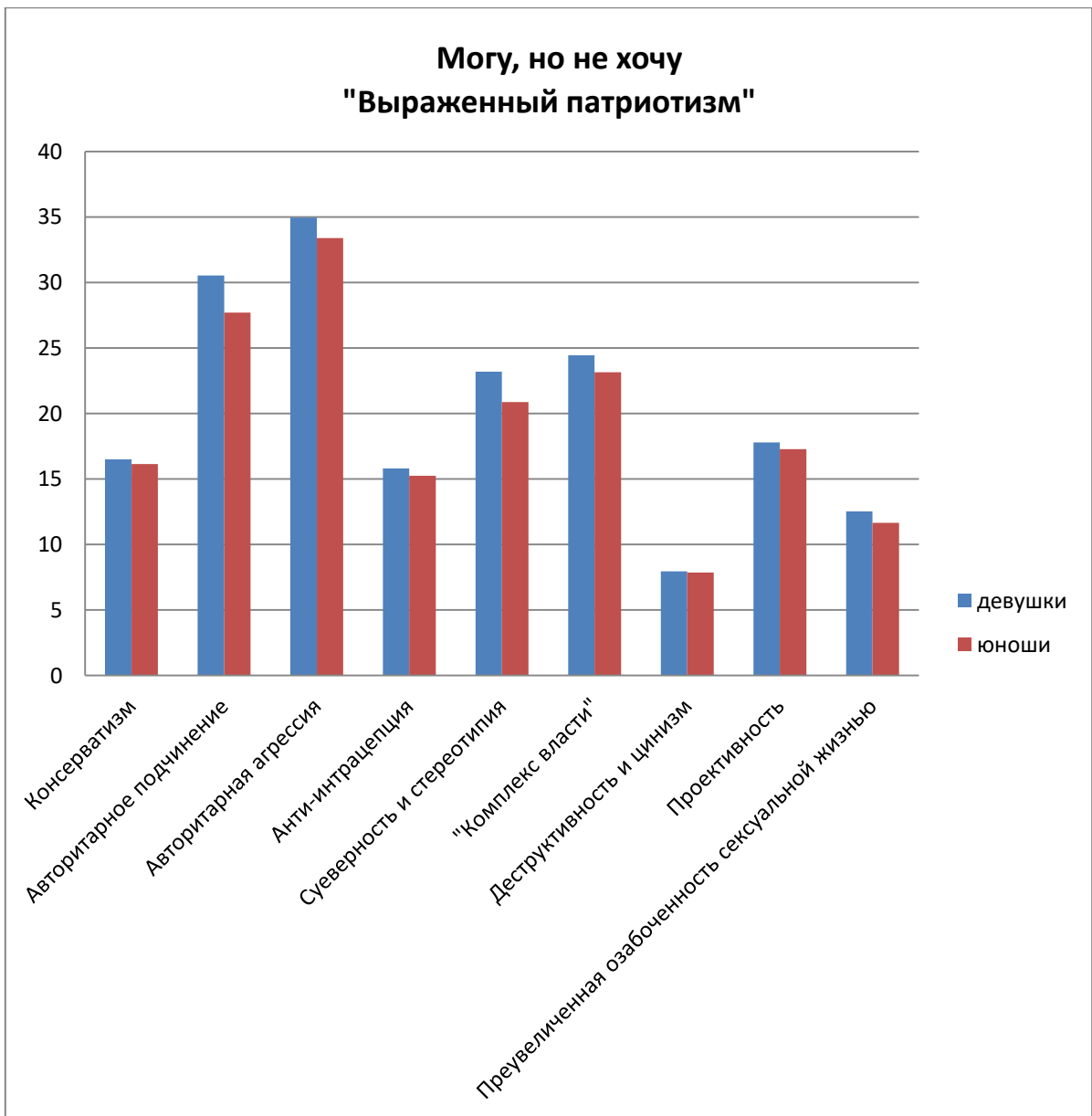

Рис. 6. Результаты опроса по методике Т. Адорно в группе «могу, но не хочу» («выраженный патриотизм»)

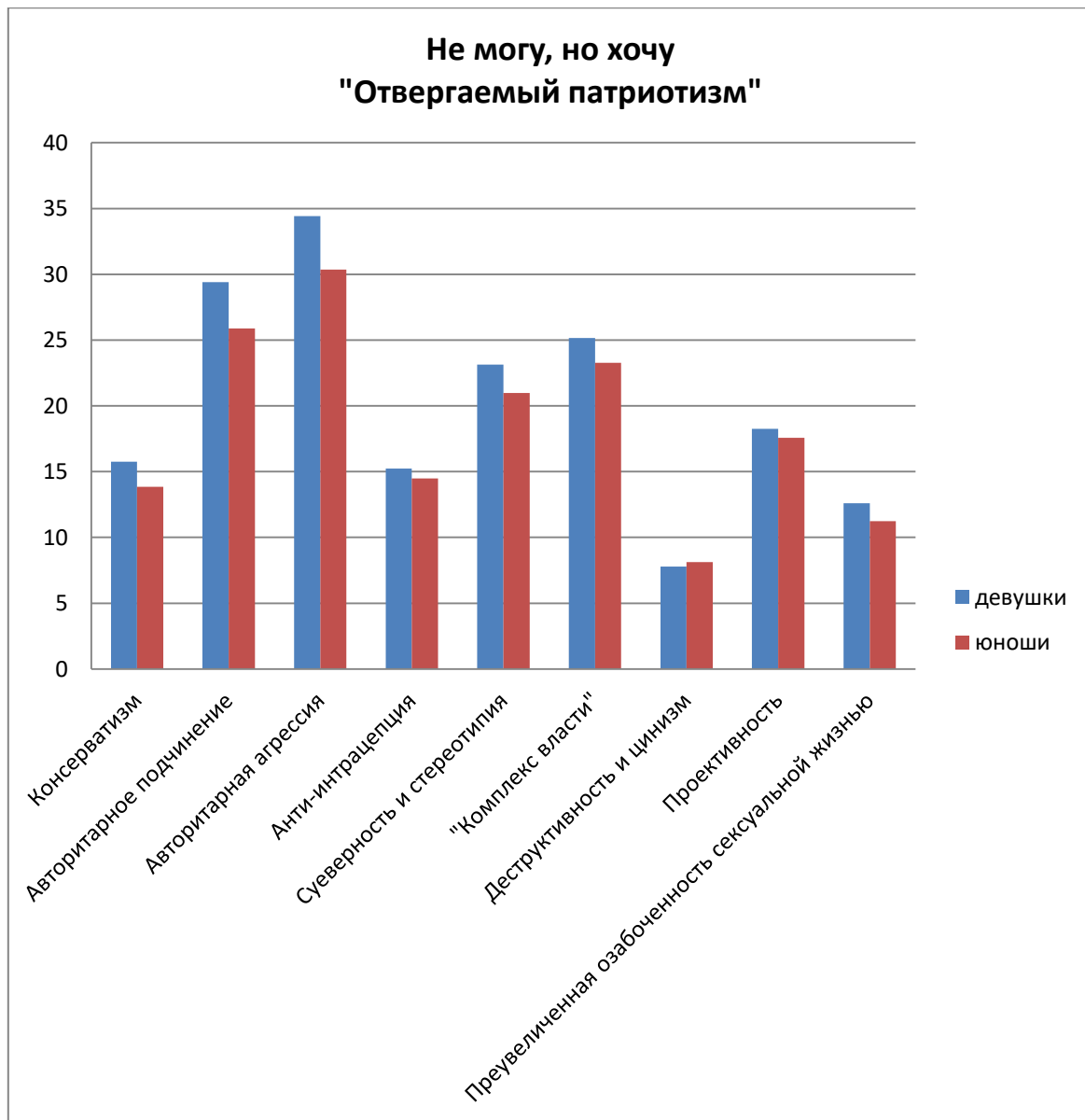

Рис. 7. Результаты опроса по методике Т. Адорно
в группе «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»)

Из диаграмм видно, что во всех группах максимальные значения имеют шкалы авторитарное подчинение и авторитарная агрессия. В таблице 3 указаны средние значения по этим шкалам.

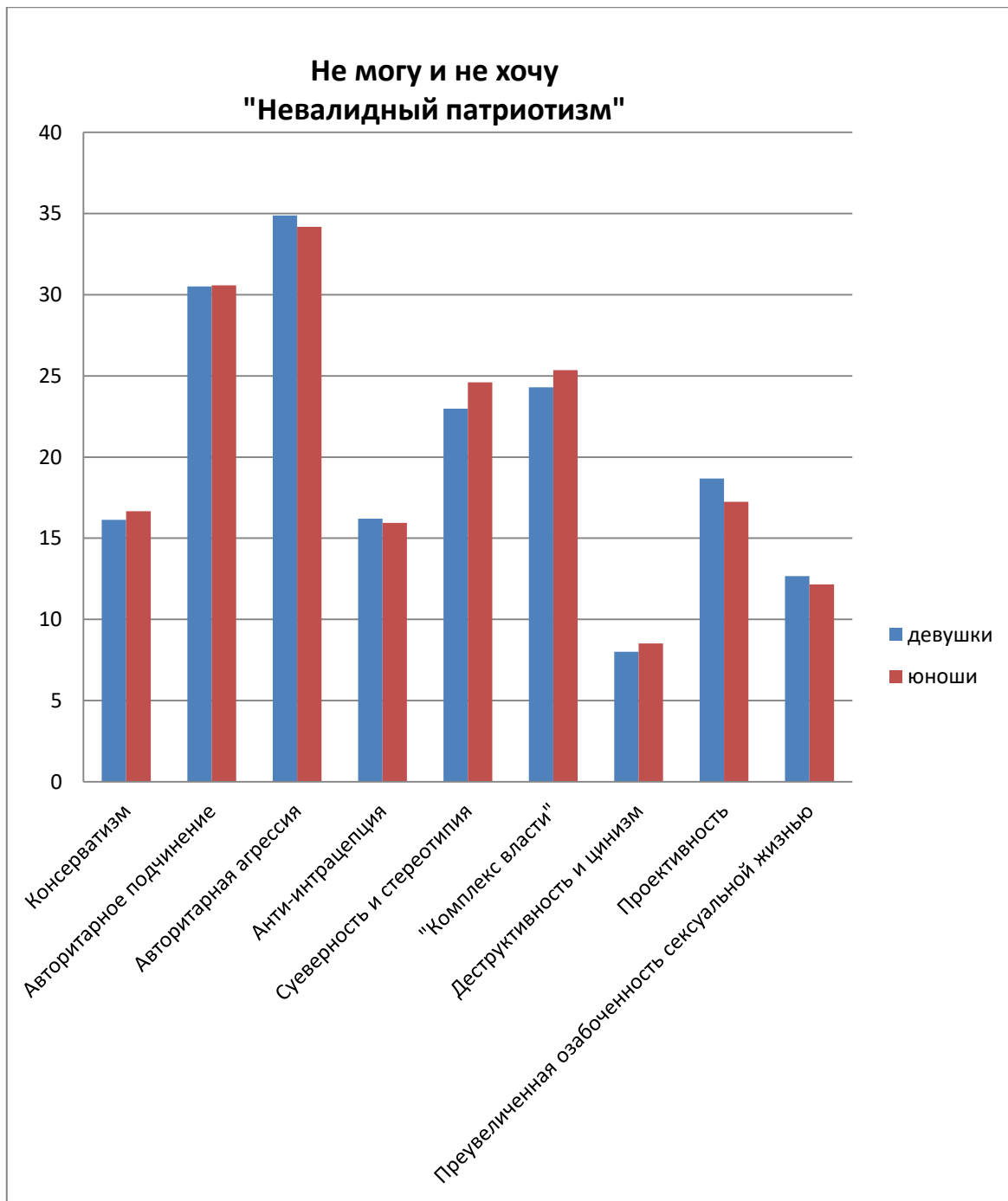

Рис. 8. Результаты опроса по методике Т. Адорно в группе «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм»)

Авторы методики описывают авторитарное раболепие как эмоциональную потребность в подчинении вне зависимости от реальных качеств авторитетов, а авторитарную агрессию как склонность выискивать нарушителей норм, осуждать, отвергать и наказывать их. Из таблицы 5 видно, что максимально эти качества представлены у респондентов мужчин и женщин группы «не могу и не хочу».

**Средние значения по шкалам «Авторитарное раболепие» и
«Авторитарная агрессия»**

	Авторитарное раболепие			
	Могу и хочу «нулевой патриотизм»	Могу, но не хочу «выраженный патриотизм»	Не могу, но хочу «отвергаемый патриотизм»	Не могу и не хочу «невалидный патриотизм»
Женщины	30,5	30,5	29,4	30,5
Мужчины	25,6	27,7	25,8	30,6
	Авторитарная агрессия			
Женщины	33	34,9	34,4	34,9
Мужчины	32,1	33,4	30,3	34,2

Минимальные значения авторитарное подчинение имеют женщины из группы «не могу, но хочу» и мужчины из группы «могу и хочу»; минимальные значения по шкале авторитарная агрессия имеют женщины из группы «могу и не хочу» и мужчины из группы «не могу, но хочу».

В методике есть шкала «Подверженность антидемократической идеологии», данные по этой шкале представлены в таблице 4, указаны средние значения.

Таблица 6

Результаты по шкале «Подверженность антидемократической идеологии»

	Подверженность антидемократической идеологии			
	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Женщины	117,9	117,3	115,9	118
Мужчины	111,6	110,8	106,9	118

Видно, что высокие показатели по этой шкале в группе «не могу и не хочу», самые низкие – в группе «не могу, но хочу».

Вывод: для респондентов из группы «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм») как для мужчин, так и для женщин свойственны зависимость, потребность уступить, послушание, покорность. Все эти качества обретают особый оттенок на фоне стремления наказать или обличить непохожих, инаковых, подвергнуть их критике, оценке, порицанию.

Тест «Якоря карьеры» (методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э. Шейн, перевод и адаптация В. А. Чикер, В.Э. Винокурова). В методике авторы выделили следующие социальные установки и побуждения, связанные с построением профессиональной

карьеры: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность место работы и стабильность места жительства, служение, вызов.

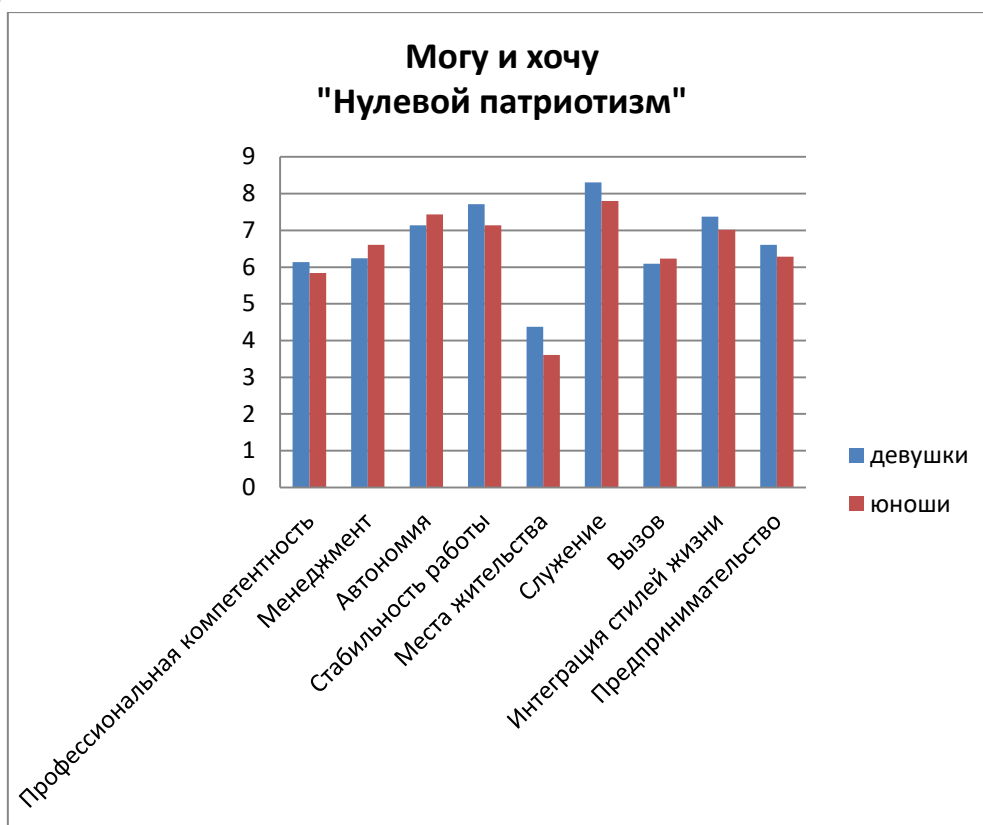

Рис. 9. Показатели ценностных ориентаций в карьере в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм») (указаны средние значения)

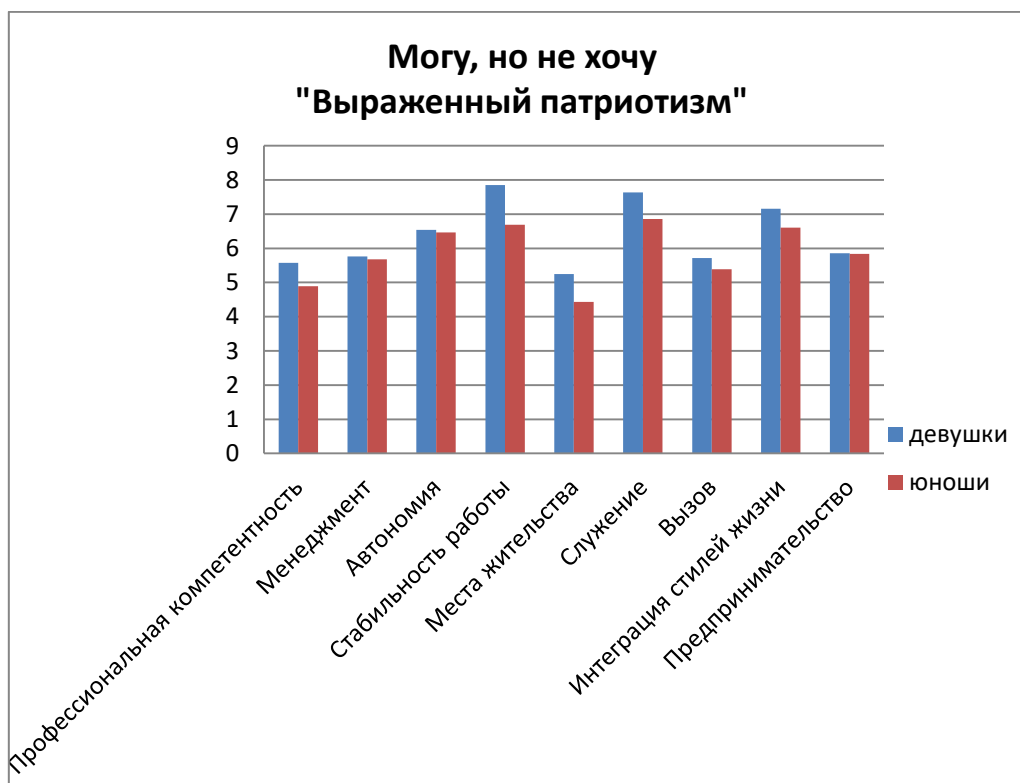

Рис. 10. Показатели ценностных ориентаций в карьере в группе «могу, но не хочу» («выраженный патриотизм») (указаны средние значения)

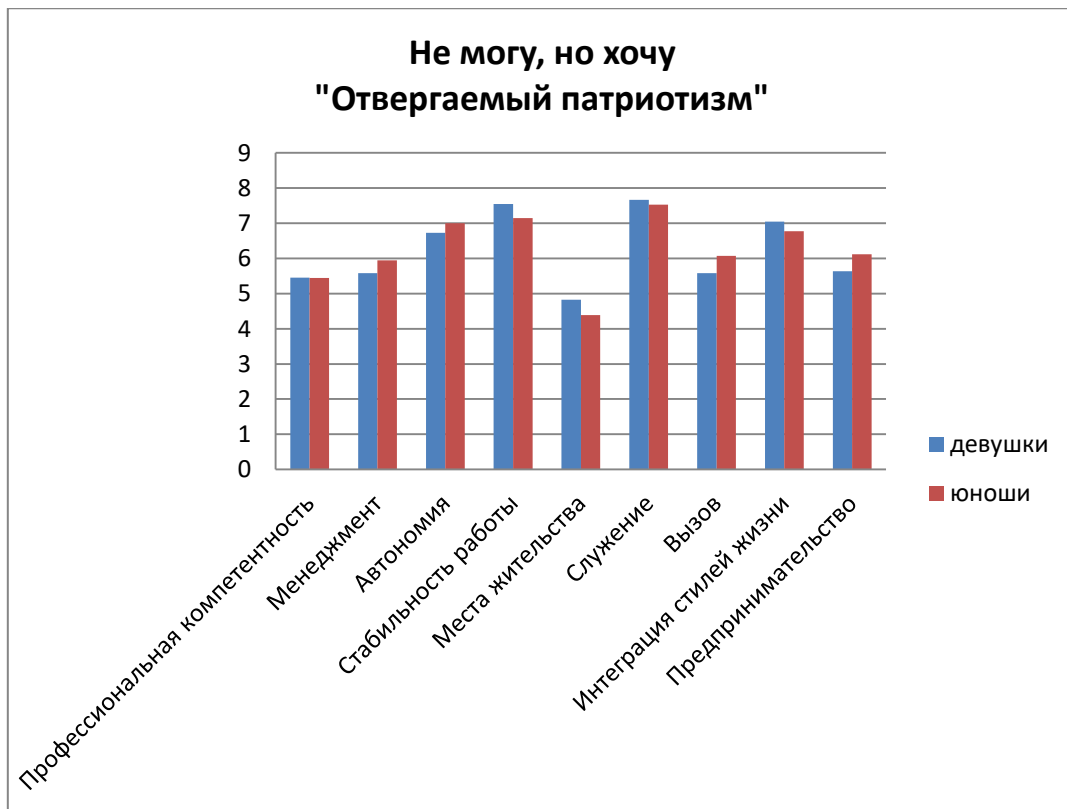

Рис. 11. Показатели ценностных ориентаций в карьере в группе «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм») (указаны средние значения)

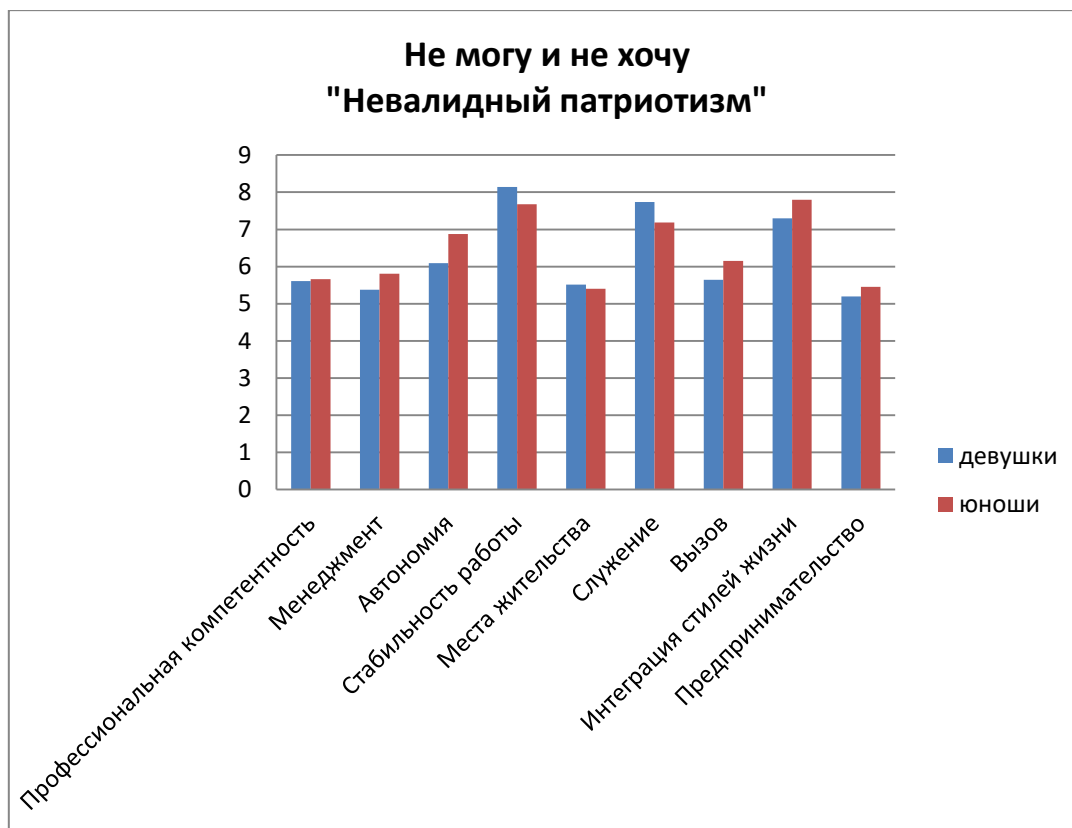

Рис. 12. Показатели ценностных ориентаций в карьере в группе «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм») (указаны средние значения)

Видно, что в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм») максимальные значения имеют такие карьерные установки, как автономия, стабильность работы, служение, для женской выборки – интеграция стилей жизни. Для групп «могу, но не хочу» и «не могу, но хочу» – стабильность работы, служение. Для группы «не могу и не хочу» – стабильность работы, служение, интеграция стилей. В таблице приведены средние значения по шкалам, в которых есть различия между мужской и женской выборками.

Таблица 7

Средние значения по шкалам методики «Якоря карьеры»

	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Автономия				
Женщины	7,13	6,5	6,7	6,09
Мужчины	7,4	6,47	7	6,9
Стабильность работы				
Женщины	7,7	7,8	7,5	8,1
Мужчины	7,1	6,7	7,1	7,7
Стабильность места жительства				
Женщины	4,37	5,25	4,82	5,51
Мужчины	3,61	4,43	4,38	5,40
Служение				
Женщины	8,3	7,6	7,67	7,7
Мужчины	7,8	6,86	7,53	7,2
Интеграция стилей				
Женщины	7,37	7,1	7,04	7,3
Мужчины	7,01	6,6	6,7	7,8

Из таблицы видно, что шкала «автономия» имеет максимальные значения в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм») в мужской и женской выборках. Если эта шкала доминирует, то для людей характерно чувство независимости, нежелание подчиняться правилам, ценят свободу в профессии, хотят осуществлять выборы и принимать решения самостоятельно без опоры на авторитеты.

Максимальные значения по шкале «стабильность работы» имеют и женская и мужская выборка в группе «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм»).

Люди, у которых доминирует эта карьерная ориентация, нуждаются в предсказуемом и стабильном будущем, избегают каких-либо рисков, не поставят под удар свое продвижение в профессии. Максимальные значения по шкале «служение» имеют мужская и женская выборка в группе «могу и хочу». Для людей с этой доминирующей карьерной ориентацией характерна реализация в служении для других, ради какого-то

сообщества, человечества вообще, люди с такими ориентирами выбирают ту область применения, которая никак не противоречит их ценностям и смыслам.

Максимальные значения по шкале «интеграция стилей жизни» имеют мужская и женская выборка группы «не могу и не хочу» и женская выборка из группы «могу и хочу уехать». Люди с данной установкой проживают жизнь целиком, не деля ее на работу, семью или саморазвитие, они пытаются уравновесить все сферы жизни человека, пытаются быть эффективными и результативными во всем.

Интерес представляет шкала «стабильность места жительства». По сравнению с другими шкалами во всех группах показатели этой шкалы самые низкие. Если сравнивать между группами, то самый низкий показатель в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм»), респондентов меньше всего держит ценность стабильности и предсказуемости, можно предположить, что одной из черт этого аттитюда патриотизма является стремление к независимости, в то время как привязанность к работе лишает личность свободы.

Противоположный вывод можно сделать о группе «не могу и не хочу», у респондентов с этим аттитюдом патриотизма самый высокий показатель по этой шкале, как для мужчин, так и для женщин. Можно предположить, что отличительной чертой этой группы является наоборот стремление к стабильности и укорененности, которые дают чувство безопасности.

При помощи t-критерия Стьюдента мы определили, есть ли значимые различия по шкалам между мужской и женской выборками в отдельных группах. В группе «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм») по шкале автономия ($t_{Эмп} = 2.9$, при $p \leq 0.01$) у мужчин этот показатель выражен ярче, они ценят независимость в принятии решений, не хотят подчиняться правилам, согласны даже на застой в карьере, если это не противоречит их нормам.

В группе «могу, но не хочу» («выраженный патриотизм») по шкале стабильность работы между выборками существуют значимые различия ($t_{Эмп} = 3.3$, при $p \leq 0.01$). Женщины ценят безопасность и предсказуемость событий, надежность организации и стабильность (зарплаты, будущей пенсии и т.д.). По остальным шкалам значимых различий между женской и мужской выборками нет.

Тест на профессиональную идентичность (Л.Б. Шнейдер) МИПИ. В таблице 8 указаны результаты тестирования в группах. Согласно предложенной интерпретации, баллы выше 0,71 – это показатели псевдовысокого уровня профидентичности, а баллы от 0,57 до 0,70 – это показатели высокого уровня профессиональной идентичности. Люди с такими данными стремятся выполнять свои профессиональные права и обязанности в соответствии с требованиями, пытаются повышать профессиональную компетентность, имеют потребность в групповом

членстве и им очень важно реализовываться в выбранном виде деятельности.

Таблица 8

Показатели профидентичности в группах

	Профидентичность			
	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Женщины	0,72	0,70	0,72	0,68
Мужчины	0,73	0,70	0,60	0,65

Из таблицы видно, что очень высокий уровень профидентичности имеют мужчины и женщины из группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»), а также женщины из группы «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»). В мужской и женской выборках групп «могу, но не хочу», «не могу и не хочу», а также у мужчин группы «не могу, но хочу» показатели профессиональной идентичности имеют высокий уровень.

Вывод: в мужской и женской выборке во всех группах высокий и очень высокий уровень профидентичности. Респонденты являются студентами 1–4 курсов, они получают профессиональное образование, в ходе которого складывается неразрывная связь, отождествление с социальной группой (Э. Эриксон, 1960), в данном случае – профессиональной.

Опросник по изучению уровня притязаний личности В. Гербачевского. Методика позволяет изучить профиль притязаний личности, автор выделил следующие компоненты мотивационной структуры: внутренний мотив, познавательный мотив, мотив избегания, состязательный мотив, мотив смены деятельности, мотив самоуважения, значимость результатов, сложность задания, волевое усилие, оценка уровня достигнутых результатов, оценка своего потенциала, намеченный уровень мобилизации усилий, ожидаемый уровень результатов, закономерность результатов, инициативность.

Автор выделил три группы мотивов. Группа, в которой мотивы являются побудительной силой деятельности, включает внутренний мотив, познавательный мотив, мотив избегания, состязательный мотив, мотив к смене текущей деятельности и самоуважение.

Во вторую группу, отвечающую за условия выполняемой деятельности, входят значимость результатам деятельности, оценка сложности выполняемого задания, оценка степени выраженности волевого усилия в ходе работы над заданием, оценка уровня уже достигнутых результатов, соотнесенных со своими возможностями в этом виде

деятельности, оценка своего потенциала. Другие элементы отражают предвидимый или планируемый субъектом ход последующих событий: намеченный уровень мобилизации усилий, необходимый для достижения результатов, и ожидаемый уровень результатов деятельности. Третья группа мотивов связана с процессами интерпретации (закономерность результатов от условий, инициатива) (табл. 9).

По шкале «внутренний мотив» самые высокие показатели в мужской и женской выборке у группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»). Этот мотив связан с процессом деятельности, у личности с этой доминантой интерес центрируется вокруг выполнения самого задания и его привлекательности. $t_{Эмп} = 0.8$, при $p \leq 0.05$ – значимых различий между мужской и женской выборками не существует.

Таблица 9

Результаты по шкалам методики В. Гербачевского, распределенные в мужской и женской выборке по группам, средние значения

	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Внутренний мотив				
Женщины	14,63	13,16	12,9	13,59
Мужчины	13,75	12,52	13,4	13,09
Познавательный мотив				
Женщины	17,02	16,19	15,88	15,78
Мужчины	14,9	15,25	15,76	15,60
Мотив смены деятельности				
Женщины	10,83	13,41	13,01	12,74
Мужчины	13,08	13,22	12,67	13,90
Мотив самоуважения				
Женщины	15,75	14,64	14,21	13,77
Мужчины	16,25	14,17	14,04	15,09
Волевое усилие				
Женщины	14,38	14,06	13,37	13,85
Мужчины	15,33	12,95	13,09	13,30
Оценка своего потенциала				
Женщины	15,04	14,43	13,78	13,88
Мужчины	14,83	14,17	13,20	15,24
Закономерность результатов				
Женщины	14,65	15,31	13,96	15,05
Мужчины	15,58	14,82	15,18	15,33

По шкале «познавательный мотив» самые высокие результаты у женской выборки группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»), самые низкие – у мужской выборки этой же группы. Личность с доминирующим познавательным мотивом интересуется результатами своей деятельности.

$t_{Эмп} = 2$, при $p \leq 0.05$ – значимых различий между мужской и женской выборками не существует.

По шкале «мотив смены деятельности» самый высокий показатель у мужской выборки «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм»), самый низкий – у женской выборки «могу и хочу» («нулевой патриотизм»). Доминанта этого мотива говорит о готовности личности сменить вид деятельности, работу. $t_{Эмп} = 1.6$, при $p \leq 0.05$ между женской и мужской выборками группы «могу и хочу» - значимых различий нет. Т-критерий Стьюдента между мужской и женской выборками группы «не могу и не хочу» показал незначимые результаты ($t_{Эмп} = 1.3$, при $p \leq 0.05$).

По шкале «мотив самоуважения» самые высокие показатели у мужской и женской выборки группы «могу и хочу». Доминанта этой шкалы показывает, что личность готова ставить перед собой все более трудные задачи, и это является побуждающей силой к действию. Значимых различий между мужской и женской выборками в этой группе нет ($t_{Эмп} = 0.4$, при $p \leq 0.05$). Значимые различия есть между женскими выборками групп «могу и хочу» и «не могу и не хочу» ($t_{Эмп} = 3$, при $p \leq 0.01$). В мужской выборке между группами значимых различий нет ($t_{Эмп} = 1.5$, при $p \leq 0.05$, $t_{Эмп} = 1.7$, при $p \leq 0.05$, $t_{Эмп} = 0.9$, при $p \leq 0.05$).

Проанализированные выше шкалы относятся к группе мотивов, связанных с процессом оценки ситуации и своей деятельности. В этой связке мотивов выделяется группа «могу и хочу» («нулевой патриотизм»).

По шкале «волевые усилия» высокие показатели у групп «хочу и могу» («нулевой патриотизм») в мужской и женских выборках. Респонденты оценивают свои волевые усилия, приложенные к решению задачи. Между женской и мужской выборкой нет значимых различий по этой шкале ($t_{Эмп} = 0.9$, при $p \leq 0.05$). В женской выборке между группами значимых различий нет, в мужской выборке значимые различия есть между группами «могу и хочу» и «не могу, но хочу» ($t_{Эмп} = 2.8$, при $p \leq 0.01$).

К группе мотивов, связанных с процессами прогнозирования, относится и мотив «оценка своего потенциала». Максимальные значения по этой шкале опять представлены в мужской и женской выборках группы «могу и хочу», а также в мужской выборке группы «не могу и не хочу». Респонденты оценивают свои потенциальные возможности в решении поставленных задач. Значимых различий в женской и мужской выборке между группами нет.

Шкала «закономерность результатов» относится к третьей группе мотивов, которые отвечают за процесс интерпретации деятельности. Эта шкала имеет максимальные значения в мужской выборке группы «могу и хочу». Значимых различий между мужской и женской выборками в этой группе нет ($t_{Эмп} = 0.9$, при $p \leq 0.05$). Минимальное значение эта шкала имеет в женской выборке группы «не могу, но хочу». Значимых различий между мужской и женской выборками в этой группе нет ($t_{Эмп} = 1.9$, при $p \leq 0.05$).

Вывод: методика позволяет построить мотивационный профиль группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»). Для женской выборки мотивационный профиль включает познавательный мотив, внутренний мотив, мотив самоуважения, волевые усилия и оценка своего потенциала. Для мужской выборки мотивационный профиль включает внутренний мотив, мотив самоуважения и закономерность результатов.

Тест на гражданскую идентичность Р. Борисова. Автор выделяет три вида гражданской идентичности. Гиперпозитивная гражданская идентичность – гражданский нарциссизм, гражданский фанатизм, т.е. идентичность, при которой имеет место исключительное доминирование национальных интересов и целей, нередко иррационально понимаемых, готовность идти во имя них на любые жертвы и действия, приписывание нации исключительное, особое место в истории и в современном мире.

Позитивная (нормальная) гражданская идентичность – идентичность, при которой личность имеет чувство психологического комфорта, чувство удовлетворения от осознания себя гражданином своей страны. При данном типе идентичности можно говорить о нормальном, умеренном патриотизме. Негативная гражданская идентичность – идентичность, имеющая место в случае, когда возникает осознание низкого статуса своей нации, признание ее неполноценности перед другими, ощущение психологического дискомфорта из-за своей гражданской принадлежности.

Таблица 10

Результаты по шкалам методики Р. Борисова, распределенные в мужской и женской выборке по группам, средние значения

	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Гиперпозитивная гражданская идентичность				
Женщины	6,67	8,22	7,67	8,46
Мужчины	6,75	7,52	6,58	7,63
Позитивная гражданская идентичность				
Женщины	13,95	13,90	13,80	14,06
Мужчины	13,16	13,15	12,34	14,18
Негативная гражданская идентичность				
Женщины	6,34	6,48	7,30	6,91
Мужчины	7,75	7,52	9,02	6,12

Из таблицы видно, что во всех группах доминирует позитивная гражданская идентичность, максимальные значения в мужской и женской выборке группы «не могу и не хочу». Гиперпозитивная гражданская идентичность свойственна мужчинам и женщинам в этой же группе.

Негативная гражданская идентичность свойственная мужчинам и женщинам из группы «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»).

По шкале «гиперпозитивная гражданская идентичность» между мужской и женской выборками нет статистически значимых различий. В группе «могу и хочу» $t_{ЭМП} = 0.1$, при $p \leq 0.05$. в группе «могу, но не хочу» $t_{ЭМП} = 1.1$, при $p \leq 0.05$, в группе «не могу, но хочу» $t_{ЭМП} = 1.4$, при $p \leq 0.05$, в группе «не могу и не хочу» $t_{ЭМП} = 1$, при $p \leq 0.05$. По шкале «негативная гражданская идентичность» значимых различий между женской и мужской выборками тоже нет: «могу и хочу» $t_{ЭМП} = 1.1$, при $p \leq 0.05$, «могу, но не хочу» $t_{ЭМП} = 1.5$, при $p \leq 0.05$, «не могу, но хочу» $t_{ЭМП} = 2.2$, при $p \leq 0.05$, «не могу и не хочу» $t_{ЭМП} = 0.9$, при $p \leq 0.05$.

Методика С. Баднер направлена на изучение уровня толерантности к трудностям. При низком уровне интолерантности человек способен действовать в сложных, неопределенных условиях, принимать сложные решения и чувствовать себя достаточно уверенно в условиях нестабильности.

Таблица 11

Средние значения по шкалам методики С. Баднера в мужской и женской выборках

	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»	«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»	«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»	«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»
Интолерантность к новизне				
Женщины	13,22	15,68	15,39	16,24
Мужчины	15,83	16,2	14,72	16,39
t-критерий	$t_{ЭМП} = 1.8$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.5$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.8$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.8$ (при $p \leq 0.05$)
Интолерантность к сложности				
Женщины	31,59	32,17	31,71	32,31
Мужчины	29,33	31,7	29,69	32,06
t-критерий	$t_{ЭМП} = 1.2$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.4$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 1.6$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.1$ (при $p \leq 0.05$)
Интолерантность к неразрешимым проблемам				
Женщины	13,38	13,63	13,29	13,40
Мужчины	12,58	13,57	12,86	12,48
t-критерий	$t_{ЭМП} = 0.8$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.1$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.8$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 1.7$ (при $p \leq 0.05$)
Общий показатель интолерантности				
Женщины	58,20	61,49	60,41	61,96
Мужчины	57,75	61,47	57,27	60,9
t-критерий	$t_{ЭМП} = 0.2$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 1.6$ (при $p \leq 0.05$)	$t_{ЭМП} = 0.7$ (при $p \leq 0.05$)

Из таблицы видно, что во всех группах в мужских и женских выборках средний уровень интолерантности. Общий показатель интолерантности – средний уровень (от 51 до 70), интолерантность к

новизне – средний уровень (от 9 до 21), интолерантность к сложности – средний уровень (от 21 до 36), интолерантность к проблемам – средний уровень (от 9 до 16). Также видно, что между мужской и женской выборками во всех группах нет значимых различий.

По шкале интолерантность к новизне в женской выборке между группами «могу и хочу уехать» («нулевой патриотизм») и «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм») существуют значимые различия $t_{Эмп} = 4.6$, при $p \leq 0.01$. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что в женской выборке группе «могу и хочу» интолерантность к трудностям и нестабильности ниже, женщины более собраны, готовы принимать непростые решения в условиях энтропии.

По шкале «интолерантность к сложности» самый низкий показатель в мужской выборке в группе «могу и хочу» («нулевой патриотизм»). Значимых различий с показателями мужской выборки из других групп нет, например, с группой «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм») $t_{Эмп} = 1.4$, при $p \leq 0.05$. Таким образом, мужская выборка во всех группах по этой шкале имеет однородные результаты.

По шкале «общий показатель интолерантности» в женской выборке между группами «могу и хочу уехать» и «не могу и не хочу» существуют значимые различия $t_{Эмп} = 3.1$, при $p \leq 0.01$.

Вывод: в мужской и женской выборках преобладает средний уровень интолерантности к трудностям, женская выборка в группе «могу и хочу» имеет самый низкий общий показатель интолерантности. Женщины более решительны, бесстрашны в принятии решений, более готовы к действиям в неопределенной ситуации.

Анкета по изучению различных убеждений и воззрений молодежи (Л.Б. Шнейдер). В оригинале методика состоит из двух блоков вопросов, мы остановились на первом блоке, в котором акцент делается на определении взглядов молодых людей в области вопросов социальной справедливости. В методике предлагается ответить на вопрос «да», «нет», «не знаю». Для упрощения анализа в данной работе мы предлагаем проанализировать ответы «да» по некоторым вопросам в четырех группах и сравнить их между мужской и женской выборками. Анализируются только те вопросы, которые получили в группах максимальное значение, т.е. имеют больше всего выборов. Для получения информации о значимых различиях между женской и мужской выборками был использован критерий углового преобразования Фишера. В таблице отмечены только значимые различия.

Таблица 12

Показатели ответа «да» в группах, мужской и женской выборках, %, критерий Фишера

	«Могу и хочу», «нулевой патриотизм»		«Могу, но не хочу», «выраженный патриотизм»		«Не могу, но хочу», «отвергаемый патриотизм»		«Не могу и не хочу», «невалидный патриотизм»	
	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж
Считаете ли вы проблему справедливости в России актуальной	79	100	74	77	77	93	74	93
Ф_{эмп.}	Ф_{эмп.} = 2.911 p ≤ 0,01				Ф_{эмп.} = 2.462 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 1.731 p ≤ 0,01	
Испытываете ли вы уважение к тем людям, которые многого достигли	90	83	82	80	79	67	77	68
Вы относитесь безразлично к своей нынешней ситуации	18	58	28	50	31	65	31	66
Ф_{эмп.}	Ф_{эмп.} = 2.647 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 2.497 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 3.696 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 2.127 p ≤ 0,01	
Испытываете ли вы ненависть к кому-либо с такой силой, что вас ничто бы не остановило от расправы над этим человеком?	26	33	27	42	26	60	30	61
Ф_{эмп.}			Ф_{эмп.} = 1.834 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 3.789 p ≤ 0,01			
Имеет ли для вас значение в повседневном общении происхождение другого человека?	18	42	31	52	36	67	34	68
Ф_{эмп.}			Ф_{эмп.} = 2.43 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 3.381 p ≤ 0,01		Ф_{эмп.} = 2.131 p ≤ 0,01	
Считаете ли вы, что политическая нетерпимость разрушает народ?	67	75	65	60	61	63	58	64
Считаете ли вы что необходимо строго соблюдать правила своей группы?	65	75	56	57	55	79	53	79
Ф_{эмп.}					Ф_{эмп.} = 2.041 p ≤ 0,01			

На вопрос «Считаете ли вы проблему справедливости в России актуальной?» все респонденты дали преимущественно положительный ответ. В группах «могу и хочу», «не могу, но хочу», «не могу и не хочу» между женской и мужской выборками существуют значимые различия. Мужчины более склонны считать, что это значимая проблема в России. Можно предположить, что в группах «могу и хочу» и «не могу, но хочу» это является своеобразным мотивом отъезда, а в группах «могу, но не хочу» и «не могу и не хочу» – это констатация факта, которая не является детерминантой.

При ответах на вопрос «Испытываете ли Вы уважение к тем людям, которые чего-то добились?» респонденты преимущественно дают положительный ответ, и значимых различий между гендерными выборками нет. Видимо, установка на признание достижений других является общечеловеческой в целом и не чувствительна к гендерным различиям.

Более безразлично к своей нынешней ситуации относятся мужчины во всех группах, и между выборками существуют значимые различия. Женщины более чувствительны, может быть, тревожны по отношению к ситуации, в которой они находятся. Мужчины, скорее, оценивают свою ситуацию как стабильную и не требующую каких-либо кардинальных изменений.

При ответе на вопрос о ненависти к другим мужчины во всех группах дали больше положительных ответов, но значимые различия между выборками существуют в группах «не могу, но хочу» и «могу, но не хочу». Можно предположить, что такое отношение к другим, или достаточно высокий показатель агрессивности и является детерминантой того, что одни не могут уехать, при желании это сделать, а другие не хотят при явных возможностях это сделать.

Для мужчин из всех групп более важно при общении происхождение другого человека. Но значимые различия в гендерных выборках встречаются только в группах «могу, но не хочу», «не могу, но хочу» и «не могу и не хочу».

Гендерные группы единодушны в вопросе о политической нетерпимости, значимых различий между мужчинами и женщинами нет. Видимо, установка на то, как государство и политика влияют на людей, тоже является общечеловеческой и гендерных особенностей здесь нет.

Вопрос о соблюдении строгих правил группы затрагивает проблему подчиняемости и укоренения личности с референтной группой, признания ценностей и установок группы. Видно, что для большинства респондентов это очевидно, значимые различия между мужчинами и женщинами существуют в группе «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»). Можно предположить, что для мужчин с таким отношением патриотизма очень важной является эта установка, которая лежит в основе их выбора.

Выводы исследования

- Каждый аттитюд патриотизма у юношей и девушек имеет свой уникальный мотивационный профиль. В основе каждого аттитюда патриотизма лежит уникальная система социальных установок и воззрений.

- Большинство социальных установок и воззрений не являются чувствительными к гендеру, хотя, безусловно, встречается специфика в аттитюдах, обусловленная гендерными различиями.

- Качества маскулинности взаимосвязаны с аттитюдами отъезда из страны как у мужчин, так и у женщин. Позитивная гражданская идентичность ярко выражена у мужчин и женщин из группы «не могу и не хочу» («невалидный патриотизм»).

- Для аттитюда «могу и хочу уехать из страны» характерна установка на доминирование, обладание и победу, а для аттитюда «могу, но не хочу уехать из страны» работает установка на коллективность, сотрудничество, взаимодействие, учет положения других, общинность, общественность.

- Максимальные значения по шкале «стабильность работы» имеют и женская и мужская выборка в группе «не могу и не хочу». Постоянство и определенность, предсказуемость событий и судьбы коррелируют с таким аттитюдом как «невалидный патриотизм».

- Негативная гражданская идентичность свойственна мужчинам и женщинам из группы «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»).

- Мотивационный профиль группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»). Для женской выборки мотивационный профиль включает познавательный мотив, внутренний мотив, мотив самоуважения, волевые усилия и оценка своего потенциала. Для мужской выборки мотивационный профиль включает внутренний мотив, мотив самоуважения и закономерность результатов.

- Высокий уровень профидентичности имеют мужчины и женщины из группы «могу и хочу» («нулевой патриотизм»), а также женщины из группы «не могу, но хочу» («отвергаемый патриотизм»). Можно предположить, что профессионализация личности, приобретение ею профессиональных навыков, смыслов и ценностей является мотивами к отъезду из страны как у юношей, так и у девушек. Отъезд рассматривается как способ либо улучшения профессиональных навыков, либо приобретения новых, либо как условие самореализации.

В целом нужно отметить, что различий больше именно в группах с различными аттитюдами патриотизма, в то время как различия показателей между юношами и девушками в этих группах не так очевидны. Это можно объяснить общей тенденцией к конвергенции, которая проявляется в сближении социальных установок и ролей у мужчин

и женщин. Исследования, проводимые с 1974 года¹, убедительно показывают: маскулинность женщин значительно выросла, женские показатели андрогинии также выросли, что приводит к обесцениванию традиционной женственности в сознании самих женщин, в то время как показатели маскулинности мужчин изменяются не так динамично. Мы предполагаем, что эта тенденция к конвергентности проявляется в разных видах деятельности, в целях, в ценностях и аттитюдах у юношей и девушек.

¹ Donnelly, K., Twenge, J.M. Masculine and Feminine Traits on the Bem Sex-Role Inventory, 1993–2012: a Cross-Temporal Meta-Analysis. *Sex Roles* 76, 556–565 (2017). URL: <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0625-y>

Заключение

Данное исследование посвящено изучению трансформаций гендерной ментальности учащейся молодежи российских мегаполисов и провинций. Систематизация феноменологии гендерной ментальности позволила определить ее как специфику группового сознания на основе понимания концептов фемининности и маскулинности и следующих из них когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих паттернов в конкретных социокультурных и пространственно-временных условиях.

На основе систематизация российских и зарубежных данных о гендерных исследованиях были выделены уровни изучения и компоненты гендерной ментальности – когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Описаны основные методологические подходы к исследованию гендерной ментальности – сравнительный, структурный и нормативный. Разработан, апробирован и использован для сбора эмпирических данных диагностический комплекс для изучения компонентов гендерной ментальности. Реализовано эмпирическое исследование гендерной ментальности учащейся молодежи в условиях российских мегаполисов и провинций, проведен сравнительный анализ ее элементов по половому, возрастному и территориальному признакам.

Полученные результаты исследования демонстрируют устойчивую тенденцию в изменении ментальности современной молодежи в направлении от традиционных гендерных норм к смешанным и эгалитарным: эгалитарный тип ментальности демонстрируют студенты и старшеклассники российских мегаполисов, а смешанный и традиционный типы более характерны для молодежи, проживающей в провинциальных городах.

Наиболее часто в изучаемой выборке традиционные нормы демонстрировали юноши – школьники провинциальных российских городов. Наиболее высокую степень приверженности к эгалитарным нормам гендерной ментальности выражают девушки – студентки мегаполиса. Таким образом, зафиксированы возрастная и территориальная специфика гендерной ментальности российской учащейся. Значимыми факторами, определяющими содержание гендерной ментальности, являются уровень образования и этническая принадлежность молодежи.

Результаты нашего исследования апробированы на научных и научно-практических мероприятиях всероссийского и международного уровня, представлены в серии статей, учебном пособии, список публикаций проекта представлен в приложении 4 монографии

Список изданий проекта

1. Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРТ, 2018. 143 с.

2. Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: НИЦ-АРТ, 2019. 200 с.

3. Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник научных статей / под науч. ред. О. И. Ключко. СПб. : НИЦ АРТ, 2020. 209 с.

4. Ерофеева М.А. Влияние социальных сетей на формирование гендерных представлений у учащейся молодежи // Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде : материалы 18-й Всероссийской научно-практической конференции «Башкатовские чтения». Коломна : ГСГУ, 2018. С. 68-70.

5. Ерофеева М.А. Гендерное поведение человека как социокультурный феномен // Гендер и образование: теория и практика : коллективная монография. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, Ассоциация социальных педагогов и педагогов-психологов Подмосковья, 2018. С. 33-46.

6. Ерофеева М.А. Гендерные образы в социальных сетях // Прикладная психология на службе развивающейся личности : сборник научных статей и материалов XVI научно-практической конференции с международным участием. Коломна : ГСГУ, 2019. С. 46-49.

7. Ерофеева М.А. Репрезентация гендерных образов современных студентов в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте» // Человеческий капитал. 2018. № 11-2 (119). С. 56-60.

8. Ерофеева М.А. Студенческая молодежь как объект гендерного воспитания в системе высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2018. № 1. С. 83-85.

9. Ерофеева М.А., Ключко О.И. Представления о нормах женского поведения у российской студенческой молодежи // Человеческий капитал. 2020. № 10 (142). С. 223-233.

10. Иоффе Е.В. Нормативные гендерные установки в сфере супружеского и родительского поведения у студентов России и Казахстана // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник научных статей / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. 2019. С. 47-53.

11. Иоффе Е.В. Представления о современных мужчинах и женщинах у студенческой молодежи // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The

Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал. 2018. № 12. URL : <http://www.emissia.org/offline/2018/2676.htm> Дата доступа 10.04.2019.

12. Иоффе Е.В. Представления о современных мужчинах и женщинах у студенческой молодежи. Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал, 2018, 12

13. Иоффе Е.В. Роль подростковых субкультур в гендерной и сексуальной социализации // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. СПб. : НИЦ АРТ, 2018. С.69-75.

14. Иоффе Е.В. Сексуальные отношения в контексте четырех революций: семейной, сексуальной, гендерной и цифровой // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков : материалы одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г. Нижний Новгород. В 2 т. Т. 2. М. : ИЭА РАН, 2018. С.132-135.

15. Иоффе Е.В.. Роль подростковых субкультур в гендерной и сексуальной социализации // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. М.: НИЦ-АРТ, 2018. С. 69-75.

16. Ключко О.И. Гендерная специфика игровой деятельности дошкольников: ретроспектива исследований и современные тренды // Игровая культура современного детства : сборник статей II Международной научно-практической конференции. М. : НАИР, 2018. С.43-45.

17. Ключко О.И. Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1 (25). С. 29-35.

18. Ключко О.И. Психологическое здоровье и субъективное благополучие мальчиков и девочек // Формирование здорового образа жизни: учебное пособие. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2020. С.99-124.

19. Ключко О.И. Революционер в изучении гендерных трансформаций: памяти Сандры Липсиц Бем // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А. А. Чекалиной. СПб. : НИЦ АРТ, 2018. С.6-13.

20. Ключко О.И., Морозова Н.Н., Самосадова Е.В. Нормы мужского и женского поведения русских и туркменских студентов // Вестник

Казахского национального женского педагогического университета. 2020. №3 (83). С.149-157.

21. Ключко О.И., Перминова Г.В., Сурмава Н.Р. Гендерные особенности готовности старшеклассников к квалификационным испытаниям по иностранному языку // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 2. (44). С. 42-55.

22. Ключко О.И., Сурмава Н.Р. Иностраный язык как гендерно-сензитивная школьная дисциплина // Известия Института педагогики и психологии образования. 2018. № 4. С. 67-77. URL : <http://ippo.selfip.com:85/izvestia/klyuchko-o-i-surmava-n-r-inostrannyu-yazy/> (Дата доступа 15.11.2020)

23. Ключко О.И., Сухарева Н.Ф., Ступенко М.Е. Гендерная идентичность младших школьников в образовательных условиях мегаполиса и провинциального города // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 4 (54). С. 50-63.

24. Ключко О.И., Чекалина А.А., Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 55-69. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности : учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева; под науч. ред. О.И. Ключко. М., СПб. : НИЦ АРТ, 2019. 182 с.

25. Самосадова Е.В. Гендерные отношения учащейся молодежи провинции // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ АРТ, 2018. С. 128-134.

26. Самосадова Е.В. Гендерные отношения учащейся молодежи провинции // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ АРТ, 2018. С.128-134.

27. Самосадова Е.В. Гендерные трансформации ментальности иностранных студентов // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции РАИЖИ и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В 2 частях. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2019. С. 292-296.

28. Самосадова Е.В. Образ гендерных отношений учащейся молодежи // Горожанки и горожане в политических, экономических и

культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков : материалы II Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 04-07 октября 2018 г. Нижний Новгород. В 2 томах. Т. 2. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 162-164.

29. Самосадова Е.В., Сухарева Н.Ф. Гендерные отношения сверстников в представлениях первокурсников вуза провинциального города // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 4 (61). С. 317-320.

30. Самосадова Е.В., Сухарева Н.Ф. Гендерные отношения сверстников в представлениях первокурсников вуза провинциального города // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 4 (61). С. 317-320.

31. Самосадова Е.В.. Образ гендерных отношений учащейся молодежи. Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков : материалы II Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 04-07 октября 2018 г., Нижний Новгород, 2018. С.162-164.

32. Сухарева Н.Ф. Гендерные аспекты социально-психологической готовности к семейной жизни молодежи провинции // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник научных статей / под ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ АРТ, 2019. С. 96-103.

33. Сухарева Н.Ф. Трансформации представлений о семье и родительстве провинциальной молодежи // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРЦ, 2018. С. 83-91.

34. Сухарева Н.Ф. Трансформации представлений о семье и родительстве провинциальной молодежи // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРЦ, 2018., 2018. С.83-91.

35. Сухарева Н.Ф., Александрина Э.Н. Репрезентации образов сельской жительницы и горожанки в изобразительном искусстве Мордовии // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанистики XIV–XXI веков : материалы международной научной конференции, Нижний Новгород. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. С.112-114.

36. Сухарева Н.Ф., Александрина Э.Н. Репрезентации образов сельской жительницы и горожанки в изобразительном искусстве

Мордовии. Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанистики XIV–XXI веков : материалы XI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 112-114.

37. Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации брачно-семейных отношений в представлениях молодежи провинции // Мир университетской науки: культура, образование. 2018. № 9. С. 97-105.

38. Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. Гендерные трансформации брачно-семейных отношений в представлениях молодежи провинции // Мир университетской науки: культура, образование. 2018. № 9. С. 97-105.

39. Чекалина А.А. Гендерные аспекты ментальности как проблема психологического анализа // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А. А. Чекалиной. СПб.: НИЦ АРТ, 2018. С. 14-23.

40. Чекалина А.А. Город. Образование. Ментальность // Взаимодействие на преподавателя и студента в условия на университетского образование: традиции и инновации : материалы Международной научно-практической конференции, 2-6.09.2018. Китев. Габрово : Екс-Пресс, 2018. С. 35-41.

41. Чекалина А.А. Идеи С. Бем в развитии отечественной гендерной психологии // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 4. С. 99-108.

42. Чекалина А.А. К вопросу о влиянии урбанистической среды на формирование гендерной ментальности // Новгород Нижний – сосед Москве ближний. Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков) : материалы международной научной конференции, Нижний Новгород. В 2-х т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 169-171.

43. Чекалина А.А., Ключко О.И. Проблемы адаптации студенческой молодежи Мордовии и Саратовской области к современным гендерным трансформациям // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : в 2 ч. Калининград : Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2019. С. 261-264.

44. Штылева Л.В. В поисках ориентиров гендерной социализации молодого поколения в современном российском обществе // Гендерные

отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Международной научной конференции. Иваново, 2019. С. 368-372.

45. Штылева Л.В. В поисках ориентиров гендерной социализации молодого поколения в современном российском обществе // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Международной научной конференции Москва – Иваново – Плес, 16-18 мая 2019 г. Иван. гос. ун-т : ИГУ, 2019. С.368–372.

46. Штылева Л.В. Гендерные представления современных российских школьников // Педагогика. 2019. № 2. С. 68-80.

47. Штылева Л.В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // Женщина в российском обществе. 2018. №3. С. 49–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.5.

48. Штылева Л.В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 49-66.

49. Штылева Л.В. Гендерный разрыв в математическом образовании и STEM-занятости выпускников российских школ // Социальная педагогика в России. 2018. № 4. С. 3-12.

50. Штылева Л.В. Гендерный разрыв в математическом образовании и STEM-занятости выпускников российских школ. Социальная педагогика в России, 2018, 4. С. 3-12.

51. Штылева Л.В. Культурные различия между идеалами гендерной социализации школьников в России и странах Запада // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции в 2 ч. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева [и др.]. М. : ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград : Изд-во ФБУ им. И. Канта, 2019. Ч. 2. С.275-279. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41109394>

52. Штылева Л.В. Направленность гендерных идеалов воспитанниц девичьего пансиона (на материале кадетского образовательного учреждения Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ, Москва) // Социальная педагогика в России. 2018. № 5. С. 24-35.

53. Штылева Л.В. Направленность гендерных идеалов воспитанниц девичьего пансиона (на материале кадетского образовательного учреждения Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ, Москва) // Социальная педагогика в России. 2018, 5. С. 24-35.

54. Штылева Л.В. Особенности гендерной социализации молодого поколения в России и за рубежом // Социальная педагогика в России. 2019. № 5. С. 14–27.

55. Штылева Л.В. Различия условий и результатов гендерной социализации молодого поколения в России и за рубежом // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 48–64.

56. Штылева Л.В. Роль современного образования в формировании гендерной ментальности девочек и девушек поколения Z // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание : материалы XIII Международной научной конференции РАИЖИ : в 2 ч. / отв. редакторы: Н.Л. Пушкарева [и др.]. М. : ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Казань : Изд-во КФУ, 2020. Ч. 2.

57. Штылева Л.В. Социально-педагогические идеалы гендерной социализации учащейся молодежи в российской семье конца XIX – начала XX вв. // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник научных статей / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: НИЦ-АРТ, 2019. С. 27–35.

58. Штылева Л.В. Социально-педагогические предпосылки гендерного разрыва в математическом образовании и STEM-занятости выпускников российских школ // Социальная педагогика в России. 2018. №4. С. 3-12. URL : <http://www.ispraio.ru/D/F-2018.html>

59. Штылева Л.В. Субъекты и проблемы гендерной социализации девочек и девушек поколения Z в семье // Актуальные аспекты социально-психологических проблем детства и сопровождения участников образовательного процесса. М. : Изд. ФБГНУ «ИИДСВ РАО», 2019. С.268–281.

60. Штылева Л.В. Субъекты и проблемы формирования гендерной ментальности девочек и девушек поколения Z в семье // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник научных статей / под науч. ред. О.И. Ключко. СПб.: НИЦ АРТ, 2020. С. 16–26.

61. Штылева Л.В. Тенденции гендерной социализации в российском образовании (по материалам педагогических изданий XVIII–XIX веков) // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов конференции, 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А. А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРЦ, 2018. С. 24-35.

62. Штылева Л.В. Тенденции гендерной социализации в российском образовании (по материалам педагогических изданий 18–19 веков) // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРЦ, 2018. С. 24–35.

63. Штылева Л.В. Тенденции гендерной социализации в российском образовании (по материалам педагогических изданий XVIII–XIX веков) // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи : сборник материалов конференции, 5 апр. 2018 г. / под науч. ред. О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб. : НИЦ-АРЦ, 2018. С. 24-35.

64. Штылева Л.В., Ключко О.И. Гендерные представления современных школьников (На материале кадетского корпуса «Пансион

воспитанниц МО РФ», г. Москва) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков : материалы международной научной конференции, Нижний Новгород. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 150-152.

65. Штылева Л.В., Ключко О.И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 240-255. doi: 10.32744/pse.2019.2.18

66. Штылева Л.В.. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // Женщина в российском обществе. 2018, 76. 3-1 (3-18). С. 49-66.

Авторские данные

КЛЮЧКО Ольга Ивановна,

доктор философских наук, профессор департамента психологии, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Российская Федерация.

E-mail: olga-klioutchko@yandex.ru

KLYUCHKO Olga Ivanovna, doctor of Philology, professor of psychology department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

ЕРОФЕЕВА Мария Александровна,

доктор педагогических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: erofeeva-ma72@yandex.ru

EROFEEVA Maria Alexandrovna, doctor of pedagogical sciences, professor of Moscow University named after V. J. Kikot, Moscow, Russian Federation.

ИОФФЕ Елена Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека Института психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»; доцент кафедры психотерапии и сексологии ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: elenaioffe@yandex.ru

IOFFE Elena Viktorovna, Ph.D. (psychology), associate professor of the department of human psychology, Institute of psychology, Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen; associate professor of the department of psychotherapy and sexology, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov ", St. Petersburg, Russian Federation.

НАУМОВА Диана Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент департамента психологии института педагогики и психологии образования, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Российская Федерация.

E-mail: NaumovaDV@mgpu.ru

NAUMOVA Diana, Ph.D. (psychology), associate professor of Psychology Department Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

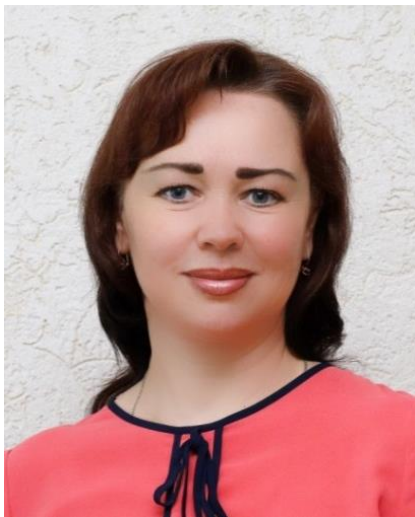

САМОСАДОВА Елена Владимировна,

старший преподаватель кафедры специальной и прикладной психологии ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», г. Саранск, Российская Федерация.

E-mail: samosadova_ev@mail.ru

SAMOSADOVA Elena Vladimirovna, senior lecturer, Department of special and applied psychology, Mordovia state pedagogical University named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation.

СУХАРЕВА Надежда Федоровна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Российская Федерация.

E-mail: nadezhda-sukhareva@yandex.ru

SUKHAREVA Nadezhda Fyodorovna, Ph.D. (psychology), Associate Professor of special and applied psychology, Mordovia state pedagogical University named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation.

ЧЕКАЛИНА Ангелина Анатольевна,
кандидат психологических наук, доцент, г. Москва,
Российская Федерация.
E-mail: chekalina@inbox.ru

CHEKALINA Angelina Anatolyevna, Ph.D.
(psychology), Associate Professor, Moscow, Russian
Federation

ШТЫЛЕВА Любовь Васильевна,
кандидат педагогических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник ФБГНУ «Институт
исследований детства, семьи и воспитания
Российской Академии Образования», г. Москва,
Российская Федерация.
E-mail: many-ny@rambler.ru

SHTYLEVA Lyubov V., Ph.D. (Pedagogic), Associate
Professor, leading researcher of Institute of Childhood,
Family and Education Study of the Russian Academy of
Education, Moscow, Russia

*Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-013-01207)*

DOI: 10.51623/9785907260696_20_230

Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет.

Монография.

Под науч. ред. О. И. Ключко. Текстовое электронное издание.

СПб. : НИЦ АРТ, 2020. – 230 с.

Издательство «НИЦ АРТ»
198097, Санкт-Петербург, ул. М. Говорова, д. 29а
тел. (812) 715-05-21
E-mail: izdat@nic-art.ru
<http://www.artnw.ru>

Подписано в тираж 02.12.2020
Тираж 500 экз. Заказ 82/18(4)-И
ISBN 978-5-907260-69-6

Систем. требования: процессор с тактовой частотой 1,3 ГГц и выше; 128 Мб (рекомендуется 256 Мб);
Microsoft Windows; 10x CD-ROM; Adobe Reader 6.0 и выше